

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	193—215
Борьба Гинкмара Реймскаго съ папствомъ (окончаніе) Д. О.	216—234
Объ изданіи народныхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. По поводу разсказа Г. Флобера: „Юліанъ Милостивый“, изданнаго для народнаго чтенія. Свящ. Гр. Дьяченко	235—264

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе) И. Корсунскаго.	159—179
Философскія письма. Письмо третье. В. А. Волтиной	180—187
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе) И. К.	188—200

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподавать простое (успенное) церковное пѣніе въ церковно-приходскихъ школахъ.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 января 1885 г.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія пзъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и поганій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ себѣаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (пяти) рублѣмъ.

Πίστις νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Марта 1 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *)

Несчастія московскихъ жителей были тѣмъ ужаснѣе и безвыходнѣе, что и бѣжать изъ Москвы было крайне трудно. Подобно желѣзному кольцу окружала непріятельская армія городъ и распространяла на всѣ стороны убійства, грабежи, пожары и опустошенія. Почти всѣ подмосковныя села и деревни были заняты непріятельскими отрядами, на всѣхъ дорогахъ свирѣпствовали шайки мародеровъ, казаковъ и крестьянъ. Французы и наши соперничали другъ съ другомъ въ дикомъ дѣлѣ разрушенія, въ грабительской алчности, въ дьявольской мстительности. Казалось, что всѣ фуріи ада вырвались изъ своихъ оковъ и свирѣпствовали на волѣ во всемъ районѣ несчастной столицы. Окрестности Москвы принадлежали и тогда уже къ числу наиболѣе заселенныхъ и богатыхъ мѣстностей во всей имперіи. Среди воздѣланныхъ полей, зажиточныхъ деревень и селеній, среди роскошныхъ лѣсовъ и парковъ виднѣлись богатя дачи и усадьбы московской знати—Шереметевыхъ, Растопчинныхъ, Голицыныхъ, Воронцовыхъ. Иностранные офицеры, служившіе въ нашей арміи, останавливались въ изумленіи передъ истинно царскою роскошью, наполнявшею загородныя чертоги нашихъ аристократовъ, передъ дѣйствительно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 3.

чудеснымъ сочетаніемъ богатства и тонкаго изящнаго вкуса. Замокъ Растопчина, Вороново, говоритъ одинъ изъ нихъ *), наполненъ былъ всѣмъ, что могли только доставить чуждыя страны для удовлетворенія роскоши и убранства. И все, начиная отъ великаго до малаго, поражало не однимъ только блескомъ, но и изяществомъ вкуса. Цѣлая громадная галлерей была наполнена драгоценными произведеніями стараго и новаго искусства, привезенными графомъ изъ Италіи. Даже конюшни поражали величіемъ и грандіозностью своего стиля; передъ входомъ въ нихъ красовалась колоссальная статуя конекротителей.

Но что значила вся роскошь Растопчинскаго дворца въ сравненіи съ тою, по истинѣ, сказочною обстановкою, которая поражала пришельца въ родовомъ имѣніи графовъ Шереметевыхъ, Кусковѣ. Кусково, принадлежавшее тогда малолѣтнему графу Дмитрію Николаевичу, находится въ девяти верстахъ отъ Москвы, между Рязанскою и Владимірскою большою дорогою. Громадный, вѣковой лѣсъ, прорѣзанный широкими просѣками и удобными дорогами, окружалъ со всѣхъ сторонъ имѣніе. Семнадцать большихъ и малыхъ прудовъ съ искусственными островами и роскошными на нихъ бесѣдками, съ стадами лебедей, съ цѣлыми флотиліями лодокъ и принадлежащими къ нимъ матросами, съ всевозможными затѣйливыми приспособленіями для плаванія, катанія и рыбной ловли, разсѣяны были по всему парку и соединялись другъ съ другомъ каналами. Въ различныхъ мѣстахъ устроены были и украшены подходящимъ образомъ эрмитажъ въ мавританскомъ стилѣ, китайскія, индійскія, персидскія и японскія бесѣдки. Среди лѣсной чащи подымались внезапно колоссальные обелиски, въ другихъ мѣстахъ разставлены были изящныя мраморныя статуи. Въ особомъ роскошномъ домѣ, носившемъ названіе итальянскаго, сосредоточены были лучшія произведенія итальянской классической живописи и ваянія. Другое двухъ-этажное зданіе, все выложенное внутри изразцами самаго разнообразнаго рисунка, носило названіе голландскаго дома. Тутъ можно было

*) См. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland von General syr Robert Wilson (aus dem englischen von Seybt), стр. 154.

видѣть массу образцовыхъ произведеній голландской и фламандской школы, а вокругъ дома разбитъ былъ садикъ въ голландскомъ вкусѣ. Независимо отъ этихъ и цѣлой массы другихъ построекъ, въ двухъ барскихъ домахъ кромѣ обычной роскошной обстановки, можно было встрѣтить большую бібліотеку, картинную и портретную галерею, оружейную палату, рѣдкости и драгоценности всякаго рода. Двѣ Кусковскія церкви блистали благолѣпіемъ и дороговизною своихъ украшеній. Въ громадныхъ оранжереяхъ собранъ былъ цѣлый лѣсъ тропическихъ растений и южныхъ деревьевъ. Въ особомъ громадномъ звѣринцѣ помѣщались всевозможныя дикіе звѣри и рѣдкія птицы. Обширныя хозяйственныя постройки занимали колоссальное пространство. Для приѣма гостей устроены были цѣлыя отдѣльные корпуса. Бывали дни, когда въ Кусково стекалось болѣе 50,000 посѣтителей, когда графъ угощалъ за своимъ столомъ по 2000 человекъ *).

Всему этому богатству, величію и роскоши пробила теперь послѣдній часъ. Сигналъ къ разрушенію этихъ приютовъ нѣги, красоты и искусства былъ поданъ однимъ изъ самыхъ владѣльцевъ, московскимъ главнокомандующимъ, графомъ Растопчинымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода нашей арміи изъ Москвы, Растопчинъ принималъ у себя въ послѣдній разъ гостей въ селѣ Вороновѣ, находящемся верстахъ въ тридцати отъ Москвы по Рязанской дорогѣ. Бенингсенъ, Ермоловъ, англійскій генералъ Вильсонъ, адъютантъ его, лордъ Тирконель, многіе другіе генералы и офицеры, расположились ночью вокругъ большаго костра, разложеннаго передъ самою конюшнею. Графъ Растопчинъ занималъ въ теченіи всей ночи своихъ гостей разговоромъ, или лучше сказать, онъ не давалъ имъ спать своими горькими жалобами на князя Кутузова. Онъ объявлялъ, что никогда не забудетъ и не проститъ фельдмаршалу, что онъ очистилъ Москву, не увѣдомивъ его объ этомъ предварительно и что этимъ онъ лишилъ его и москвичей возможности удивить міръ болѣе нежели римскою, русскою до-

*) Достопримѣчательности Кускова описаны съ особенною точностью въ статьѣ профессора П. А. Безсонова, помѣщенной въ 9 выпускѣ „Пѣсней, собранныхъ Киртеевскимъ“.

блестью. Теперь-же, сказалъ онъ въ заключеніе, я зажгу мой дворецъ со всѣми его драгоценностями и жалѣю лишь объ одномъ, что не могу принести бѣльшей жертвы. Всѣ присутствующіе, пораженные его словами, тщетно пытались отклонить его отъ такого разрушительнаго замысла: ничто не могло поколебать графа въ его рѣшимости.

На разсвѣтѣ къ графу явилось нѣсколько выборныхъ чело-вѣкъ отъ его крестьянъ. Они объявили ему, что они намѣрены удалиться изъ села вмѣстѣ съ послѣдними войсками, что они готовы переселиться въ какое угодно отдаленное имѣніе графа, но что ни за что не подчинятся французскимъ властямъ. Графъ тотчасъ же изъявилъ свое согласіе на ихъ требованіе, и все село въ 1700 душъ со всѣми наскоро собранными пожитками, немедленно же тронулось въ путь. Нельзя было смотрѣть безъ слезъ на этихъ переселенцевъ. Глубокое торжественное молчаніе царствовало въ ихъ средѣ. Не слышно было ни жалобъ, ни стоновъ, ни проклятій; раздавались лишь по временамъ возгласы: „Боже, спаси Царя и Россію! Боже благослови нашего господина“. Между тѣмъ непріятельскіе разѣзды приблизились къ самому Воронову. Наши форпосты начали обмѣниваться съ ними выстрѣлами. Рѣшительная минута наступила. Графъ Растопчинъ попросилъ всѣхъ присутствующихъ генераловъ и офицеровъ отправиться съ нимъ въ домъ. Подойдя къ подъѣзду, онъ приказалъ раздать всѣмъ имъ зажженные факелы. Всѣ вошли затѣмъ въ домъ и графъ направился прежде всего въ свою спальню. Тутъ онъ остановился на минуту и сказалъ вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ генералу Вильсону: „Здѣсь стоитъ моя свадебная кровать. Я не въ силахъ зажечь эту комнату. Вы должны избавить меня отъ этого мученія“. Вильсонъ далъ ему слово зажечь спальню. Между тѣмъ Растопчинъ и его спутники заходили поочередно въ каждую комнату и зажигали ее. Не прошло четверти часа, а уже громадный дымъ пылалъ со всѣхъ сторонъ. Растопчинъ поспѣшилъ въ конюшни, и вскорѣ надъ ними поднялись огненные языки. Долго и неподвижно стоялъ графъ посреди двора, смотря какъ пламя жадно пожирало его усадьбу. Наконецъ, рухнула громадная группа

конеукротителей. „Теперь мнѣ легче на душѣ“,—сказалъ графъ. Пора уже было уходить. Наши форпосты, тѣснимые непріателемъ, отступали къ горящей усадьбѣ; пули то и дѣло свистали мимо графа и его спутниковъ. Удаляясь за послѣдними войсками, Растопчинъ прибиль на одинокомъ и замѣтномъ отовсюду столбѣ слѣдующее посланіе къ французамъ: „восемь лѣтъ употребилъ я на устройство этого помѣстья; въ немъ въ кругу моей семьи велъ я счастливую жизнь. Обитатели этого имѣнія, въ числѣ 1720 душъ, оставляютъ его при нашемъ приближеніи, а я зажигаю добровольно домъ, дабы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы, я оставилъ вамъ мои дома въ Москвѣ со всѣмъ ихъ убранствомъ, цѣною въ полмилліона рублей. Здѣсь вы найдете только пепель“ *).

Въ это самое время какъ Растопчинъ обращалъ въ пепель свою роскошную усадьбу и тѣмъ самымъ лишилъ непріателя богатой добычи, въ другихъ подмосковныхъ имѣньяхъ и селахъ хозяйничали уже незваные и непрошенные гости. Первыми грабителями въ Кусковѣ и сосѣднемъ Шереметевскомъ имѣніи, Вешняковѣ, явились, впрочемъ, не французы, а русскіе. Если войска наши, и въ особенности казаки, не коснулись Москвы при проходѣ черезъ нее, то совершенно иначе отнеслись они къ тѣмъ селеніямъ и деревнямъ, которыя лежали уже за Москвою. Да оно и понятно! Едва наши войска выступили изъ Москвы, какъ уже надъ столицею поднялись цѣлые столбы дыму и пламени. Въ продолженіи ночи пожаръ усилился и по утру 3-го сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ обозначалась пламенемъ. „Огненные полосы, говоритъ очевидецъ,—восходили до небесъ, и черный густой дымъ, клубясь по небосклону, растилался до насъ. Тогда всѣ мы невольно содрогались отъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не постигая, что совершается передъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣть паденіе Россіи, торжество антихриста, потомъ скорое явленіе страшнаго суда и кончину свѣта. Мѣсто удивленія заступило негодова-

*) См. Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, von General syr Robert Wilson. Стр. 155—156.

ніе. „Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! Красуйся матушка, русская столица! говорили солдаты“.

Итакъ, вотъ къ чему повело оставленіе въ цѣлости Москвы! Непріятель предаль ее грабежу и пламени! Странно, безумно было бы послѣ этого оставлять въ неприкосновенности врагу еще новую добычу, не воспользоваться, по крайней мѣрѣ, самымъ богатыми ресурсами покидаемой мѣстности. Нѣтъ, лучше послѣдовать совѣту московскихъ купцовъ; нѣтъ, лучше ограбить самимъ, нежели оставлять добычу непріятелю. Утромъ 3 сентября въ Кусково и Вешняково вступили русскія войска, по преимуществу казаки и регулярная конница. Тотчасъ же начали они чинить озорничества, требовать овса и сѣна для лошадей *). Такъ какъ прикащики не хотѣли дать добровольно, то казаки и солдаты разбили двери у сушиль и амбаровъ и выгребли изъ нихъ весь овесъ, ржаную муку и гречневую крупу. Захвативъ потомъ запасы сѣна, грабители пробрались въ графскіе дома, въ эрмитажъ и голландскій домъ, разбили двери и оконныя рамы и забрали съ собою различныя вещи. Другіе солдаты отправлялись по домамъ дворовыхъ людей, отнимали у нихъ скотъ, ловили и били курей, брали сѣно и хлѣбъ; графскія и людскія кладовыя были также разбиты, сундуки поломаны, находившееся въ нихъ имущество частью забрано, частью уничтожено. Главный Кусковскій прикащикъ задумалъ было усовѣщевать грабителей, уговаривать и просить честию, чтобы они не озорничали, но они не обратили на него ни малѣйшаго вниманія. Когда-же прикащикъ продолжалъ надоѣдать имъ своими просьбами, то они начали грозить ему „смертоноснымъ оружіемъ“. Офицеры вовсе не думали останавливать своихъ солдатъ. Они совѣтовали даже прикащику оставить ихъ въ покоѣ, говоря, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ убитъ. Офицеры подали прикащику еще и другой совѣтъ: „непріятель идетъ за нами по пятамъ; онъ замучитъ

*) О происшествіяхъ въ Кусковѣ см. выписки изъ архивныхъ дѣлъ о разореніи и грабежахъ французскихъ войскъ въ имѣніи графовъ Шереметевыхъ—селѣ Кусковѣ. Рукопись сообщена профессоромъ П. А. Безсоновымъ, которому авторъ изъявляетъ при этомъ случаѣ свою искреннюю признательность.

вась на работѣ, уходите, пока еще есть время“. Прикащикъ призадумался. Онъ видѣлъ, какъ отовсюду народъ, пораженный страхомъ, бѣжалъ отъ злодѣя; онъ замѣчалъ повсемѣстное смятеніе и ужась, и рѣшился, наконецъ, послѣдовать благоразумному совѣту офицеровъ *). На слѣдующій день уланы и раненые солдаты съ огромнымъ обозомъ вступили въ Кусково. Эти вели себя еще безцеремоннѣе. При наступленіи ночи они расположились по обывательскимъ домамъ, разложили костры по всему селу, начали грабить жителей и гнать ихъ вонъ, говоря, что французъ близко идетъ. Страхъ напалъ на дворовыхъ людей, оставшихся безъ прикащиковъ и начальства. Зарево отъ пожара Москвы и сосѣднихъ деревень громко говорило имъ о близкой и неминуемой бѣдѣ. Объятые ужасомъ при приближеніи злодѣя, они бросили свои дома и барское имущество и спѣшили укрыться одни въ далекія деревни, другіе въ лѣса. Во всемъ селѣ остались только одинъ старикъ да двѣ старухи, неспособные къ бѣгству за дряхлостью лѣтъ **). Французы вступили въ Кусково на третій день послѣ этого повального бѣгства. Съ ними былъ генераль и множество офицеровъ (чиновниковъ?). Немедленно-же заняли они всѣ графскіе дома и театръ, расположились въ церквахъ и въ домахъ дворовыхъ людей. Начался систематическій и безпощадный грабежъ. Прежде всего они обобрали до-чиста церкви ***) , затѣмъ принялись за графскіе дома. Вездѣ во всѣхъ

*) „Офицеры уговаривали прикащика болѣе въ Кусковѣ не быть, а удалиться далѣе по причинѣ состоящаго вблизи непріятеля, который замучаетъ на работѣ, и я видя, что народъ изъ Москвы и со всѣхъ мѣстъ отъ непріятеля бѣжитъ и вездѣ округъ Кускова заступили російскія войска, чрезъ такое смятеніе и ужась во вторникъ уѣхалъ въ село Марково“. Изъ донесенія Кусковскаго прикащика, Петра Александрова находящимся въ Московскомъ китайскомъ домѣ домоправителямъ Алексѣю Глѣбову и Павлу Александрову. Рукопись, сообщенная профессоромъ П. А. Безсоновымъ.

**) „И дворовые люди, видя такой грабежъ, происходившій отъ нашихъ войскъ и видя близъ себя наступающаго злодѣя и пожары (начали горѣть Москва, Выхино, Думбино, Хахловка, Карачарово, Новая деревня), и будучи кругомъ въ огнѣ и крайней опасности отъ страха и ужаса непремѣнными шашлись, оставя свои должности и дома, бѣжать въ разныя мѣста“ и т. д. Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ.

***) „Изъ церквей были забраны оклады съ жемчугомъ и алмазами съ образовъ покровы съ престоловъ и жертвенниковъ, сосуды, ризы и т. д. Имущество, спря-

комнатахъ сдирали они дорогіе штофныя, атласныя и бархатныя обои, занавѣси съ оконъ, обивку съ дивановъ, кресель и другой мебели; снимали зеркала, брали подсвѣчники и шандалы, захватывали фарфоръ и другую посуду. Произведенія искусства, какъ видно, привлекали ихъ гораздо менѣе. Правда, они разбили не мало мраморныхъ статуй, но многія оставили и въ цѣлости. Изъ итальянскаго и голландскаго дома они взяли лишь по нѣскольку картинъ: изъ портретной галлерей забрали всего лишь два портрета. Въ великолѣпныхъ будуарахъ барскаго дома они разбили нѣсколько зеркалъ, а другіе взяли. Съ особенною жадностію набрасывались французы на мебель всякаго рода, на одежду и матеріи, на металлическія вещи. Такъ они увозили цѣлыми обозами мебель и зеркала въ Москву; ободрали въ театрѣ все сукно и холстъ въ ложахъ, въ партерѣ и со скамеекъ, сорвали съobeliskовъ и мраморныхъ колоннъ въ саду мѣдныя вызолоченныя доски съ надписями. Въ занимаемыхъ ими домахъ французы чинили всевозможныя безобразія: ставили лошади въ роскошныхъ жилыхъ покояхъ графскаго дома, ѣздили верхами по аранжереямъ, ломали и рубили сучья съ плодами отъ лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, били стекла и зеркала, прокалывали штыками дорогія картины. Нечего и говорить, что они уничтожили до-тла всѣ запасы и скоть, попавшіе въ ихъ руки *).

Между тѣмъ Кусковскіе дворовые, скрывавшіеся въ сосѣднихъ лѣсахъ, любопытствуя узнать, что дѣлается въ имѣніи, прокрадывались иногда въ Кусково по два и по три человѣка, и нерѣдко попадали при этомъ въ руки непріятеля. Участь такихъ плѣнниковъ была самая тяжелая. Французы употребляли ихъ на всевозможныя работы; заставляли носить воду, рубить дрова, копать картофель, въ случаѣ неповиновенія или неисправности били, „но только легкими побоями“. По прошествіи трехъ недѣль, французскій отрядъ ушелъ изъ Кускова. Дворовые, полагая, что все кончилось, возвратились въ

тайное подъ поломъ, не было найдено“. Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ. Рапортъ Кусковскаго прикащика Петра Александрова въ Московское домовое правленіе.

*) Рукопись, сообщенная проф. П. А. Безсоновымъ.

имѣніе въ количествѣ 20 человекъ, но они жестоко ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Непріятельскія партіи отъ времени до времени наѣзжали въ Кусково и творили еще большія безчинства. Именно въ это-то послѣднее время грабежъ принялъ самый безсмысленный и разрушительный характеръ. Непріятели не столько заботились о добычѣ, сколько объ истребленіи. По всѣмъ садамъ и паркамъ валялись разбитые и попорченныя вещи, вездѣ виднѣлись слѣды дикаго вандализма *).

Пребываніе французовъ въ Кусковѣ обошлось безъ пожаровъ и кровопролитія, быть можетъ, потому, что непріятели не нашли здѣсь ни одной живой души, за исключеніемъ нѣсколькихъ старухъ. За то въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители оказывали сопротивленіе, непріятельскіе фуражиры совершали всевозможныя жестокости, опустошали все огнемъ и мечомъ. Озлобленные крестьяне и казаки мстили имъ по мѣрѣ силъ своихъ, не давали пощады ни одному французу, попадавшему имъ въ руки. Обѣ стороны перешли въ это время въ жестокости всѣ предѣлы возможнаго. „Трудно составить себѣ понятіе о жестокостяхъ, совершенныхъ тогда русскими крестьянами, не бывши очевидцемъ“, — замѣчаетъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій. „Казаки и въ особенности русскіе крестьяне, говоритъ другой очевидецъ, нерѣдко обматывали своихъ плѣнниковъ соломою и сожигали живьемъ“ **). Французы, съ своей стороны, ловили десятками крестьянъ, приводили ихъ въ Москву и разстрѣливали безъ милосердія. Нерѣдко эти несчастные умирали такъ спокойно и безтрепетно, что приводили въ удивленіе своихъ палачей. Разстрѣливали обыкновенно по одиночкѣ; ждавшіе очереди смотрѣли на умерщвленіе своихъ товарищей безъ всякаго ужаса. „Помилуй меня Господи! Прощайте добрые люди!“ — вотъ съ какими словами встрѣчали тогда смерть эти безымянные герои ***).

*) Многія изъ вещей оказались и у дворовыхъ. „Но они оного не брали, а все оное нанесено французами, а нѣкоторыя (вещи) взяты лежація въ саду и развѣхъ мѣстахъ“. Донесеніе прикащика, изъ рукописи, сообщенной пр. П. А. Безсоповымъ.

***) Показаніе прусскаго полковника Калькрейта. См. Бернгарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II. стр. 206.

***). См. „Двѣнадцатый годъ. Современныя письма, анекдоты, стихотворенія“. „Русскій Архивъ“ за 1871 г. кн. 7. № 47., стр. 266.

Наполеонъ, такъ легкомысленно обрекшій на всѣ эти ужасы несчастные остатки Москвы и ея окрестности, не могъ однако-же примириться съ мыслью, что Москва, которую онъ держалъ уже въ своихъ рукахъ, сдѣлалась добычею пламени. Крайне равнодушный къ общественному мнѣнію, онъ опасался тѣмъ не менѣе, что пожаръ русской столицы произведетъ крайне тяжелое впечатлѣніе, что весь стыдъ и позоръ этого варварскаго дѣла будетъ приписать ему и его арміи *). И вотъ желая смыть съ себя и съ своей арміи это пятно, Наполеонъ, тотчасъ-же по возвращеніи въ Кремль, приказываетъ учредить военно-судную комиссію изъ нѣсколькихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ бригаднаго генерала Лауэра, для изслѣдованія причинъ московскихъ пожаровъ и для суда надъ поджигателями. Комиссія открыла свои засѣданія 12 сентября. Прежде всего ей представлены были документы, имѣвшіе цѣлью доказать, что Москва была сожжена русскими поджигателями, дѣйствовавшими по распоряженію и инструкціямъ русскихъ правительственныхъ лицъ и, главнымъ образомъ, московскаго генералъ-губернатора, графа Растопчина **). Вслѣдъ затѣмъ предъ комиссіею предстали сами преступники, въ числѣ 26 человекъ. Что-же это были за люди? Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ одного офицера, поручика перваго московскаго полка, одного солдата, восемь полицейскихъ солдатъ, трехъ живописцевъ, двухъ кузнецовъ, трехъ лакеевъ, сидѣльца, пономаря, обойщика, ремесленника (?) и человекъ неизвѣстнаго званія и занятія ***). Нѣкоторые изъ подсудимыхъ были пойманы на мѣстѣ преступленія, у другихъ найдены были различные зажигательные матеріалы и снаряды, какъ-то: ракеты, фитили, фосфоровые замки, сѣра. Комиссія старалась обставить свою процедуру нѣкоторыми законными формальностями. Подсудимые введены были въ залъ

*) Что впечатлѣніе этого событія въ Паризѣ было самое тяжелое, видно между прочимъ изъ письма Fiévée къ Наполеону. См. *Correspondance et relations de J. Fiévée avec Bonaparte*. Paris. 1837. Т. III, стр. 239—246.

***) Журналъ засѣданій комиссіи былъ помѣщенъ въ „Монитерѣ“ 29 октября 1812 года, № 303.

***) См. журналъ засѣданій комиссіи въ указанномъ номерѣ „Монитера“.

засѣданій, какъ сказано въ протоколѣ, безъ стражи и безъ оковъ. Имъ прочитаны были обвиненія, затѣмъ комиссія выслушала по-одиночкѣ заявленія и доказательства свидѣтелей и самихъ обвиненныхъ. Этимъ послѣднимъ предъявлены были вслѣдъ затѣмъ вещественныя доказательства поджога и предложень вопросъ, что могутъ сказать они еще въ свое оправданіе. По удаленіи подсудимыхъ изъ залы, комиссія приступила къ составленію приговора. Всѣ судебныя обряды были, такимъ образомъ, соблюдены, хотя изъ протоколовъ не видно, чтобы подсудимымъ даны были защитники, и хотя въ нихъ не значится, что говорили они въ свою пользу. Приговоръ утверждаетъ прежде всего, что пожаръ Москвы былъ дѣломъ преднамѣреннымъ и что подсудимые исполняли только приказанія московскаго генераль-губернатора. „Комиссія убѣдилась, говорится далѣе, что русское правительство, предчувствуя опасность войны, въ которую вступило, и невозможность воспрепятствовать французской арміи занять Москву, уже три мѣсяца тому назадъ рѣшилось употребить для своей защиты средства пожара и разрушенія, отвергаемыя образованными народами. Съ этой цѣлью оно воспользовалось предложеніемъ одного доктора Шмидта, англичанина, называвшагося нѣмецемъ, механика и машиниста по ремеслу. Вызванный въ Россію, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ прошлаго мая мѣсяца, и, послѣ нѣсколькихъ тайныхъ переговоровъ съ представителями власти, былъ помѣщенъ въ домѣ Воронцова, въ шести верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда отпращенъ былъ отрядъ изъ 160 человекъ пѣхоты и 12 драгунъ, дабы охранять таинственныя дѣянія Шмидта и преграждать доступъ къ нему любопытныхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ строилъ воздушный шаръ огромныхъ размѣровъ, въ которомъ предполагалось помѣстить разрушительную машину и которымъ, по его увѣренію, онъ могъ управлять, какъ угодно. Нелѣпи за двѣ до вступленія французской арміи въ Москву, въ село Воронцово было послано семь большихъ бочекъ пороха съ фейерверкерами, которые работали по указанію Шмидта. Но доказано, что приготовленіе шара было только выдумкою, и что въ Воронцовѣ занимались исключительно приготовленіемъ за-

жигательныхъ снарядовъ и машинъ, и что всѣ издержки за эти приготовленія уплачивало русское правительство“. Затѣмъ приговоръ старается доказать, что главнѣйшимъ виновникомъ сожженія Москвы былъ графъ Растопчинъ. Подобныя-же обвиненія противъ графа находимъ мы и въ Наполеоновскихъ бюллетеняхъ *). Уже послѣ Бородинскаго сраженія, говорится въ бюллетенѣ и въ приговорѣ комиссіи, Растопчинъ рѣшился сжечь столицу. Съ этою цѣлью онъ выпустилъ изъ острога 800 преступниковъ съ условіемъ, чтобы они подожгли городъ черезъ 24 часа по вступленіи въ него французовъ. Чтобы руководить ихъ дѣйствіями, графъ оставилъ въ Москвѣ нѣсколькихъ переодѣтыхъ офицеровъ и нижнихъ военныхъ чиновъ, а чтобы лишить французовъ всѣхъ способовъ противодѣйствовать пожару, онъ приказалъ вывезти изъ города, въ самый день вступленія французской арміи, пожарныя трубы всѣхъ двадцати частей города съ ихъ принадлежностями. Въ заключеніе приговоръ комиссіи утверждаетъ, что Растопчинъ публично заявлялъ о своемъ намѣреніи сжечь Москву, и приводитъ съ этою цѣлью слѣдующій отрывокъ изъ одной прокламаціи графа Растопчина: „Вооружитесь, чѣмъ ни попало, особенно вилами, которыя особенно пригодны противъ французовъ, потому что они не тяжелѣ соломеннаго снопа; если-же не побѣдимъ ихъ, то сождемъ ихъ въ Москвѣ, коль скоро они осмѣлятся войти въ нее“.

Таковъ приговоръ комиссіи. Въ этомъ оригинальномъ документѣ перемѣшана самымъ страннымъ образомъ ложь съ правдою. Русское правительство, хорошо знакомое по опыту и съ военнымъ геніемъ Наполеона и съ колоссальными его средствами, хваталось дѣйствительно въ началѣ войны за самыя странныя проекты для истребленія непріятели. Оно приняло дѣйствительно услуги одного шарлатана, Леппиха **), назвавшаго себя Шмидтомъ. Леппихъ взялся построить огромный воздушный шаръ, которымъ можно будетъ управлять по

*) См. бюллетени отъ 17 и 20 сентября, приговоръ комиссіи состоялся 24 сентября.

**) Подробности о Леппихѣ см. „Русскій Архивъ“ за 1875 г. Статья А. Н. Попова: „Москва въ 1812 г.“. Гл. IV.

произволу, изъ котораго онъ собирался осыпать непріятельскую армію страшными разрывными снарядами. Само собою понятно, что изъ предпріятія шарлатана не вышло ровно ничего, что онъ истратилъ большія суммы денегъ, былъ наконецъ заподозрѣнъ въ обманѣ и высланъ въ Петербургъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что предпріятіе Лепиха не имѣло ни малѣйшей связи съ пожаромъ Москвы, да и было-бы смѣшно прибѣгать для такой простой цѣли, какъ поджогъ города, къ такимъ сложнымъ снарядамъ, какъ адскія машины и различные зажигательные снаряды. Справедливо, что Растопчинъ неоднократно заявлялъ о своемъ намѣреніи сжечь Москву, но онъ никогда не дѣлалъ этихъ заявленій оффиціально, и ни въ одной изъ его прокламацій къ московскому населенію не встрѣчается фразы о сожженіи Москвы. Эта фраза не могла быть, разумѣется, вымыслена членами комиссіи, но она могла быть поднесена ей какимъ-нибудь услужливымъ второстепеннымъ агентомъ.

Комиссія не рѣшилась, впрочемъ, приговорить всѣхъ обвиненныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія. Только 10 человѣкъ присуждены были къ смертной казни, остальные 16, противъ которыхъ не имѣлось такихъ вѣскихъ уликъ, были приговорены къ тюремному заключенію въ Москвѣ *). Приговоръ былъ исполненъ немедленно-же. Въ числѣ зрителей казни были случайно и нѣкоторые простые русскіе люди. Осужденные не производили на нихъ впечатлѣнія злодѣевъ. „Какіе это зажигатели, говоритъ одна свидѣтельница, одного-то я узнала: изъ Корсаковского дома дворовый, старикъ слѣпой. Сбыточно-ли было ему поджигать? Ужъ одна нога въ гробу!“ **). Французы не ограничились однако-же этою экзекуціею, обставленною всѣми формальностями судебной процедуры. И впослѣдствіи они разстрѣляли еще многихъ и уже безъ всякаго суда. Озлобленные пожаромъ Москвы, французы готовы были заподозрить въ поджигательствѣ всякаго встрѣчнаго, особенно же такого, который казался имъ военнымъ или казакомъ.

*) „Для предупрежденія вреда, который они могли причинить, если-бы выпущены были на свободу“,—сказано въ приговорѣ комиссіи.

**) См. Толычевой, „Разказы очевидцевъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1872 г. стр. 269. ноябрь.

Легкомысленная, но въ то-же время адская жестокость, съ которою относились тогда французы къ жизни каждаго русскаго, способна поразить всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Французскіе офицеры, генералы, даже маршалы, не колеблясь ни минуты, осуждали на смерть десятки и сотни невинныхъ людей, на основаніи одного подозрѣнія, а иногда и просто по недоразумѣнію, по ошибкѣ. „Много русскихъ отсталыхъ солдатъ бродило по городу, рассказываетъ полковникъ Фезензакъ, изъ корпуса маршала Нея. Я собралъ ихъ до 50 человекъ и отвелъ въ штабъ. Генераль, которому доносилъ я объ этомъ, сказалъ мнѣ, что я могъ-бы ихъ разстрѣлять и что онъ позволяетъ мнѣ поступать такъ въ послѣдствіи. Но я не злоупотреблялъ его довѣріемъ. Не трудно понять, какими несчастіями и беспорядками сопровождалось наше пребываніе въ Москвѣ. Каждый офицеръ, каждый солдатъ могъ-бы рассказать много примѣровъ. Одинъ офицеръ нашелъ русскаго, скрывавшагося въ развалинахъ; онъ объяснилъ ему знаками, что готовъ ему покровительствовать и взялъ его съ собою. Но ему поспѣшно надо было отнести куда-то приказъ. Встрѣтивъ другаго офицера, шедшаго впереди своего взвода, онъ передалъ ему русскаго, говоря: „я вамъ поручаю его“. Офицеръ, не понявъ въ чемъ дѣло, принялъ его за зажигающаго и приказалъ разстрѣлять“ *).

Такихъ случаевъ было не мало. Но едва-ли не ужаснѣе и не постыднѣе всего для французовъ было происшествіе, случившееся съ молодымъ русскимъ офицеромъ Перовскимъ **). Графъ В. А. Перовскій задержанъ былъ случайно французами во время перемирія, заключеннаго Милорадовичемъ съ Мюратомъ и приведенъ къ генералу Себастіани. Себастіани, выслушавъ правдивое объясненіе Перовскаго, далъ ему честное слово отпустить его на свободу, но просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ остаться нѣсколько часовъ у французовъ, такъ какъ онъ намѣревался представить его королю неаполитанскому. Мю-

*) Fezensac, Souvenir etc. стр. 268.

***) Происшествіе это изложено подробно въ запискахъ В. А. Перовскаго, изъ которыхъ сохранилось, къ сожалѣнію, только два отрывка. Они напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1865 г. стр. 257—286.

ратъ однако-же не могъ принять Перовскаго въ тотъ-же день и русскій офицеръ, все еще не подозрѣвая возможности плѣна, долженъ былъ остаться на ночь у Себастіани. Когда на другой день Перовскій явился къ Мюрату и послѣ продолжительной бесѣды просилъ отпустить его въ русскую армію, король съ удивленіемъ спросилъ его: „Какъ, развѣ вы не плѣнный?“ Перовскій поспѣшилъ согласиться на честное слово генерала Себастіани, но оказалось, что Себастіани не потрудился даже увѣдомить короля объ обѣщаніи, данномъ имъ русскому офицеру. Мюратъ замѣтилъ, что онъ готовъ вѣрить Перовскому на слово, но что онъ не можетъ теперь отпустить его своею властью, а долженъ направить его къ генералу Бертье. Перовскій отведенъ былъ въ Кремль и представленъ маршалу Бертье. Выслушавъ заявленіе Перовскаго, Бертье прямо отвѣтилъ ему, что отпустить его теперь невозможно, что онъ пробылъ два дня между французами и что не принято было никакихъ мѣръ скрыть отъ него то, что не надлежало ему видѣть и слышать. „Но, добавилъ въ заключеніе маршалъ, — подождите немного, быть можетъ, васъ пожелаетъ видѣть императоръ, я доложу объ васъ“. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ адъютантовъ Бертье отвелъ Перовскаго въ церковь Спаса на бору и заперъ его тамъ со словами: „потерпите здѣсь немного! за вами сейчасъ придутъ“. Это „сейчасъ“ продлилось однако-же цѣлыя сутки. Уже несчастный офицеръ, очевидно забытый французскими властями въ переполохѣ пожара, готовился умереть голодною смертью, когда въ церковь забрались случайно нѣсколько непріятельскихъ солдатъ и доложили о немъ своему капитану. Капитанъ отдалъ сначала приказъ запереть его вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными подъ крыльцомъ, но узнавъ отъ Перовскаго странную исторію его плѣненія, пошелъ доложить о немъ по начальству. Черезъ нѣсколько времени капитанъ возвратился въ церковь. „Васъ приказано отвести къ принцу Екмюльскому (Даву), тамъ рѣшится судьба ваша“, — сказалъ онъ Перовскому.

Послѣ долгаго блужданія по обгорѣлымъ улицамъ Москвы, Перовскій приведенъ былъ, наконецъ, въ домъ, занимаемый маршаломъ. Когда его ввели въ комнату, то онъ увидѣлъ

Даву за столомъ, занятого какимъ-то писаньемъ. „Кто вы? спросилъ его маршалъ, но прошептивъ долгаго времени, строгимъ, грубымъ голосомъ, не поварачивая къ нему даже лица. — „Русскій офицеръ.“ — „Парламентеръ?“ — „Нѣтъ!“ — „Такъ плѣнный?“ — „Нѣтъ!“ отвѣчалъ Перовскій и въ короткихъ словахъ изложилъ маршалу исторію своего плѣненія. Даву съ нетерпѣніемъ перебилъ его рѣчь: „что вы толкуете мнѣ о перемиріи. Что за перемиріе, когда въ городъ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости и должны остаться въ плѣну.“ — „Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо“, — смѣло возразилъ Перовскій. „Молчите!“ крикнулъ грозно Даву и, пристально взглянувъ на плѣнника, прибавилъ: „Ба! да я васъ знаю!“ — „Не думаю, генераль, я впервые имѣю честь васъ видѣть!“ — „Не запирайтесь, вамъ меня обмануть не удастся; вы уже были разъ взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, какъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣсколько разъ отдаются въ плѣнъ и уходятъ. Во второй разъ не уйдете!“ и обращаясь совершенно хладнокровно къ адъютанту, Даву прибавилъ: „прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ разстрѣлять этого офицера“. Тщетно пытался Перовскій увѣрить Даву, что онъ никогда не попадался французамъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, что маршалъ находится въ заблужденіи, Даву не хотѣлъ принимать никакихъ доводовъ. „Не трудитесь увѣрять меня, трудъ напрасный, не переувѣрите!“ кричалъ онъ на свою жертву, приправляя свою рѣчь самою грубою солдатскою бранью. Затѣмъ онъ позвалъ Перовскаго въ другую комнату, сталъ снимать съ него настоящій допросъ и замѣтивъ, что плѣнникъ видимо смущенный предстоящею ему участію, отвѣчалъ ему разсѣянно, покончилъ такими словами: „теперь люди, я думаю, уже готовы, подите и вы увидите на дѣлѣ, какой успѣхъ имѣютъ со мною такія хитрости, какія употреблены вами“. Перовскій вновь принялся увѣрять всѣми силами Даву, что онъ не былъ взятъ подъ Смоленскомъ. Все напрасно! Уже Перовскій рѣшился идти на казнь, когда Даву внезапно остановилъ его такими словами: „по-

стойте немного, увѣренія ваши не мало меня не убѣждаютъ. Я твердо знаю, что взяты были въ плѣнъ подъ Смоленскомъ вы, а не кто-либо другой; но хочу передъ тѣмъ какъ васъ разстрѣляютъ, изобличить васъ во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ, онъ вѣрно также узнаетъ васъ". Наполеоновскій маршалъ и принцъ очевидно боялся, чтобы несчастный плѣнникъ не заподозрилъ его въ внезапномъ приливѣ человѣколюбія. Прошло нѣсколь-ко минутъ въ томительномъ ожиданіи. Адъютантъ вошелъ. „Посмотрите на этого человѣка, сказалъ Даву. Не тотъ ли это, который подъ Смоленскомъ былъ взятъ и ночью бѣжалъ?“ Адъютантъ долго и внимательно всматривался въ плѣнника. „Нѣтъ, генераль, сказалъ онъ, наконецъ, не думаю, чтобы этотъ былъ тотъ-же; тотъ былъ немного выше и старѣе“. — „Вы обязаны адъютанту моему, замѣтилъ Даву: безъ него, право, вы не миновали-бы пули. Теперь подите, васъ отведутъ къ товарищамъ“. Перовскій безмолвно повиновался приказу; онъ понялъ, что протестовать противъ плѣна было теперь уже немислимо.

Эпизодъ съ Перовскимъ чрезвычайно поучителенъ. Онъ бросаетъ яркій свѣтъ на весь образъ дѣйствій представителей великой націи, начиная отъ королей и маршаловъ и оканчивая обыкновенными офицерами. Если французскіе генералы помнили такъ хорошо свое честное слово, если маршалы присуждали такъ легкомысленно къ казни офицера, захваченнаго вопреки правиламъ военной чести, то чего-же вправѣ мы ожидать отъ судебной комедіи, разыгранной, по приказанію Наполеона, надъ зажигателями, принадлежавшими по большей части къ темному, простому люду, — люду, третировать который *en canaille* никакъ не могли отучиться французы, не смотря на всѣ свои великія и малыя революціи. Есть основаніе думать, что обвиненія комиссіи почерпнуты вовсе не изъ судебного дознанія, не изъ показаній самихъ подсудимыхъ и свидѣтелей, а изъ той площадной молвы, которая ходила между московскими иностранцами, — которая имѣла, правда, нѣкоторое фактическое основаніе, но была преувеличена до чудовищныхъ размѣровъ разстроеною, болѣзненною фантазією

очевидцевъ московскихъ ужасовъ. Стоитъ лишь сравнить приговоръ комиссіи съ свидѣтельствами французовъ, проживавшихъ тогда въ Москвѣ, чтобы убѣдиться, что и тотъ и другіе черпаютъ изъ одного и того же мутнаго источника. Вся разница заключается лишь въ томъ, что въ частныхъ разсказахъ вся исторія поджоговъ представляется въ болѣе чудовищной, фантастической формѣ *), нежели въ изложеніи комиссіи. Комиссія утверждаетъ, что Растопчинъ поручаетъ дѣло поджога освобожденнымъ острожникамъ и ставитъ во главѣ ихъ полицейскихъ офицеровъ; въ частныхъ же разсказахъ говорится, что Растопчинъ раздалъ зажигателямъ особыя марки, по которымъ они могли бы узнавать другъ друга и своихъ начальниковъ. Комиссія объявляетъ, главнымъ образомъ, одного Растопчина виновникомъ пожаровъ, хотя говоритъ и о разрушительныхъ планахъ русскаго правительства; а въ нѣкоторыхъ частныхъ свидѣтельствахъ говорится прямо, что сожженіе Москвы рѣшено было на общемъ собраніи лицъ высшаго класса и что Растопчинъ явился только исполнителемъ этого приговора **).

Историкъ имѣетъ полное право игнорировать протоколы французской судной комиссіи, но онъ не можетъ обойти во-

*) Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ. „Спокойно ходили по улицамъ поджигатели, между французскими солдатами, скрывая подъ кафганами зажигательныя ракеты и горшки, наполненные воспламеняющимся составомъ. Встрѣчалось-ли имъ открытое окно, или они полагали, что ихъ никто не замѣтитъ, они подбрасывали эти горшки. Горшокъ разбивался отъ паденія, по соприкосновеніи съ воздухомъ состава, находившагося въ этихъ горшкахъ, огонь съ быстротою охватывалъ окружающіе предметы. Они повсюду, гдѣ возможно, подбрасывали эти горшки, и дѣйствіе ихъ на дома, болшею частью деревянныя, было ужасно. Ловко обманывая бдительность непріятелей, эти зажигатели тайно запасались ими въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ приготовляли. Съ острожниками соперничали въ смѣлости и ловкости полицейскіе солдаты, свободно ходившіе повсюду, переходы въ крестьянское платье. Иногда эти зажигательные снаряды падали сверху на дома, пущенные по воздуху иногда съ колоколенъ и башень“. „Русскій Архивъ“. 1876 г. стр. 69.

**) Одинъ утверждаетъ, что о замыслѣ сжечь столицу гр. Растопчинъ никому не говорилъ, кромѣ одного близкаго семейства; другіе напротивъ разсказываютъ, что слухи давно ходили о рѣшеніи общемъ лицъ высшаго сословія. См. Armand Domergues, La Russie pendant les guerres de l'empire. Т. II, гл. XIV и XV.

проса: кто-же сжегъ Москву? *) Что Москва не была сожжена французами—не подлежитъ въ настоящее время ни малѣйшему сомнѣнію. Точно также врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что московскіе пожары не были простою случайностью, прямымъ послѣдствіемъ неосторожности и небрежности непріятельскихъ солдатъ **). Но если Москва сожжена была умышленно и не французами, то само собою возникаетъ вопросъ, не сжегъ-ли ее дѣйствительно Растопчинъ, какъ утверждаетъ это Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ? На первый взглядъ обвиненія Наполеона имѣютъ многое за себя, они подтверждаются даже такими документами, которые сдѣлались извѣстными лишь въ послѣднее время. Растопчинъ въ своихъ письмахъ начинаетъ говорить о намѣреніи сжечь Москву тотчасъ-же послѣ потери Смоленска. „Когда-бы случилось, пишетъ онъ Багратиону, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей, и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ. А если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то слѣдуя русскому правилу: не доставайся злодѣю,—обратитъ городъ въ пепель“***). Въ частныхъ разговорахъ съ такими лицами, какъ принцъ Евгенийъ Виртембергскій, какъ генералъ Ермоловъ, Растопчинъ говорилъ прямо, что Москва будетъ сожжена, если только наши войска отдадутъ ее безъ боя непріятелю. Извѣстно также, что Растопчинъ не только приказалъ вывезть изъ Москвы всѣ пожарныя трубы ****), но поручилъ даже полицейскому чиновнику

*) Вопросъ этотъ разработанъ особенно обстоятельно и безпристрастно А. П. Поповымъ въ его сочиненіи: „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“ „Русскій Архивъ“ за 1876 годъ, стр. 64—80.

***) Хотя нельзя не согласиться, что неосторожность и буря 4-го сентября способствовали не мало распространенію пожара.

****) И далѣе: „Наполеонъ получить вмѣсто добычи мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба: ибо онъ найдетъ угли и золу“. Письмо это хранилось послѣ смерти князя Багратиона у статскаго совѣтника Старшикевича, управлявшаго канцелярією князя Багратиона. Тамъ видѣлъ его еще въ 1825 году извѣстный военный историкъ Смяттъ. См. Беригарди. Toll's Denkwürdigkeiten. В. II, стр. 163.

*****) Въ „Правдѣ о пожарѣ Москвы“ Растопчинъ говоритъ слѣдующее: „я велѣлъ

Вороненко пестрелять огнемъ всѣ газенные склады и барки на Москвѣ-рѣкѣ.

Всѣ эти и другіе подобные имъ факты распространили повсемѣстно мнѣніе, что виновникомъ и организаторомъ московскихъ пожаровъ былъ никто иной, какъ Растопчинъ. Вся Европа смотрѣла съ благоговѣйнымъ изумленіемъ на человѣка, рѣшившагося на такое страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ великое и спасительное дѣло. Растопчинъ молчалъ долгое время, но въ 1823 году онъ издалъ въ Парижѣ свое извѣстное сочиненіе. „Правда о московскомъ пожарѣ“, въ которомъ онъ отрекся отъ приписываемаго ему подвига и свелъ все дѣло на простую случайность: на необычайно сильный вѣтеръ, раздувшій въ огненномъ море частные пожары, возникшіе, быть можетъ, по неосторожности французовъ или-же русскихъ жителей. Сравнивая эту оригинальную книгу съ свидѣтельствами самого Растопчина, — свидѣтельствами болѣе ранними и близкими къ событію, мы приходимъ къ убѣжденію, что эта „Правда“ во всякомъ случаѣ правда не полная и не настоящая. Такая мѣра, какъ сожженіе Москвы казалась графу Растопчину въ 1823 году ужасною, жестокою и неблагоразумною, но совершенно иначе смотрѣлъ онъ на это дѣло годомъ ранѣе въ 1822 году, въ частной бесѣдѣ съ княземъ Н. Ю. Голицынымъ. Онъ сознавался князю, что онъ думалъ повторить въ Москвѣ въ большихъ размѣрахъ то, что сдѣлано было въ Сарагоссѣ. „Мой долгъ, говорилъ онъ, состоялъ въ томъ, чтобы похоронить себя подъ развалинами столицы, и превратить ее въ разрушительный адъ для французскихъ войскъ. Мнѣ удалось возбудить духъ московскаго народонаселенія; съ нимъ я многое сдѣлалъ-бы, если-бы мнѣ дали возможность дѣйствовать. Въ такомъ случаѣ съ факеломъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, во главѣ моего преданнаго народонаселенія, я показалъ-бы, что русскіе умѣютъ защищать свои очаги!“ *).

выпроводить изъ города двѣ тысячи сто человѣкъ пожарной команды и 96 трубъ, наканунѣ входа непріятеля въ Москву. Былъ также корпусъ офицеровъ, опредѣленный на службу при пожарныхъ командахъ, и я не счелъ приличнымъ оставлять ихъ для услугъ Наполеона, удаливъ уже изъ города всѣ гражданскіе и военныя чины“. Стр. 211, 265.

**) См. „Русскій Цивиль“ 1846 года № 270.

Но кто-же помѣшалъ графу Растопчину совершить задуманный имъ подвигъ? Никто иной, какъ князь Кутузовъ. Онъ обманулъ графа самымъ измѣнническимъ образомъ, онъ обѣщалъ ему до послѣдней минуты защищать Москву, дать сраженіе подъ стѣнами Москвы, а потомъ оставилъ ее безъ выстрѣла неприятелю. Растопчинъ никакъ не хотѣлъ понять, что Кутузовъ не могъ дать сраженіе съ пылающею Москвою въ тылу, что онъ не могъ рисковать всею арміею ради патриотическихъ фантазій графа. „Я въ отчаяніи, писалъ графъ Растопчинъ Императору 13 сентября, что князь Кутузовъ измѣннически поступилъ со мною, потому что не имѣя способовъ защитить городъ, я долженъ-бы былъ сжечь его, чтобы лишить Бонапарта славы взять его, ограбить и потомъ предать пламени. Я бы отнял у французовъ плодъ ихъ похода. Я бы заставилъ ихъ убѣдиться, что они лишились всякихъ сокровищъ и показаль-бы имъ, съ какимъ народомъ имѣютъ они дѣло“ *). Свои обвиненія противъ Кутузова Растопчинъ повторяетъ и мѣсяцъ спустя, когда Наполеонъ оставилъ уже Москву. „Кутузовъ писалъ мнѣ до 30 августа и говорилъ, что будетъ драться“, — доноситъ онъ Императору, отъ 13 октября **): „1 сентября, когда я увидался съ нимъ, онъ повторилъ мнѣ тоже самое, прибавляя: я и въ улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ, а въ 8 часовъ вечера онъ прислалъ мнѣ пресловутое письмо, въ которомъ просилъ проводниковъ черезъ городъ, увѣдомляя, что оставляетъ его съ крайнимъ сожалѣніемъ. Если-бы онъ объявилъ мнѣ объ этомъ за два дня, я бы его сжегъ, выгнавъ напередъ жителей, и возмущеніе въ войскахъ Наполеона было-бы послѣдствіемъ при видѣ объятаго пламенемъ города, который былъ обѣщанъ имъ въ добычу. Съ этою цѣлью я ничего не вывозилъ изъ моихъ двухъ домовъ, чтобы имѣть право сказать потомъ, что я рѣшился на гораздо большія пожертвованія, нежели другія лица. Москва погубила Бонапарта, но ея сдача есть пятно, а тогда это было-бы славнымъ дѣломъ“.

*1) Донесеніе это было писано изъ Красной Пахры, 13 сентября.

**1) Донесеніе гр. Растопчина Императору изъ Владиміра, отъ 13 октября.

Приведенныя письма не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что Растопчинъ намѣревался сжечь Москву, но что онъ не успѣлъ сдѣлать этого по причинамъ отъ него не зависѣвшимъ. Первые поджоги въ городѣ сдѣланы были впрочемъ, по его приказанiю, полицейскимъ чиновникомъ Вороненко, но этимъ и окончилась роль графа и его агентовъ въ исторiи московскаго пожара. Кто-же продолжалъ дѣло разрушенiя, начатое ими? Никто иной, какъ сами жители Москвы. Еще до вступленiя непрiателя въ Москву, простые московскiе люди, купцы, мастеровые, соображая, что городъ можетъ поцастъ въ руки непрiателя, говорили съ озлобленiемъ: „такъ лучше-же сжечь его!“ Московскiе бѣглецы въ Тарутинскомъ лагерѣ прямо говорили, что они сами и другiе москвичи сами зажигали свои дома и лавки, передъ уходомъ своимъ изъ Москвы *). Когда непрiатель занялъ Москву, то Наполеоновскiе офицеры и генералы отправились въ каретный рядъ, начали выбирать себѣ экипажи и помѣчать ихъ своими именами. Хозяева лавокъ, не желая снабжать непрiателя своими экипажами, зажгли съ общаго согласiя весь рядъ **), и такихъ примѣровъ было не мало. Поджигая свои дома, москвичи дѣлали тоже самое, что дѣлали жители другихъ городовъ и селенiй, лежавшихъ на пути непрiателя. Духъ героической, отчаянной рѣшимости охватилъ тогда массы нашего народа. Русскiе жгли свое послѣднее достоянiе не по приказанiю правительства или его агентовъ, а по своей собственной доброй волѣ. Руководимые вѣрнымъ инстинктомъ, они приносили все свое на алтарь отечества и тѣмъ самымъ готовили вѣрную гибель непрiателю. Въ этомъ дѣлѣ самопожертвованiя не было различiя между сословiями и состоянiями. Одно и тоже чувство безпредѣльной любви къ родинѣ и пламенной ненависти къ непрiателю руководило и простымъ крестьяниномъ, зажигавшимъ свою избу и хлѣбъ на корню, и богатымъ купцомъ, предававшимъ пламени свои дома и лавки, и знатнымъ графомъ, превращавшимъ въ пепель свои барскiя хоромы и роскошныя усадьбы. Благо тому народу, который

*) См. Липранди, замѣчанiя на „Исторiю отечественной войны“ Богдановича.

**) „Правда о пожарѣ Москвы“ стр. 213.

обрѣтаетъ въ самомъ себѣ въ тяжелую годину испытанія та-
кія гигантскія силы, въ средѣ котораго въ великій моментъ
опасности, общей всему отечеству, нѣсть духа разногласія и
эгоизма, а одна братская любовь, одинъ духъ, одно стремленіе.

В. Фадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

БОРЬБА ГИНКМАРА РЕЙМСКАГО СЪ ПАПСТВОМЪ.

(Окончаніе *).

Съ вступленіемъ на папскій престолъ, послѣ смерти Адриана, Иоанна VIII наступилъ послѣдній періодъ борьбы Реймскаго архіепископа съ папствомъ, значительно отличный отъ предшествующаго.—Борьба въ этотъ послѣдній періодъ состояла въ слѣдующемъ:

875 г. 15 августа **) умеръ императоръ Людовикъ II, не оставивъ послѣ себя прямаго наслѣдника. По праву старшинства императорская корона должна была перейти къ королю нѣмецкому Людовику; но папа Иоаннъ VIII, принадлежавшій, по замѣчанію Еллендорфа ***) , къ числу замѣчательныхъ политиковъ, не безъ основанія полагалъ, что теперь наступило удобное время осуществить ту мысль, которую имѣлъ въ виду еще предшественникъ его, когда обѣщаль, въ случаѣ смерти императора, королю его французскому королю, вопреки наслѣдственному праву короля нѣмецкаго,—мысль, что папа есть непосредственный распорядитель императорской короны, и слѣдовательно, можетъ передать ее тому или иному королю не какъ принадлежащее ему по праву, а какъ даръ, какъ милость апостольскаго престола. Поэтому не смотря на сильную нѣмецкую партію, во главѣ которой стояла сама императрица, жена умершаго императора Людовика II, папа пригласилъ въ Италію французскаго короля съ цѣлію возложить

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1864 г. № 24.

**) Pertz. Monum. Scr. I ann. Fuld. a. 875 p. 389.

***) Die Karolinger und die Hierarchie ihrer Zeit. Bd. 2 p. 269.

на него обѣщанную корону. Нисколько не медля, Карль Лысый явился съ своимъ войскомъ на равнинѣ р. По, чтобы, оставивъ интересы собственнаго королевства, постоянно подвергавшагося нападениямъ со стороны норманновъ, получить изъ рукъ папы, какъ подарокъ, корону императора. Въ декабрь 875 г. онъ прибылъ въ Римъ, будучи торжественно встрѣченъ папой *), подкупилъ, подобно Югуртѣ (по выраженію Фүльдскаго лѣтописца), продажный сенатъ римскаго народа **), предложилъ св. отцу множество подарковъ изъ золота и драгоценныхъ камней ***)) и 25 декабря, въ день Рождества Христова, былъ помазанъ и коронованъ папой въ императора. Этимъ событіемъ, поставившимъ короля на сторону и даже въ нѣкоторую зависимость отъ папы, Гинкмаръ Реймскій, разумѣется, не могъ быть доволенъ: въ этомъ событіи онъ усматривалъ не только торжество папства въ политическомъ отношеніи, но и великую опасность для французской церкви, такъ какъ папа, въ надеждѣ на поддержку обязаннаго ему Карла Лысаго, могъ теперь смѣлѣе и съ бѣльшимъ успѣхомъ осуществлять свои притязанія по отношенію къ ней.

Мы видѣли, какое положеніе приняла французская церковь, или точнѣе французскіе епископы, руководимые Гинкмаромъ Реймскимъ, по отношенію къ папству при предшественникѣ Іоанна VIII. Соборнымъ рѣшеніемъ дѣла епископа Лаонскаго Гинкмара были поставлены въ вопросъ всѣ пріобрѣтенія для папства, достигнутыя Николаемъ I. Съ такимъ положеніемъ французской церкви къ Риму Іоаннъ VIII не могъ помириться и ожидалъ только благопріятнаго случая, чтобы снова возвысить власть папы надъ этою церковію до той ступени, до какой она достигла при Николаѣ I. Случай этотъ и представился ему въ коронованіи Карла Лысаго императорскою короною. Спустя одинъ лишь годъ послѣ торжественнаго акта коронаціи Іоаннъ VIII издалъ буллу къ французскому и нѣмецкому духовенству ****), которою онъ назначалъ

*) Pertz. Monum. Scr. I Hincm. Ann. a. 875 p. 498.

**) Annal. Fuld. p. 389.

***)) Hincm. Annal. a. 876 p. 498.

****) Migne, t. CXXVI, p. 660.

Сенскаго архіепископа Анзегиса своимъ викаріемъ надъ Галліей и Германіей съ правомъ быть посредникомъ между церквами этихъ странъ съ одной стороны и апостольскимъ престоломъ съ другой, передавать епископамъ для руководства папскія грамоты и распоряженія и извѣщать папу о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ обѣихъ церквей. Назначеніемъ викарія папа, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду ослабить институтъ митрополитовъ и по своему произволу судить и рядить во французской и нѣмецкой церквахъ. Догадка эта находитъ оправданіе себѣ, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что въ достоинство папскаго викарія былъ облеченъ не Гинкмаръ Реймскій, а Анзегисъ, человѣкъ вполне преданный Іоанну VIII *). Реймскій архіепископъ былъ слишкомъ самостоятеленъ, чтобы можно было располагать имъ, какъ простымъ орудіемъ, по своему усмотрѣнію; къ тому-же твердо опредѣленный кругъ его понятій и взглядовъ, основанный на обширномъ знакомствѣ съ древне-церковнымъ правомъ, далеко расходился съ притязаніями папъ, основывающимися главнымъ образомъ на правѣ лжеисидоровскомъ, и не разъ при предшественникахъ Іоанна Гинкмаръ заявлялъ себя противникомъ такого рода папскихъ притязаній. По всему этому въ Римѣ сочли нужнымъ не только не возвышать этого архіепископа, но по возможности еще унижить и смирить его, и эта цѣль въ расчетахъ папы тѣсно соединялась съ вышеуказанной—ослабленіемъ института митрополитовъ. Съ своей стороны и король Карлъ Лысый, омраченный чрезмѣрнымъ честолюбіемъ, не задумался пожертвовать своимъ лучшимъ и испытаннымъ совѣтникомъ. Онъ, конечно, хорошо зналъ взгляды и стремленія Гинкмара,—зналъ, что постоянная забота его, какъ совѣтника короны, была обращена на усиленіе королевской власти и на упроченіе королевства совѣ и внутри; но что могло значить все это предъ блескомъ императорской короны, прельщавшей Карла болѣе

*) Личность Анзегиса хорошо была извѣстна папской куріи. Онъ два раза былъ въ Римѣ въ качествѣ королевскаго посла, въ первый разъ въ 867 г., а во второй въ 870 г. Въ это время онъ былъ только еще пресвитеромъ и аббатомъ одного монастыря (Hincm. Annal. a. 870). Избраніе его въ архіепископа Сенскаго послѣдовало въ 871 г. Сенской архіепископской кафедрѣ были подчинены только 7 суффраганскихъ кафедръ, слѣдовательно она стояла ниже Реймской.

всего? Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что онъ не только согласился на учрежденіе въ французской церкви папскаго викаріата, но и допустилъ къ явному униженію Гинкмара, чтобы въ достоинство викарія былъ возведенъ Анзегисъ, стоявшій гораздо ниже Гинкмара какъ по личнымъ качествамъ, такъ и по достоинству занимаемой имъ каѳедры.

Окончательное рѣшеніе касательно предоставляемаго Анзегису викаріатства должно было состояться на соборѣ въ Pontigo *). На этомъ соборѣ Гинкмаръ Реймскій выступилъ противъ этого учрежденія со всею свойственною ему энергіею; примѣру его послѣдовали и другіе епископы собора. Первое засѣданіе открылось 21 іюня 876 г. Карлъ Лысый явился сюда въ сопровожденіи папскихъ легатовъ еще въ королевской, а не императорской одеждѣ. Іоаннъ Тосканскій прочелъ предъ епископами собора папское письмо, которымъ Анзегисъ назначался викаріемъ. Когда епископы выразили желаніе посмотрѣть прочитанное письмо, то имъ на-отрѣзъ было отказано въ этомъ—обстоятельство, наводившее на мысль, что это письмо не то, которое Іоаннъ VIII послалъ (2 января 876 г.) къ французскому и нѣмецкому духовенству, а другое видоизмѣненное, въ которомъ папскія прерогативы вѣроятно расширились еще больше; иначе какой смыслъ имѣлъ-бы отказъ, если-бы въ письмѣ содержалось то же самое, что было сообщено въ письмѣ папы отъ 2 января, и что слѣдовательно было уже извѣстно епископамъ. На требованіе императора, чтобы епископы собора прямо высказали папскимъ легатамъ свои мнѣнія касательно викаріатства, они отвѣчали, что св. отцу они готовы оказывать повиновеніе, но настолько, насколько позволяютъ это каждому изъ нихъ архіепископскія привилегіи и декреты папъ, изданные въ согласіи съ правилами соборовъ, высказывая въ этомъ отвѣтѣ, очевидно, ту же самую мысль, которую Гинкмаръ Реймскій настойчиво проводилъ въ своемъ сочиненіи противъ племянника, Гинкмара Лаонскаго, и въ очень многихъ письмахъ къ прежнимъ папамъ. Разгнѣванный императоръ, подстрекаемый еще папскими легатами, потребовалъ отъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, безусловна-

*) Pertz. Monum. Scr. I. Hincm. Annal. a. 876 p. 499.

го признанія папскаго викаріата, но напрасно: ни гнѣвъ, ни угрозы Карла не имѣли успѣха, и только одинъ епископъ Бордосскій Флотарь, желавшій при посредствѣ императора достигнуть архіепископской каѳедры, изъ лести высказалъ требуемое признаніе; всѣ-же остальные епископы съ Гинкмаромъ во главѣ настаивали на своемъ прежнемъ рѣшеніи, защищая права и привилегіи митрополитовъ. Тогда Карль, еще болѣе разгнѣванный, сталъ увѣрять, что папа предоставилъ ему право вмѣсто себя предсѣдательствовать на этомъ соборѣ, и что онъ счумѣетъ добиться исполненія папской воли; при этомъ онъ собственноручно передалъ Анзегису папское письмо, прочитанное, но не показанное собору, и кресло этого архіепископа, какъ викарія папскаго, велѣлъ поставить рядомъ съ креслами папскихъ легатовъ недалеко отъ себя. Когда видя это всѣ въ недоумѣніи молчали, всталъ Гинкмаръ Реймскій и смѣло предъ лицомъ всего собора объявилъ поступокъ императора противнымъ церковнымъ канонамъ. Этимъ протестомъ Реймскаго архіепископа и закончилось въ этотъ день соборное засѣданіе. На слѣдующихъ засѣданіяхъ собора вопросъ о викаріатствѣ былъ поднятъ еще разъ, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ папскихъ легатовъ, желавшихъ во чтобы-то ни стало добиться безусловнаго признанія его, но также безуспѣшно: подъ вліяніемъ Гинкмара французскіе епископы продолжали протестовать противъ навязываемаго имъ церкви учрежденія. Наконецъ на заключительномъ засѣданіи 16 іюля (876) папскіе легаты, вопреки тогдашней церковной практикѣ, по которой редація принятыхъ большинствомъ епископовъ соборныхъ постановленій поручалась одному изъ членовъ собора и затѣмъ составленный имъ протоколъ предлагался для подписи и всѣмъ остальнымъ, папскіе легаты безо всякаго порученія со стороны собора, въ сообществѣ только Анзегиса Сенскаго и Одона, епископа Бове, составили девять постановленій, которыя и были затѣмъ прочитаны собору. Въ нихъ прежде всего упоминалось объ избраніи и помазаніи Карла Лысаго императоромъ; папскимъ легатамъ предоставлялось право окончательнаго рѣшенія всѣхъ подлежащихъ разсмотрѣнію собора дѣлъ; учрежденіе викаріатства было объявлено совершив-

шимся фактомъ. Эти постановленія Гинкмаръ Реймскій въ лѣтописи своей называетъ „неразумными и неимѣющими значенія“ (*ratione ac auctoritate carentia capitula* *); такими-же признавалъ ихъ и соборъ, и не включилъ въ число своихъ дѣйствительныхъ постановленій. По извѣстію Флодоарда **), архіепископъ Реймскій, особо отъ общаго соборнаго протеста, составилъ еще письменное опроверженіе на какія-то главы, присланныя папой Іоанномъ, французскимъ епископамъ касательно викаріатства, предоставляемаго Анзегису. Къ сожалѣнію, этотъ документъ, равно какъ и самыя главы Іоанна не сохранились и мы ничего не можемъ сказать о содержаніи ихъ; но для насъ важна по крайней мѣрѣ мысль о самомъ фактѣ протеста со стороны Гинкмара. Тотъ-же Флодоардъ, вслѣдъ за приведеннымъ извѣстіемъ, замѣчаетъ о Реймскомъ архіепископѣ, что онъ сильно противодѣйствовалъ (*efficaciter obstitit*) признанію папскаго викаріатства ***). Вслѣдствіе этого какъ ни настойчиво свѣтская власть въ лицѣ Карла поддерживала на этотъ разъ папскія притязанія, какъ ни искусно дѣйствовали легаты Іоанна VIII, полный успѣхъ на соборѣ все-же не былъ достигнутъ ****); викаріатство такъ и не было признано безусловно епископами собора, какъ хотѣлось папѣ и императору. На послѣднемъ засѣданіи, на которомъ споръ касательно этого учрежденія достигъ крайней напряженности, папскіе легаты и императоръ, по замѣчанію лѣтописи Гинкмара *****), не добились болѣе того, чѣмъ сколько было уступлено имъ на прежнихъ засѣданіяхъ, т. е. викаріатство было признано епископами только подъ условіемъ сохраненія правъ и привилегій митрополитовъ и насколько дозволяли декреты папъ, изданныя въ согласіи съ канонами сборовъ. Реймскій архіепископъ хотя и былъ униженъ, особенно тѣмъ, что отъ него, какъ будто отъ измѣнника коронѣ, наравнѣ съ свѣт-

*) Pertz. Monum. Scr. I. Hincm. Ann. a. 876 p. 500.

**) Flod. Historia Remensis ecclesiae. III. c. 21 p. 167.

***) Ibid. p. 167.

****) Подъ 887 г. своей лѣтописи (Monum. Scr. I. p. 503) Гинкмаръ замѣчаетъ: *Synodus anno praeterito apud Pontigonem habita nil profuit.*

*****) Monum. Scr. I. p. 500.

скими вассалами, императоръ на второмъ соборномъ засѣданіи потребовалъ присяги, которую онъ и произнесъ съ тяжелымъ чувствомъ, возбужденнымъ въ немъ неблагодарностію къ нему со стороны государя, королевскія права котораго онъ еще не давно такъ энергично защищалъ противъ Рима; но за то церковное положеніе его, какъ защитника древняго церковнаго права и соборно-митрополитанскаго устройства французской церкви, прочно утвердилось теперь въ сознаниі французскаго духовенства.

По окончаніи собора, не удовлетворяясь сдѣланнымъ на немъ устнымъ протестомъ противъ викаріатства и краткимъ опроверженіемъ на главы папы Іоанна, Гинкмаръ Реймскій составилъ еще довольно обширную статью подъ заглавіемъ: „De jure mitropolitanoꝝ“ *) и разослалъ ее французскимъ епископамъ. При составленіи этой статьи онъ имѣлъ двоякую цѣль: во 1-хъ юридически и исторически оправдать какъ свой собственный отказъ, такъ и отказъ другихъ епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, безусловно признать папскій викаріатъ, во 2-хъ, склонить къ тому-же отказу и остальныхъ епископовъ Франціи, не бывшихъ на соборѣ. „Епископы, собравшіеся на соборѣ, говорится въ началѣ этой статьи, изъявили съ своей стороны готовность съ подобающимъ уваженіемъ принимать декреты папы Іоанна, изданные въ согласіи съ правилами св. соборовъ (*decreta ex sacris canonibus promulgata*), но вмѣстѣ съ тѣмъ защищали и права митрополитовъ, предоставленныя имъ тѣми-же соборными правилами. Такъ 6 правиломъ Никейскаго собора, признаннаго послѣдующими вселенскими соборами и всѣми папами святѣйшимъ, постановлено, чтобы соблюдались привилегіи всѣхъ церквей, а 4-мъ— чтобы митрополитамъ принадлежало утвержденіе всѣхъ дѣлъ въ ихъ областяхъ. Первенствующее положеніе епископовъ Александрійскаго, Антиохійскаго также не нарушало правъ другихъ митрополитанскихъ кафедръ!“ Далѣе послѣ правилъ Никейскаго собора приводится цѣлый рядъ папскихъ декреталій, утверждающихъ высшее положеніе митрополитовъ въ церковныхъ областяхъ,—положеніе, которое, по смыслу приве-

*) Migne, t. CXXVI p. 189—209.

денныхъ декреталій, не должно нарушаться никакими нововведеніями. Съ пятой главы своей статьи архіепископъ говорить о приматствѣ (или викаріатствѣ), его правахъ, отношеніи къ власти митрополитовъ и историческомъ положеніи его во французской церкви. Права примаса-митрополита состоятъ въ томъ, что онъ возводится на архіепископскую кафедру независимо отъ согласія другихъ митрополитовъ, награждается палліемъ и можетъ самостоятельно управлять суффраганами своей области. Примасу принадлежитъ также и право высшей юрисдикціи въ своей области, и на его судъ, согласно соборнымъ правиламъ, должны представляться всѣ жалобы противъ епископовъ области и всѣ апелляціи. Но будучи такимъ образомъ полновластнымъ въ своей собственной области, примасъ не долженъ однако простирать своего полновлстія на другія митрополитанскіе округа, не долженъ какъ-бы то ни было нарушать правъ и привилегій другихъ митрополитовъ. Всякое нарушеніе имъ этихъ правъ, нарушеніе независимости и самостоятельности митрополитовъ есть, по словамъ папы Льва, еретическое противленіе Никейскому собору, ясно опредѣлившему неприкосновенность правъ митрополитовъ. Тоже самое подтвердили своими декретами и многіе другіе папы. Касаясь затѣмъ приматствъ или викаріатствъ, какія въ разное время были учреждаемы папами въ галло-франкской церкви, Гинкмаръ утверждаетъ, что они не были какимъ-либо постояннымъ институтомъ, а были лишь учрежденіями временными, вызываемыми разными злоупотребленіями въ церковной жизни, напр. крайнимъ развитіемъ симоніи, незаконнымъ вторженіемъ мірянъ въ церковное управленіе (с. XVIII р. 199); при этомъ, учреждая викаріатство по той или другой временной причинѣ и предоставляя его тому или другому, наиболѣе выдающемуся по своему положенію или заслугамъ церкви, архіепископу, папы всякій разъ издавали декреты, которыми, согласно правиламъ соборовъ, вполне гарантировались права и привилегіи митрополитовъ и митрополитанскихъ кафедръ. Съ такимъ именно ограниченіемъ были предоставлены викаріатства папою Симмахомъ Цезарію, архіепископу Арелатскому, папою Гормиздомъ Ремигію Реймскому при Клодовикѣ, папою Григоріемъ I

Виргилію, архіепископу Арелатскому при Хильдебертѣ, папою Григоріемъ III Бонифацію. Всѣми этими примѣрами Гинкмаръ хотѣлъ показать, что и настоящее викаріатство, предоставляемое Анзегису Сенскому, не должно имѣть того значенія и тѣхъ правъ, какія старается придать ему папа Іоаннъ VIII при содѣйствіи императора. Съ XXII гл. Гинкмаръ говоритъ о своихъ собственныхъ правахъ, какъ архіепископа Реймскаго. Реймскую кафедру папа Беведиктъ передалъ ему для самостоятельнаго и независимаго управленія; ему предоставленъ былъ и судъ надъ своими суффраганами, подъ условіемъ лишь соблюденія высшаго авторитета римскаго епископа. Это таже самая привилегія, которую еще прежде Иннокентій I далъ архіепископу Руанскому Витрицію (Vitradius) и согласно которой архіепископъ обязанъ представлять на рѣшеніе апостольскаго престола только дѣла труднѣйшія, относительно коихъ нѣтъ прямыхъ каноническихъ постановленій.

Вотъ тѣ общія положенія, замѣчаетъ Гинкмаръ Реймскій, въ XXVIII гл., на которыя онъ желалъ указать по поводу новаго викаріатства. Но не довольствуясь этимъ, Реймскій архіепископъ, въ противовѣсъ тому, предоставляемому новому викарію, праву, по которому только онъ, какъ намѣстникъ папы, и никто больше, долженъ созывать всѣ соборы въ Галліи и Германіи, напоминаетъ еще, что какъ въ древней церкви вселенскіе соборы созывались по повелѣнію императоровъ, такъ точно право созванія мѣстныхъ соборовъ всегда принадлежало и французскимъ королямъ, и ясно признано за ними прежними папами (с. XXVIII р. 205). Гинкмаръ не преминулъ указать и на то, что церковь французская, по смерти Бонифація, и безъ папскихъ викаріевъ, подъ управленіемъ однихъ митрополитовъ, находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. „Въ недавнее время (844 г.) Дрогонь, архіепископъ Метцскій, ради сохраненія мира и благосостоянія церкви, добровольно отказался отъ предоставленнаго ему достоинства папскаго викарія. Примѣру этому долженъ подражать и каждый изъ насъ. Только высокоуміе, достойное всякаго порицанія, можетъ дерзать ради собственнаго возвышенія разрушать миръ и благосостояніе церкви!.. Впрочемъ, братъ нашъ

Анзегисъ, хвалящійся тѣмъ, что возведенъ императорскимъ эдиктомъ на столь высокую ступень церковной іерархіи, долженъ помнить слова папы Льва, что что не Богъ устроилъ, то не можетъ быть прочнымъ, и тотъ, кто присвоаетъ себѣ незаконное благо, потеряетъ и свое собственное“.

Несомнѣнно, первая цѣль изложенной статьи (*De jure mitropolitano*), т. е. оправданіе протеста, сдѣланнаго на соборѣ противъ папскаго викаріатства, была достигнута Гинкмаромъ вполне. Множество цитатъ, приведенныхъ имъ изъ соборныхъ постановленій и папскихъ декреталій, убѣдительно доказывали ненарушимость правъ митрополитовъ; съ тѣмъ вмѣстѣ точно опредѣлялись характеръ и положеніе папскихъ викаріатствъ, учреждаемыхъ не разъ во французской церкви въ прежнее время. Но была-ли достигнута вторая цѣль? Были ли привлечены къ протесту противъ викаріатства, предоставляемаго Анзегису, остальные французскіе епископы, не бывшіе на соборѣ, относительно этого ничего не можемъ сказать. Источники IX в. не говорятъ намъ, какое впечатлѣніе произвела на французскихъ епископовъ статья Гинкмара, не упоминаютъ и ни одного факта какого-либо протеста противъ называемаго французской церкви викаріатства, кромѣ протеста, заявленнаго епископами на соборѣ въ Pontigo. Такимъ образомъ викаріатство Анзегиса, не смотря на протестъ епископовъ собора и въ частности Гинкмара Реймскаго, стало совершившимся фактомъ.

Почти одновременно съ протестомъ противъ папскаго викаріатства, предоставленнаго Анзегису, Гинкмаръ Реймскій выступилъ съ своимъ протестомъ еще противъ другаго явленія, значительно способствовавшаго усиленію папскаго полновластія, именно противъ чрезмѣрнаго увеличенія апелляцій къ папѣ, предъявляемыхъ не только епископами, но даже и членами низшаго клира французской церкви. Явленіе это по своему происхожденію было вполне естественно. Мы уже видѣли, какъ папы Николай I и Адрианъ II, вопреки опредѣленіямъ Сарднскіаго собора, старались достигнуть права абсолютнаго рѣшенія въ дѣлахъ епископовъ, независимо отъ рѣшеній областныхъ соборовъ. Къ тому-же стремился и папа

Иоаннъ VIII. На соборѣ въ Pontigo папскіе легаты открыто заявили право апостольскаго престола принимать апелляціи отъ всѣхъ клириковъ, осужденныхъ на областныхъ соборахъ или своими епископами, и настойчиво добивались отмѣны соборныхъ приговоровъ относительно нѣкоторыхъ апеллянтовъ, а это естественно побуждало и другихъ клириковъ, осужденныхъ своими епископами или соборами обращать свои взоры къ Риму, гдѣ они надѣялись получить снисхожденіе, а что въ Римѣ дѣйствительно были склонны изъ-за выгоды, предоставляемой апелляціями, снисходительно смотрѣть на преступления апеллянтовъ, это ни для кого не было тайной. Самъ императоръ Карлъ Лысый своимъ сближеніемъ съ папой, а также и поведеніемъ своимъ на соборѣ въ интересахъ папы не мало способствовалъ умноженію апелляцій, возбуждая въ подсудномъ духовенствѣ большую смѣлость къ уклоненію, посредствомъ предъявленія апелляцій въ Римъ, отъ существующаго судопроизводства своей церкви. Какъ между тѣмъ губельно могли отзываться для церковной дисциплины апелляціи въ Римъ, особенно апелляціи низшаго клира, это лучше всѣхъ понималъ Реймскій архіепископъ и для противодѣйствія этому, принявшему широкую распространенность, но не согласному съ существующимъ церковнымъ правомъ, обычаю онъ написалъ сочиненіе „De presbyteris criminosis“, въ которомъ съ обычною доказательностію развивалъ мысль о безусловной подчиненности священниковъ и вообще низшаго клира мѣстному церковному суду. „Всѣ дѣла священниковъ должны, говоритъ Гвнжмаръ, подлежать суду своего епископа; если-же какой-либо священникъ или клирикъ захочетъ перенести свое дѣло на судъ митрополита или даже собора, онъ можетъ сдѣлать это; но отъ собора, подъ предсѣдательствомъ митрополита области, онъ вникада болѣе не имѣетъ права апеллировать; это — послѣдняя судебная инстанція для него“. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы имѣть еще болѣе успѣхъ въ своемъ противодѣйствіи умноженію апелляцій къ папѣ, чтобы и самого папу по возможности удержать отъ приема апелляцій отъ французскаго духовенства, Реймскій архіепископъ обратился за содѣйствіемъ къ императору, не смотря на

разрывъ съ нимъ, особенно увеличившійся послѣ собора въ Pontigo. Онъ убѣдилъ его, что аппелляціи французскихъ клириковъ въ Римъ и то право высшей юрисдикціи, какое Іоаннъ VIII усвоилъ себѣ благодаря этимъ аппелляціямъ, нарушаетъ сколько права епископовъ, столько-же и права самого императора, и тогда-же получилъ отъ него позволеніе написать отъ его имени письмо къ папѣ касательно этого предмета. Письмо, составленное Гинкмаромъ, носитъ заглавіе: *De iudiciis et appellationibus episcoporum et presbyterorum (Caroli II imperatoris nomine)*. Очень многіе священники, говорится въ этомъ письмѣ, осужденные своими епископами, согласно церковнымъ канонамъ, за преступленія и подвергнутые церковному покаянію, спѣшатъ обыкновенно въ Римъ и привозятъ оттуда разрѣшительныя грамоты, антиканоническое содержаніе которыхъ заставляетъ предполагать, что онѣ составлялись въ папской канцеляріи безъ распоряженія и вѣдома папы. Такое злоупотребленіе естественно ведетъ къ безнаказанности многихъ виновныхъ и разстроиваетъ церковную дисциплину. Для священниковъ и всѣхъ членовъ низшаго клира послѣднею судебною инстанціею долженъ быть, говорится далѣе, областной соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, какъ это опредѣлено правилами вселенскихъ соборовъ и папскими декреталями. „Если-бы каждый клирикъ, недовольный рѣшеніемъ своего епископа или собора, сталъ жаловаться папѣ, тогда церковныя власти ничѣмъ больше не могли-бы и заниматься, какъ только посылать пословъ въ Римъ и копіи съ соборныхъ актовъ вмѣстѣ съ свидѣтелями (противъ виновныхъ). Но папѣ должно быть извѣстно, что очень часто свидѣтели вовсе и не могутъ совершать такого длиннаго пути или по болѣзни, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ. Поэтому вполне основательно требованіе соборныхъ правилъ и многихъ папскихъ декреталій, чтобы каждый, совершившій преступленіе, клирикъ судился своими (ближайшими) судьями. Съ другой стороны, если гдѣ, то скорѣе всего предъ апостольскимъ престоломъ каждый виновный можетъ представить себя невиновнымъ“. Въ письмѣ по преимуществу имѣются въ виду тѣ клирики, которые обвинялись въ нецѣломудренной жизни. Во

Франціи хорошо знаютъ, говорится здѣсь, какъ поступать съ виновными въ такого рода преступленіи, да и римскій соборъ, бывшій при папѣ Евгеніѣ II, относительно ихъ постановилъ точныя опредѣленія. Если-же однако клирики, осужденные за нецѣломудренную жизнь, въ Римѣ безъ труда получаютъ грамоты, которыми отъ осудившихъ ихъ епископовъ требуется представлять свои жалобы на нихъ римскому престолу, то пусть знаютъ въ Римѣ, что такой образъ дѣйствія незаконенъ и что впредь на папскія грамоты такого рода во Франціи будутъ смотрѣть какъ на документы незаконныя, полученныя происками, и потому не будутъ придавать имъ никакого значенія.

Трудно сказать, насколько императоръ, отъ имени котораго составлено приведенное письмо, раздѣлялъ высказанный здѣсь взглядъ Гинкмара Реймскаго; ближайшими совѣтниками его были теперь другія лица, каковы Одонъ, епископъ г. Бове, аббаты Гуго и Гаузливъ,—лица, равнодушно смотрѣвшія на притязанія римскаго епископа. Но что Реймскій архіепископъ глубоко былъ убѣжденъ во вредѣ апелляцій къ папѣ французскаго духовенства, особенно низшаго, и не даромъ высказывалъ въ концѣ императорскаго письма вышеприведенную угрозу, это доказывается между прочимъ тѣмъ фактомъ, что Гинкмаръ объявилъ (въ письмѣ къ Гильдеболду Соассонскому) „несогласнымъ съ правилами св. соборовъ и декретами св. отцевъ“ (папѣ) сдѣланное папой Іоанномъ VIII распоряженіе относительно одного французскаго священника, виновнаго въ какомъ-то преступленіи и апеллировавшаго въ Римъ. Правда, Флодоардъ, отъ котораго мы узнаемъ объ этомъ фактѣ *), не приводитъ другихъ фактовъ подобнаго-же протеста Реймскаго архіепископа, но уже и упомянутый фактъ (хотя-бы другихъ вовсе и не было) достаточно характеризуетъ то отрицательное отношеніе, какое Гинкмаръ принималъ ко всему тому, что въ Римѣ дѣлалось не согласно съ древнимъ церковнымъ правомъ и съ правами французской церкви.

Вскорѣ послѣ протеста Гинкмара Реймскаго противъ апелляцій французскихъ клириковъ въ Римъ, именно въ 878 году,

*) Flod. III. c. 23 p. 191.

въ Труа состоялся соборъ подъ предсѣдательствомъ самого папы Іоанна VІІІ, который къ тому времени прибылъ во Францію, будучи вытѣсненъ изъ Рима усилившейся тамъ нѣмецкой партіей, во главѣ коей стоялъ Карломанъ. Соборъ этотъ— послѣдній моментъ въ исторіи многолѣтней борьбы Гинкмара съ папствомъ, моментъ личнаго непосредственнаго отношенія этого архіепископа къ папѣ. Пользуясь личнымъ присутствіемъ Іоанна VІІІ на соборѣ, французскіе друзья папства, и прежде въ 69-хъ годахъ (ІХ в.) въ дѣлѣ Ротада и клириковъ, съ Вульфадомъ во главѣ, и въ 70-хъ въ дѣлѣ Гинкмара Лаонскаго тайно и явно поддерживавшіе папскія притязанія, выступили теперь противъ Реймскаго архіепископа съ большею смѣлостію и надеждою на успѣхъ, и первымъ ударомъ, какой они хотѣли нанести ему, было возобновленіе дѣла Гинкмара Лаонскаго. Отъ этого (низверженнаго) епископа была подана папѣ письменная жалоба, въ которой онъ, между прочимъ, указывалъ на безусловное право всѣхъ обвиняемыхъ епископовъ апеллировать въ Римъ во всякое время и въ доказательство этого ссылался на лженсидоровскія декреталія, въ особенности на декреталіи папъ Юлія и Феликса. Судя по Бертинской лѣтописи *), партія, враждебная Реймскому архіепископу, надѣялась на совершенное возстановленіе Гинкмара Лаонскаго, но папа не могъ однако сдѣлать этого, не ставъ въ противорѣчіе съ собой, такъ какъ прежде въ началѣ вступленія своего на папскій престолъ онъ самъ-же утвердилъ соборный приговоръ относительно Лаонскаго епископа **). Впрочемъ, онъ дозволилъ ему служить мессу и пользоваться частію доходовъ съ Лаонской епархіи ***); кромѣ того, по свидѣтельству Флодоарда, онъ далъ относительно его какія-то распоряженія Атульфу, епископу Труанскому, для приведенія въ исполненіе ****). Реймскій архіепископъ съ своей стороны, по свидѣтельству того-же Флодоарда, назначилъ частное собраніе изъ нѣсколькихъ епископовъ для разсужденія о томъ, въ ка-

*) Pertz. Monum. Scrip. I p. 808.

**) Migne, t. CXXVI p. 662.

***) Pertz. Monum. Scr. I. Hincm. Ann. a. 878 p. 508.

****) Flod. III. c. 23 p. 191.

кой мѣрѣ папскія распоряженія могутъ быть приведены въ исполненіе „безъ нарушенія священныхъ каноновъ“ (cum sacrorum observacione canonum).

Кромѣ возобновленія дѣла епископа Лаонскаго друга папства хотѣли нанести Гинкмару Реймскому другой, еще болѣе сильный ударъ. По словамъ Флодоарда, они обвиняли его предъ папой въ томъ, „будто онъ достоинство папы не считаетъ высшимъ сравнительно съ тѣмъ, какое имѣетъ и самъ онъ, какъ архіепископъ, и будто не хочетъ признавать авторитета и за папскими декретами“ *),—обвиненіе, очевидно характеризующее то положеніе, въ какое Гинкмаръ Реймскій поставилъ себя въ отношеніи къ папству. Матеріалъ для такого обвиненія легко могъ быть заимствованъ какъ изъ сочиненій (особенно касающихся лжеисидоровскаго сборника) и писемъ, такъ и изъ всей дѣятельности Гинкмара противъ папскихъ притязаній. Но въ виду того, что все это основывалось у него на почвѣ церковнаго права, можно думать, что ему не трудно было оправдаться въ взведенномъ на него обвиненіи и представить въ настоящемъ свѣтѣ всю свою дѣятельность и свой взглядъ на папскія декретами. Къ сожалѣнію подавшая имъ папѣ апологія не сохранилась; но насколько можно заключать о ней изъ небольшого замѣчанія, сдѣланнаго о ней Флодоардомъ, она была направлена именно къ этой цѣли. По замѣчанію Флодоарда, Гинкмаръ Реймскій въ ней говоритъ между прочимъ, что „декретами римскихъ первосвященниковъ, принятыя и одобренныя св. соборами, онъ приѣмлетъ и считаетъ нужнымъ слѣдовать имъ, какъ обязательнымъ“ **). Вѣроятно, апологія Гинкмара удовлетворила Іоанна VIII, по крайней мѣрѣ не извѣстно никакихъ неблагоприятныхъ результатовъ для нашего архіепископа отъ взведеннаго на него обвиненія.

Вскорѣ послѣ Труанскаго собора для Франціи наступили тяжелыя времена. Норманны, и прежде не разъ нападавшіе

*) Flod. III. c. 29 p. 220: columniatus fuerat (Hincmarus) a quibusdam apud eundem (Joannem) papam, quasi diceret non ipsum majoris dignitatis esse papam quam esset ipse... quod nollet auctoritatem recipere decretorum pontificum sedis, Romanae.

***) Flod. III. c. 21. p. 166.

на Францію и опустошавшіе ее, теперь наводнили своими полчищами всю сѣверо-восточную часть ея. Этого бѣдствія Франціи старческія силы Гинкмара Реймскаго не могли уже перенести, и 21 декабря 882 года онъ скончался въ своего Реймса, откуда долженъ былъ бѣжать вмѣстѣ съ папвой, по случаю занятія его норманнами *).

Вайцеккеръ, въ концѣ своего изслѣдованія о Гинкмарѣ Реймскомъ, изъ всего сказаннаго о немъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Противорѣчива судьба въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Не достигнувъ высшей власти (т. е. власти примаса) и оставшись въ томъ-же положеніи, въ какомъ былъ (т. е. въ положеніи только митрополита Реймской области), онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ защищать то, что самъ подкапывалъ (т. е. институтъ и права митрополитовъ) и защищать потому только, что ему не хотѣлось потерять то, чѣмъ онъ давно обладалъ. Такимъ образомъ онъ сталъ другомъ и союзникомъ тѣхъ, которыхъ охотно желалъ-бы видѣть у своихъ ногъ, потому лишь, что не могъ сдѣлаться ихъ господиномъ, сталъ защищать лицъ, у которыхъ похищались права, потому что ему самому не дали доли въ этомъ хищеніи; и тѣмъ энергичнѣе была его защита, что страдалъ не общій только интересъ, но и личное самолюбіе его. Нужно было съ честію спасти хоть то, что можно еще было спасти, ибо больше ничего не оставалось, на что-бы можно было надѣяться“ **). Далекое не такую представляется намъ личность и вся дѣятельность Реймскаго архіепископа, насколько намъ удалось раскрыть то и другое въ намѣченныхъ нами предѣлахъ. Выдающею чертою въ личности Гинкмара Реймскаго несомнѣнно была самая суровая, неумолимая законность, безусловное повиновеніе тому, что опредѣлено церковнымъ правомъ. Въ области этого права, въ особенности правила соборовъ, и главнымъ образомъ вселенскихъ соборовъ, имѣли для него непоколебимый авторитетъ; по его взгляду, правила соборовъ представляютъ собою постоянную и неизмѣнную норму, съ которой должно

*) Ibid. III. с. 30. p. 221.

**) Zeitschrift für d. histor. Theologie. 1858. 429.

сообразоваться все остальное въ области церковнаго права; отъ согласія или несогласія съ ними должна зависѣть обязательная сила и папскихъ декреталій. Поэтому и весь іерархическій церковный институтъ въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣленъ правилами соборовъ и изданными въ согласіи съ ними папскими декреталіями, признавался Гинкмаромъ безусловно, какъ институтъ непреложный. Въ одномъ письмѣ къ папѣ Николаю, приведенномъ нами въ своемъ мѣстѣ, онъ доказывалъ ему, что папа долженъ повиноваться вселенскому собору, митрополитъ и папѣ, епископъ митрополиту, и что этотъ порядокъ іерархической подчиненности не можетъ быть нарушенъ въ отдѣльных частяхъ своихъ безъ вреда для цѣлаго. Идеи относительнаго главенства папѣ Гинкмаръ не отрицалъ, не отрицалъ и фактической зависимости отъ нихъ мѣстныхъ церквей, выразившейся въ утвержденіи ими избраній митрополитовъ, въ принятіи отъ нихъ митрополитами паллія и другихъ привилегій, и—главное—въ признаніи за ними высшей апелляціонной инстанціи—права кассировать по апелляціямъ епископовъ постановленія областныхъ соборовъ, по лишъ подъ условіемъ передачи судебныхъ процессовъ апеллировавшихъ епископовъ, согласно правиламъ Сардикійскаго собора, на новое изслѣдованіе областныхъ соборовъ. Противъ чего собственно возставалъ Гинкмаръ Реймскій въ своей борьбѣ съ папствомъ, это—незаконныя, или точнѣе—основывающіяся на подложныхъ, лжеисидоровскихъ документахъ притязанія папѣ на свободу внутренняго самоуправленія французской церкви и вообще мѣстныхъ церквей и на каноническія права митрополитовъ, въ институтѣ которыхъ наиболѣе выражалось это самоуправленіе. Если-же въ этой борьбѣ самъ Гинкмаръ не разъ выставялъ свое право на приматство и въ доказательство этого права ссылался даже на лжеисидоровскія декреталіи, то слѣдуетъ замѣтить, что приматство въ томъ видѣ, какъ онъ его понималъ, не нарушало правъ и значенія митрополитовъ въ ихъ собственныхъ округахъ; къ тому-же оно собственно и не было для Гинкмара предметомъ домогательствъ, какъ это утверждаетъ Вайцеккеръ, а выставялось имъ главнымъ образомъ какъ противовѣсъ стремленію суффрагановъ къ эмансипаціи

въ смыслѣ лжеисидоровскомъ. Не отрицаемъ, что въ дѣятельности Гинкмара было кое-что и достойное упрека: Гинкмаръ ужъ слишкомъ сурово, законнически относился къ тѣмъ, противъ и изъ-за которыхъ онъ боролся съ папами, и пользовался при этомъ иногда такими средствами, которыя не могутъ быть названы позволительными, каково напр. перехватъ частнаго письма Соассонскаго епископа Ротада; но подобные недостатки въ дѣятельности архіепископа не были однако-жъ дѣломъ только его личнаго оскорбленнаго самолюбія, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Самолюбіе его и вообще личныя его цѣли, хотя и были значительными мотивами его дѣятельности, но далеко не единственными. Вспомнимъ, какія притязанія предъявлялись со стороны противной Гинкмару, т. е. со стороны нѣкоторыхъ изъ подчиненнаго ему духовенства и со стороны папъ. Это были притязанія, шедшія въ разрѣзъ съ его взглядомъ на церковное право, на неприкосновенность каноническихъ соборныхъ опредѣленій, какъ постоянной нормы права, а въ политическомъ отношеніи—съ его взглядомъ на самодержавность короля, и какъ такіе естественно вызывали въ немъ сильный протестъ и въ соединеніи съ личнымъ его оскорбленіемъ доводили его иногда до увлеченія... Но съ другой стороны въ противоположной дѣятельности Гинкмара Реймскаго проявились такія достоинства этого архіепископа, которыя несомнѣнно высоко ставятъ его, какъ защитника относительной свободы французской церкви. Это именно: умѣнье его управлять на соборахъ епископами, при господствѣ среди нихъ партій, поставлять всякое дѣло на почву общаго интереса французской церкви; его легальность, стремленіе все обосновывать на законѣ, при чемъ основательныя свѣдѣнія Гинкмара въ области церковнаго права находили для себя самое широкое примѣненіе; наконецъ стремленіе къ солидарности съ свѣтскою королевскою властію, въ которой онъ видѣлъ опору и гарантію успѣха того, за что онъ ратовалъ, и къ которой обращался даже въ то время, когда стоялъ въ разрывѣ съ королемъ (Карломъ Лысымъ) изъ-за его итальянскаго предпріятія, имѣвшаго слѣдствіемъ полученіе королемъ императорской короны изъ рукъ Іоанна VIII, въ ущербъ ин-

тересамъ французскаго королевства и французской церкви. Историческое значеніе дѣятельности Гинкмара Реймскаго въ борьбѣ съ папствомъ состоитъ въ томъ, что она способствовала большому уясненію и укрѣпленію въ общемъ сознаніи Франціи съ одной стороны идеи относительной свободы и самостоятельности французской церкви, а съ другой—идеи національнаго самодержавія французскаго короля и верховенства его въ свѣтскихъ дѣлахъ, т. е. способствовала развитію того свободнаго направленія во Франціи, которое извѣстно подъ именемъ „галликанизма“ *).

Д. О.

*) Общія свѣдѣнія о галликанизмѣ (старомъ и новомъ) можно найти въ статьѣ Маттера: „Галликанизмъ“ (Real-Encyclopädie, t. VI p. 649 и дал.).

ОБЪ ИЗДАВІИ НАРОДНЫХЪ КНИГЪ

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНІЯ.

(По поводу разсказа Г. Флобера: „Юліанъ Милостивый“, изданнаго для народнаго чтенія.)

Предъ нами лежитъ одна небольшая книжечка, предназначенная для чтенія народа и изданная въ 1883 году. Заглавіе ея: „Юліанъ Милостивый“, перев. съ французскаго, Г. Флобера. Съ внѣшней стороны названное изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго: прекрасная бумага, крупная печать и весьма дешевая цѣна—книжка стоитъ 8 копѣекъ, хотя въ ней 48 страницъ.

Эта книжка есть изданіе „Народной библіотеки“.

Каждая книжка „Народной библіотеки“ печатается въ количествѣ 10,000—15,000 экземпляровъ.

„Цѣль изданія, скажемъ словами издателей „Народной библіотеки“—распространить въ народѣ чрезъ посредство школъ, арміи и корабейниковъ дѣйствительно хорошія книги, дать народу здоровую и разумную пищу, противодѣйствовать книжной спекуляціи и лубочнымъ безграмотнымъ изданіямъ“. Прекрасное желаніе, высокая цѣль: ибо что можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе, какъ дать многомилліонному русскому народу путемъ литературы здоровую и разумную духовную пищу и противодѣйствовать безсовѣстной книжной спекуляціи нѣкоторыхъ лицъ, которыя для личной наживы забываютъ и дерзко попираютъ религіозные, нравственные, умственные и государственные интересы.

Вотъ въ виду столь высокой задачи, какую поставили себѣ издатели „Народной библіотеки“, въ виду очевидно высокихъ безкорыстныхъ, а не узкихъ спекулятивныхъ цѣлей ихъ мы и желаемъ основательнѣе разсмотрѣть изданную для народа книжку, заглавіе которой мы выше выписали, хотя-бы того сама по себѣ она и не заслуживала. Намъ даже кажется, что въ настоящее время, когда и правительство, и духовенство, и всѣ истинные патріоты стараются поставить народное образованіе на прочныхъ незыблемыхъ основахъ истины и добра, религіи и нравственности, было-бы непросительно проходить молчаніемъ книжныя изданія, предназначаемыя для русскаго народа, или ограничиваться краткою о нихъ замѣткой.

Познакомивъ читателей съ содержаніемъ и особенностями разбираемаго нами произведенія, мы намѣрены съ точки зрѣнія художественной и религіозно-нравственной критически оцѣнить его, а вслѣдъ за этимъ, по поводу разсмотрѣннаго народнаго изданія, мы постараемся высказать свои сужденія на счетъ того, *что и какъ* нужно издавать для чтенія народа.

I.

Авторъ, французскій романистъ Густавъ Флоберъ, съ первыхъ строкъ своего разсказа переноситъ читателя въ эпоху среднихъ вѣковъ. Описавъ замокъ родителей Юліана со всѣми средневѣковыми особенностями въ архитектурѣ и убранствѣ его, Флоберъ тотчасъ дѣлаетъ краткую характеристику отца и матери Юліана, богатыхъ владѣтелей роскошнаго замка. За усердныя молитвы матери Богъ посылаетъ ей сына. „Велика была общая радость! При свѣтѣ факеловъ, при звукѣ арфъ, среди благоухающихъ цвѣтовъ пировали четыре дня и три ночи; подавали изысканныя яства: куръ тучныхъ, какъ бараны; для забавы подавали пироги, изъ коней неожиданно выскакивали карлики; вино пили изъ рыцарскихъ шлемовъ и роговъ, такъ какъ кубковъ не хватало на прибывающихъ гостей“ *). Въ то время, когда происходилъ роскошный пиръ по случаю рожденія наследника замка, къ матери поворожден-

*) „Народная библіотека. Юліанъ Милостивый“, стр. 5.

ваго, не принимавшей участія въ этомъ пиру, явился старецъ въ высокомъ клобукѣ, грубой монашеской рясѣ, съ четками на чреслахъ и котомкой за плечами. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ не разжимая губъ (?): „Радуйся, о мать! сынъ твой будетъ святымъ!“ Она не успѣла вскрикнуть, какъ старецъ, скользнувъ по верхней полосѣ луча, тихо поднялся въ воздухъ и исчезъ“. И отцу Юліана также не замедлило показаться таинственное видѣніе. Когда онъ, на разсвѣтѣ по разѣздѣ гостей, стоялъ у башенныхъ воротъ, передъ нимъ изъ тумана выросъ нищій цыганъ съ заплетенной бородой, серебряными запястьями на обѣихъ рукахъ и пылающими зрачками. „Онъ проронилъ вдохновеннымъ голосомъ слѣдующія безсвязныя слова: „Да, да, твой сынъ! Много крови!... Много славы!... Во всемъ счастье!... Семейство императора!“... Послѣ этихъ словъ онъ исчезъ въ травѣ, чтобы поднять подаянье. Супруги, скрывая другъ отъ друга таинственное предсказаніе будущности ихъ ребенка, оба лелѣли его. Съ семи лѣтъ началось обученіе мальчика. Отецъ училъ его верховой ѣздѣ; старикъ-монахъ, ученый мужъ, на верху башни, вдали отъ шума, училъ своего питомца Св. Писанію, арабскимъ цифрамъ, латинской азбукѣ и миниатюрной живописи на пергаментѣ. Только примѣры гостепріимства, справедливости, молитвы, нѣжности и вообще благочестивой жизни окружали ребенка. Но при всемъ томъ въ душѣ такъ тщательно воспитываемаго юноши стали пробуждаться, неизвѣстно отъ чего, кровавыя инстинкты, жажда истребленія живыхъ существъ. Первою жертвою этого непонятнаго влеченія сдѣлалась церковная мышь; потомъ, увидавъ на гребнѣ стѣны большаго краснаго голубя, который воркуя красовался на солнцѣ, Юліанъ остановился взглянуть на него; затѣмъ, не долго думая, бросаетъ камень и спихиваетъ птицу, которая въ мигъ скатилась въ ровъ. „Онъ бросился за ней и царапая себѣ руки о кустарникъ, быстрѣе молодого пса сталъ всюду шарить, ища упавшую птицу. Голубь съ першибеннымъ крыломъ бился, зацѣпившись за вѣтку ясеня. Видя, что онъ живъ, ребенокъ разсердился и сталъ душить его. При видѣ судорогъ голубя у него радостно билось сердце, потомъ имъ овладѣло какое-то дикое бурное чувство“.

Изучивши теоретически подъ руководствомъ отца правила охоты, молодой Юліанъ получилъ въ подарокъ отъ него свою охотничьихъ собакъ. Слѣдуетъ на двухъ страницахъ описаніе этихъ собакъ, ихъ свойствъ, жилища и пищи. Поэтъ съ особенною любовію весьма картинно описываетъ охоту своего героя на птицъ и животныхъ. Предъ нами весьма живо выступаетъ въ немъ въ страшной силѣ какой-то демонскій духъ истребленія живыхъ тварей безъ всякаго смысла, нужды, цѣли и порядка. Особенно тяжелое удручающее впечатлѣніе производитъ на читателя безчеловѣчное, просто безумное, чисто звѣрское истребленіе нашимъ героемъ стада оленей. „Юліанъ задыхался отъ восторга, предвкушая прелесть истребленія (?). Быстро соскочивъ съ лошади, онъ засучилъ рукава, и засвистѣли стрѣлы... Юліанъ цѣлился, стрѣлялъ, снова цѣлился... Стрѣлы его сыпались какъ дождь послѣ разразившейся грозы... Наконецъ онъ перестрѣлялъ ихъ всѣхъ, и они лежали на пескѣ съ пѣвой у рта, вылѣзшими кишками“. Заставивъ Юліана полюбоваться при взглядѣ на массу жертвъ, безъ всякой нужды истребленныхъ имъ, поэтъ далѣе описываетъ крайне фантастическую сцену охоты своего героя.

Убивъ появившееся на концѣ луговныи семейство оленя: дѣтеныша, мать и путивъ стрѣлу въ стараго оленя, которая засѣла въ лобъ его, бѣшенный охотникъ вдругъ услышалъ отъ умирающаго животнаго слѣдующія слова, произнесенныя имъ „съ величіемъ патріарха и строгостью судьи: проклять! проклять! проклять! настанетъ день, жестокое сердце, что ты убьешь отца и мать!“ Послѣ этого происшествія съ молодымъ Юліаномъ дѣлается болѣзнь, въ продолженіи которой ему мерещится большой черный олень и слышится его роковое пророчество. Заботы родителей и докторовъ скоро возвратили здоровье молодому наслѣднику замка. Но предсказаніе стараго оленя должно (?) постепенно исполняться. Однажды въ сумеркахъ лѣтняго вечера, Юліанъ, находясь въ виноградной бесѣдкѣ, увидалъ въ углу ея два бѣлыя крыла, порхавшія паравпѣ со шпалерникомъ. Не сомнѣваясь, что то былъ аистъ, онъ метнулъ свой дротикъ. Раздался провзительный крикъ: то была его мать. Юліанъ, полагая, что убилъ мать, убѣжалъ изъ

замка, чтобы болѣе не возвращаться туда и нанялся въ шайку проѣзжихъ авантюристовъ, и скоро, благодаря своей силѣ, смѣлости и отвагѣ сталъ начальникомъ отряда. Скоро у него составилось огромное войско, и слава предводителя его росла и гремѣла. Онъ оказываетъ помощь французскому дофину, английскому королю, іерусалимскимъ меченосцамъ, абиссинскому Нэгусу, калькутскому императору, — воюетъ чуть не со всѣми странами и посѣщаетъ такія земли, гдѣ отъ дѣйствія солнечнаго жара волосы загорались на головѣ, или такія, гдѣ отъ сильнаго холода руки отрывались отъ плечъ и падали на землю (?). Наконецъ послѣ долгихъ сказочныхъ приключеній и богатырскихъ подвиговъ онъ женится на дочери Аквитанскаго императора и получаетъ въ приданое замокъ, съ устройствомъ и убранствомъ котораго читатель затѣмъ и знакомится. Разъ Юліанъ послѣ долгаго воздержанія отъ охоты рѣшился, по совѣту своей жены, отправиться на нее. Въ его отсутствіе входятъ, опираясь на палки, старикъ и старуха, одѣтые въ холщевую одежду, оба сѣдые, сгорбленные, запыленные. То были родители Юліана, отыскивавшіе своего сына. Принявъ ихъ ласково и угостивъ, жена Юліана уговорила стариковъ не дожидаться возвращенія съ охоты ихъ сына и уложила ихъ въ свою постель. Затѣмъ слѣдуетъ фантастическое описаніе возвращенія съ охоты Юліана. Ему попадаются на пути животныя, но стрѣлы, пущенныя въ нихъ, не имѣютъ уже никакой силы, а камни, брошенныя въ звѣрей, не касаясь ихъ, обратно падали на землю. Наконецъ, послѣ долгихъ, странныхъ и страшныхъ приключеній охотникъ достигаетъ замка, входитъ въ свою спальню и найдя на кровати своей мушкетера и женщину (т. е. своего отца и мать), онъ, подъ вліяніемъ бѣшеной ревности, схватываетъ кинжалъ и наноситъ ударъ за ударомъ, полагая, что то были его жена и посторонній мужчина. Обманъ скоро открывается: онъ узнаетъ въ убитыхъ людяхъ своихъ родителей и рѣшается, подъ вліяніемъ раскаянія и отчаянія, покинуть замокъ въ одеждѣ кающагося монаха. Юліанъ теперь сталъ скитаться по-міру, прося подаенія и вездѣ возбуждая ужасъ къ себѣ, когда исторія его жизни, которую онъ изъ смиренія самъ рассказывалъ, дѣлалась извѣстна. Онъ сталъ искать уединенныхъ мѣстъ.

„Онъ сдѣлалъ себѣ колючую власяницу, исползалъ на колѣняхъ всѣ горы, на вершинѣ которыхъ стояли часовни. Но неумолимая угрызенія совѣсти слѣдовали за нимъ въ святыя храмы, мучили и терзали его среди истязаній добровольнаго покаянія. Онъ не ропталъ на Бога, допустившаго его совершить такое злодѣйство, но не могъ примириться съ мыслию, что совершилъ его“. Онъ искалъ смерти, умышленно подвергая свою жизнь опасности, но постоянное вмѣшательство сверхъестественной силы всегда спасало его отъ всѣхъ опасностей и покушеній на самоубійство, вопреки самому горячему желанію лишиться себя жизни. Наконецъ, пройдя много странъ, онъ остановился у рѣки, переѣздъ чрезъ которую вслѣдствіе быстраго теченія и вязкаго ила былъ крайне опасенъ. Юліанъ обрадовался, что можетъ посвятить свою жизнь на пользу ближнихъ и сталъ безмездно перевозить всѣхъ путниковъ, довольствуясь тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ давали ему за его трудъ остатки припасовъ, или поношенное платье. Однажды, въ бурную и холодную ночь, онъ перевезъ одного путника, который оказался отвратительнымъ прокаженнымъ. Онъ не только перевезъ его, но сдѣлалъ все, что тотъ ни попросилъ у него: отдалъ ему послѣднюю свою пищу, одежду, положилъ его на свою постель, и когда прокаженный сталъ умирать, онъ по желанію его раздѣлся и легъ съ нимъ на постель, чтобы согрѣть его теплотою своего тѣла. „Юліанъ прильнулъ къ его лицу, сжалъ его въ своихъ объятіяхъ. Глаза прокаженнаго засвѣтились, какъ звѣзды, волосы превратились въ солнечныя лучи. Дыханіе благоухало розами, облако еміама поднялось изъ очага, а волны рѣки зацѣли дивную жизнь. Не земной восторгъ, не человѣческая радость объяли измученную душу Юліана. Тотъ, котораго онъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ, непомѣрно выросалъ и уже касался головой своей и ногами обѣихъ стѣнъ шалаша. Крыша слетѣла, звѣздный сводъ раздвинулся, и Юліанъ, уносимый Иисусомъ (!), вознесся на небо и исчезъ въ голубомъ эфирѣ“.

Таковъ разсказъ Флобера, помѣщенный на 48 страницахъ. Мы передали его, не опустивъ ничего существеннаго, ибо полагаемъ, что безъ предварительнаго ознакомленія съ содер-

жаніемъ его наши выводы о достоинствахъ или недостаткахъ его, какъ литературнаго произведенія, предназначеннаго для чтенія простаго русскаго народа, могутъ показаться голословными или преувеличенными.

Итакъ, есть-ли въ переданномъ разсказѣ такого рода литературныя достоинства, изъ-за которыхъ его можно было-бы рекомендовать для чтенія народу? Есть-ли въ немъ та здоровая и разумная умственная пища, которую издатели „Народной библіотеки“ поставили себѣ цѣлю дать нашему народу? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы по чистой совѣсти должны сказать, что за исключеніемъ нѣсколькихъ едва замѣтныхъ крупинокъ дѣйствительно разумной духовной пищи, мы во всемъ разсказѣ не нашли ничего, кромѣ фальши, заблужденій, грубыхъ ошибокъ съ художественной и въ особенности съ религіозно-нравственной стороны.

Подъ крупинками здоровой, духовной пищи мы разумѣемъ слѣдующее: довольно живое по мѣстамъ изложеніе хода событій, свѣжія поэтическія краски при изображеніи чувствъ и вѣрная сама по себѣ мысль: человекъ, проливавшій кровь и совершавшій преступленія, не можетъ быть счастливымъ. Но сколько вреднаго мусора надобно перебрать, сколько фальшивыхъ мыслей, разсѣянныхъ чуть не на каждой страницѣ разсказа, сколько бесполезныхъ и даже прямо вредныхъ страницъ нужно прочитать, чтобы отыскать въ нихъ то, что дѣйствительно имѣетъ настоящую цѣпность!

Мы постараемся доказать свое мнѣніе.

Прежде всего, что касается художественной стороны разсматриваемаго нами литературнаго произведенія, назначеннаго для чтенія простаго русскаго народа и распространенія въ средѣ его, то она, по нашему мнѣнію, далеко неудовлетворительна. Разъ навсегда мы просимъ не забывать, что мы оцѣниваемъ данное произведеніе сколько съ чисто объективной точки зрѣнія, столько-же и даже еще болѣе съ точки зрѣнія на него, какъ на книжку *для народнаго чтенія*, для чтенія простаго русскаго народа.

Прежде всего мы спрашиваемъ: соотвѣтствуетъ-ли заглавіе разсказа содержанію его? Прочитавъ заглавіе книжки: „Юлі-

анъ Милостивый“. всякій читатель въ правѣ ожидать, что найдетъ въ ней изображеніе подвиговъ милосердія этого святаго или, по крайней мѣрѣ, этого благочестиваго человѣка. Чтеніе разсказа объ этихъ подвигахъ или дѣлахъ милосердія Юліана могло-бы дѣйствительно доставить не только пріятное, но и весьма полезное занятіе, возгрѣвая въ душѣ читателя любовь къ ближнимъ, пробуждая въ немъ сочувствіе къ несчастію ихъ и желаніе облегчать ихъ, сколько это отъ него зависитъ. Но на самомъ дѣлѣ почти вся книжка говоритъ не объ этомъ, а о *кровожадной жестокости сердца и преступленіяхъ Юліана*, и только послѣднія пять—шесть страничекъ посвящены краткому описанію того, какъ Юліанъ почувствовалъ себя несчастнымъ за свои преступленія, какъ онъ терзался угрызениями совѣсти, какъ онъ перевозилъ чрезъ опасную рѣку путниковъ, не требуя съ нихъ платы и какъ онъ, наконецъ, не отказался не только пріютить, но и согрѣть въ своихъ объятіяхъ отвратительнаго прокаженнаго. Вотъ и вся назидательность разсказа. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же писать 48 страницъ разсказа? Не лучше-ли было-бы издать его въ сокращеніи, остановившись только на томъ, что прямо относится къ дѣлу? Въ противномъ случаѣ зачѣмъ давать разсказу не идущее къ нему заглавіе? Не лучше ли было-бы прямо назвать его такъ, какъ требуетъ того содержаніе его, т. е. „средневѣковая легенда о покаявшемся преступникѣ“, или въ этомъ родѣ.

Далѣе, къ числу недостатковъ разсматриваемаго произведенія, со стороны художественной, по нашему мнѣнію, относятся подробныя описанія разныхъ предметовъ и явленій средне-вѣковой жизни, такъ чуждой русскому пониманію. Сюда относится описаніе средне-вѣковаго замка со всѣми причудливыми особенностями и украшеніями его, описаніе своры собакъ, подаренныхъ Юліану отцомъ его и т. п. мѣста разсказа. Вѣдь цѣль издателей книжекъ для народа несомнѣнно та, чтобы *все* содержаніе ихъ было усвоено и прочно запечатлѣлось въ душѣ читателей, вызвавъ въ ней извѣстные образы и представленія. И эту цѣль нужно тѣмъ строже преслѣдовать, что книжныя изданія, какъ-бы ни удешевляли ихъ, всегда были по край-

ней мѣрѣ доселѣ слишкомъ дороги для народа; кромѣ того нужно имѣть въ виду и то, что народъ имѣетъ слишкомъ мало времени для чтенія. Поэтому нужно всячески дорожить его временемъ и такъ обрабатывать книгу для народа, чтобы она не заключала въ себѣ ничего лишняго, что пропадетъ для него даромъ, не оставивъ въ душѣ его никакого впечатлѣнія. — чтобы она въ немногомъ содержала многое. Намъ могутъ возразить, что и въ самыхъ образцовыхъ произведеніяхъ литературы повѣствовательнаго характера встрѣчается болѣе или менѣе значительное число описаній, которыя, конечно, менѣе усвоятся при чтеніи, нежели рассказъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. На это мы должны сказать, что иное дѣло книга для образованной и досужей публики, другое дѣло для простаго народа, читающаго только урывками въ воскресные и праздничные дни. Отсюда вытекаетъ то, что издатели книгъ для народа должны обрабатывать свои изданія *съ педагогической стороны*, безъ ущерба художественныхъ достоинствъ даннаго литературнаго произведенія. Конечно, это не касается тѣхъ поэтовъ или писателей, которые при написаніи своихъ сочиненій *сами* имѣютъ въ виду свой народъ и знаютъ его склонности, свойства его ума и всѣ особенности его жизни. Но что касается Густава Флобера, то ни откуда не извѣстно, чтобы онъ писалъ свой рассказъ, примѣняясь къ особенностямъ міровоззрѣнія и характера простаго русскаго народа. Но если нашлись люди, которые рѣшились издать для нашего народа нѣкоторые изъ его рассказовъ, они тѣмъ самымъ нравственно обязывались издать произведенія названнаго поэта въ такой обработкѣ, которая дѣлала-бы ихъ вполне доступными народному пониманію. Мы не видимъ, чтобы это было сдѣлано въ данномъ случаѣ.

Возвращаясь къ прежде высказанной мысли о неумѣстности частыхъ и подробныхъ описаній въ народныхъ изданіяхъ, мы выскажемъ здѣсь нѣсколько нашихъ замѣчаній относительно того, какія описанія умѣстны въ популярной книжкѣ для народнаго ученія и насколько вообще возможно вводить описательный элементъ въ общедоступныя народныя изданія.

Мы убѣждены, что подробныя словесныя описанія картинъ

природы, лицъ и разныхъ вообще предметовъ удобнѣе всего замѣнить *рисункомъ* описываемаго предмета или *разказомъ* его исторіи. Подробное словесное описаніе вторгается въ область живописи: ибо только послѣдовательность во времени (повѣствованіе, разказъ) есть собственная область человѣческаго слова, тогда какъ послѣдовательность въ пространствѣ (описаніе) есть естественная и законная область живописи, другими словами: подробное описаніе предмета, части котораго должны быть воспроизведены одновременно—дѣло живописи; историческій разказъ о событіи, которое совершается послѣдовательными моментами—дѣло поэта и вообще человѣка, владѣющаго письменнымъ словомъ. „Перечислять читателю послѣдовательно, говоритъ извѣстный Лессингъ въ своемъ „Лаокоонѣ“, многія части предмета, или предметы, которые въ дѣйствительности я долженъ осмотрѣть сразу, чтобы получить понятіе о цѣломъ, значитъ поэту вторгаться въ область живописца и напрасно расточать свое воображеніе“. Въ самомъ дѣлѣ, какое сильное напряженіе мыслительныхъ способностей нужно для того, чтобы вновь вызвать въ прежнемъ порядкѣ всѣ впечатлѣнія прочитаннаго и сразу всѣ ихъ обнять, съ тѣмъ чтобы получить хотя приблизительное понятіе о цѣломъ! Въ вѣрности развиваемой мысли можно убѣдиться слѣдующимъ образомъ. Пусть развитой человѣкъ прочтетъ на 10 страницахъ подробное описаніе какого-либо предмета, напримѣръ архитектурнаго памятника и скажетъ: имѣеть-ли ясное представленіе объ описанномъ предметѣ и можетъ-ли безъ всякаго затрудненія передать описаніе? Едва-ли. Между тѣмъ посмотрите всего одну минуту на картину, гдѣ тоже зданіе воспроизведено художникомъ на полотнѣ: вы безъ затрудненія можете, не смотря уже на картину, передать все видѣнное вами на полотнѣ и самый предметъ описанія представляете себѣ совершенно ясно.

Впрочемъ, бываетъ такъ, что прилагать картину къ извѣстной книжкѣ, особливо предназначаемой для народа, не представляется возможнымъ по высокой стоимости рисунковъ. Въ такомъ случаѣ лучше всего вмѣсто описанія предмета разказать исторію его происхожденія. У Гомера, этого знаменита-

го поэта - пластика можно поучиться искусству превращать описанія въ рассказы. Напримѣръ: онъ желаетъ изобразить роговой лукъ извѣстной длины, хорошо отполированный съ золотыми бляхами по концамъ. Онъ не высчитываетъ сухо всѣ эти признаки одинъ за другимъ, а поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ начинаетъ съ охоты за серной, изъ роговъ которой лукъ сдѣланъ; охотникъ встрѣтилъ ее въ горахъ и тамъ убилъ; рога были необыкновенно длинны, почему онъ и предназначилъ ихъ для лука; художникъ отдѣлываетъ ихъ: соединяетъ, полируетъ, обиваетъ. Такимъ приѣмомъ изображенія предмета достигается то, что читатель составляетъ наглядное представление о предметѣ описанія, при чемъ самое чтеніе этого описанія, не напрягая его духовныхъ силъ, не заставляя его путемъ сильнаго мыслительнаго процесса охватить сразу всѣ отдѣльные признаки описанія, чтобы получить цѣльное представление, нравится ему, нисколько его не утомляетъ, а напротивъ, весьма естественно, путемъ постепеннаго и живаго изображенія отдѣльныхъ моментовъ развивающагося дѣйствія, представляетъ ему цѣльную и живую картину всего предмета.

Упомянутый нами великій греческій поэтъ указываетъ и еще средство для полученія живаго списанія. Онъ нигдѣ не описываетъ предмета подробно, т. е. не вступаетъ въ этомъ отношеніи въ неравную борьбу съ живописцемъ, но выбираетъ два—три картинныхъ эпитета и при помощи ихъ достигаетъ своей цѣли. Его корабль то „черный“ корабль, то „полный“ корабль, то „быстрый“, то „хорошо оснащенный черный корабль“.

Накопецъ есть у него и еще одинъ приѣмъ, достойный подражанія всѣхъ составителей и издателей рассказовъ для дѣтскаго и въ особенности для народнаго чтенія. Въмѣсто изображенія по частямъ какого-либо предмета, наприм. подробнаго описанія красоты прекрасной Елены, онъ говоритъ только нѣсколько словъ о томъ *впечатлѣніи*, какое производитъ прекрасная Елена на старѣйшинъ троянскаго народа, явившихъ въ собраніе ихъ. Почтенные старцы видятъ ее и говорятъ одинъ другому:

„Итъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ;
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотой подобна“. (Ил. III).

„Старцы находятъ ее достойной, говоритъ Лессингъ, чтобы за нее велась война, стоящая столько крови и слезъ! Можно ли дать болѣе живую идею объ ея красотѣ? Чего Гомеръ не можетъ описать по частямъ, съ тѣмъ онъ знакомитъ насъ въ его дѣйствіи“. Но тотъ-же критикъ совершенно справедливо требуетъ строгой умѣренности въ изображеніи впечатлѣнія, производимаго извѣстнымъ предметомъ, напр. красотой человеческого лица. Гомеровымъ старцамъ, говоритъ онъ, нельзя сдѣлать упрека въ сластолюбивыхъ желаніяхъ; ибо впечатлѣніе, ими испытанное, есть мгновенная искра, которая тотчасъ же и утушается мудростію: это невольное движеніе только возвышаетъ въ нашихъ глазахъ красоту Елены, не дѣлая безчестія самимъ старцамъ; они сознаются въ своемъ чувствѣ, но тотъ часъ-же прибавляютъ:

„Но и столько прекрасная, пусть возвратится въ Гелладу,
„Пусть удалится отъ насъ и отъ чадъ намъ любезныхъ погибель“.

(Иліад. II, 3 ст.).

Безъ этого мудраго рѣшенія они были-бы старыми сластолюбцами *).

Мы нарочито остановились такъ долго на выясненіи рациональныхъ пріемовъ описанія; ибо неудачныя описанія, встрѣчающіяся въ народныхъ изданіяхъ, по нашему мнѣнію, совершенно представляютъ собою лишній балластъ, который, не говоря ничего уму читающихъ, только увеличиваетъ объемъ книги и ея цѣнность.

Итакъ, съ точки зрѣнія чистаго искусства мы нашли пока въ разсматриваемомъ разказѣ „Юліанъ Милостивый“, изданномъ для народа, два недостатка: несоотвѣтствіе темы содержанію разказа и неумѣстныя въ немъ описанія. Но не трудно отыскать и еще нѣсколько промаховъ въ этомъ отношеніи. Сюда относятся прежде всего весьма значительный процентъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ разказа и обильный фантастическій элементъ средневѣковой легенды. Какъ то, такъ и другое рѣшительно неумѣстно въ книгахъ, предназначенныхъ для чтенія русскаго народа.

*) „Laokoön“, соч. Лессинга, пер. Эдельмана, изд. 1859 г. стр. 150, гдѣ прекрасно выяснены границы между живописью и поэзіею.

Вотъ на удачу нѣсколько словъ и оборотовъ, непонятныхъ для простаго народа, которые издатели почему-то не нашли нужнымъ замѣнить соотвѣтственными русскими и болѣе понятными словами:

„Росписные глиняные горшки съ цвѣтущимъ геліотропомъ и базиликой стояли на подоконникахъ всѣхъ этажей; нѣкоторыя клумбы изображали собою вензеля; шлейфъ ея суконнаго платья влечется за ней на три шага, она блюла благовонныя мази (?); голова ея склонилась къ подушкѣ, надъ которой въ драгоценной оправѣ изъ карбункула висѣла кость мученика (?); старикъ-монахъ училъ его Св. Писанію, арабскимъ цифрамъ, латинской азбукѣ и миниатюрной живописи на пергаментѣ; Юліанъ оказывалъ помощь французскому дофину; змѣя спирально обвивалась вокругъ ствола ясени; распятіе изъ слоновой кости, висѣвшее въ альковѣ...; погребальное шествіе сопровождалъ монахъ съ опущеннымъ кающономъ“. Можно бы и еще найти нѣсколько примѣровъ подобнаго слога, но и представленныхъ достаточно, чтобы видѣть, что всѣ они не будутъ поняты читателемъ изъ простаго народа. Если же необходимо было ихъ употребить, то въ примѣчаніяхъ, или, гораздо лучше, въ самомъ текстѣ въ скобкахъ нужно было бы дать имъ надлежащее разъясненіе.

Но объ этомъ довольно. Гораздо важнѣе второй указанный нами недостатокъ, касающійся художественнаго построенія разсматриваемаго разсказа Флобера. Мы говоримъ о томъ фантастическомъ элементѣ, который является преобладающимъ въ разбираемой книжкѣ. Мы убѣждены, что одно присутствіе этого элемента рѣшительно портитъ разсказъ и низводитъ его въ разрядъ пустыхъ сказокъ. Въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли все это: явленіе старца матери, предсказавшаго „не разжимая губъ“, что дитя ея будетъ святымъ человекомъ;—явленіе цыгана, предрекашаго, что Юліаномъ будетъ пролито много крови;—встрѣча его со старымъ оленемъ, который „человѣческимъ голосомъ“ проклялъ его трижды и предсказалъ ужасное преступленіе и крайне причудливыя, ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣющія, приключенія его во время возвращенія его съ охоты,—не есть-ли все это продуктъ фантазій, ко-

торая совершенно забыла о существованіи законовъ дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, поэтической возможности, и неудержимо носится какъ въ сновидѣніяхъ, въ мірѣ грезъ и странныхъ образовъ? Какъ скоро читатель созналъ, что того, что онъ читаетъ, не только никогда не было, но и не могло быть, онъ уже перестаетъ вѣрить читаемой книжкѣ, и даже не обратитъ вниманія на отдѣльныя мысли, которыя заслуживали-бы полнаго довѣрія. Иной же читатель, особенно русскій православный человѣкъ, привыкшій въ благочестивыхъ повѣствованіяхъ видѣть несомнѣнныя сказанія о дѣйствительныхъ подвигахъ святыхъ людей, тотчасъ и броситъ книжку недочитанной, когда замѣтитъ, что то, что рассказывается въ ней, бываетъ только въ сказкахъ, которыми онъ, конечно, давно уже пересталъ заниматься. Недоумѣваемъ: какъ могла придти въ голову издателей „Народной библіотеки“ мысль учить народъ доброй нравственности путемъ изданія средне-вѣковыхъ западно-европейскихъ легендъ съ чисто фантастическимъ характеромъ? Въ нихъ-ли народъ нуждается? Нѣтъ, онъ нуждается въ дѣйствительности, были, въ такихъ разсказахъ, описываемыя событія которыхъ дѣйствительно случились и которыя поучаютъ его правдѣ, добру, милосердію, чистотѣ сердца, страху Божію, благоговѣнію,—словомъ, указываютъ ему правильныя отношенія его къ Богу, ближнему, самому себѣ и вѣшной, окружающей его природѣ. Онъ съ великимъ удовольствіемъ, съ несомнѣнною пользою для себя и съ глубокой вѣрой прочтетъ разсказъ и о чудесныхъ событіяхъ, но такихъ, которыя по свидѣтельству Св. Писанія, или церковнаго преданія, или исторіи, дѣйствительно случились. На фантастическій же разсказъ онъ будетъ смотрѣть какъ на сказку, если писатель не введетъ его въ заблужденіе искуснымъ представленіемъ вымысла въ видѣ дѣйствительнаго событія, что конечно не желательно, какъ рассчитанный обманъ простодушнаго человѣка. Слѣдитъ же за развитіемъ характеровъ, описываемыхъ въ художественномъ сказѣ, восхищаться психологическимъ анализомъ, любоваться отдѣльными картинками, выходящими изъ подъ искусства пера поэта, изучать легкимъ и занимательнымъ путемъ разнаго рода подробности жизни

людей и событій отдаленной эпохи, дѣлать практическіе выводы изъ аллегорическаго или фантастическаго разсказа о томъ, что хорошо и что дурно, что ведетъ къ счастью и что приводитъ къ гибели,—русскій простой человѣкъ настоящаго времени еще не способенъ ни по уровню своего умственнаго развитія, ни по обстоятельствамъ своей жизни, слишкомъ мало представляющей досуга для чтенія разнаго рода романовъ, повѣстей и средневѣковыхъ легендъ и т. п. произведеній легкой беллетристики,—ни по всему, наконецъ, исторически сложившемуся возрѣнію на книги, вообще какъ на нѣчто серьезное, правдивое, поучительное, почти священное.

Этимъ мы и закончимъ свои замѣчанія о художественной сторонѣ разбираемаго разсказа Флобера.

Теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ его съ религіозно-нравственной стороны.

Здѣсь рѣшимъ два вопроса: не оскорбляется-ли чѣмъ при чтеніи упомянутаго разсказа религіозно-нравственное чувство русскаго человѣка, воспитаннаго въ христіанской православной вѣрѣ, и незамѣчается-ли въ поименованномъ разсказѣ ложныхъ религіозныхъ или нравственныхъ возрѣній? На тотъ и другой вопросъ мы должны, къ сожалѣнію, отвѣтить утвердительно, т. е. мы, послѣ тщательнаго анализа разсказа „Юліанъ Милостивый“, нашли въ немъ какъ оскорбленіе религіозно-нравственнаго чувства, такъ и ложныя возрѣнія, несогласныя съ ученіемъ христіанской религіи и нравственности.

Что можетъ подумать читатель, прочитавши напр. такое мѣсто: „Его (Юліана) постелька была набита вѣжнѣйшимъ пухомъ, надъ ней горѣла неугасимая лампада въ видѣ голубя; три мамы качали колыбель, и, закутанный въ тончайшія пеленки съ своимъ розовымъ личикомъ, голубыми глазками, парчевой мантией и чепцомъ, украшеннымъ жемчугами, малютка напоминалъ младенца Христа“ *). Неужели есть какое-либо сходство между этимъ малюткой, окруженнымъ съ самаго дня своего рожденія богатой и даже роскошной обстановкой, и младенцомъ Христомъ? Исторія ничего подобнаго не знаетъ о младенцествѣ І. Христа, Который съ самаго рожденія на

*) „Юліанъ Милостивый“, стр. 7—8.

землѣ въ ясляхъ и вертепѣ отъ бѣдныхъ родителей, полагалъ начало несенію того креста добровольныхъ страданій за грѣхи людей, который во всей тяжести понесъ на Голгоѣѣ. А если это начальная истина христіанства, если не только догматическія, но и всѣмъ извѣстныя историческія данныя не позволяютъ изображать намъ Христа—младенца-ли, взрослого-ли, окруженнаго блескомъ земной роскоши и славы, то спрашивается: къ чему-же намѣренно извращать основныя черты земной жизни Господа нашего І. Христа, которыя во всей исторической точности должно усвоить религіозное сознаніе христіанъ? Какая цѣль этого извращенія? Нельзя не видѣть, что Флоберъ въ этомъ отношеніи увлекся подражаніемъ средне-вѣковымъ религіознымъ маэстро, которые любили изображать Христа во всемъ блескѣ земнаго величія. „Джіотто и Фра-Анджелино, говоритъ по этому поводу д-ръ Фарраръ, изобразили Марію съ Младенцемъ, сидящими на тронахъ, которые стоятъ на мозаическомъ полу подъ голубыми съ золотомъ балдахинами. Они одѣли ихъ въ матеріи роскошныхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ и разукрасили ихъ золотыми вышивками съ осыпью изъ драгоценныхъ камней. Далекое не то было въ дѣйствительности. Когда Іосифъ возвращался въ Назаретъ, ему извѣстно было, что они должны были искать безопасности въ уединеніи и что жизнь Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ должна проходить не въ свѣтѣ, гласности и богатствѣ, а въ тайнѣ, трудѣ и бѣдности“ *). И когда І. Христосъ выступилъ на общественное служеніе, Онъ опирался, какъ всякому извѣстно, не на вѣщную силу и знатность своего рода, а единственно только на внутреннюю духовную силу Своего божественнаго ученія, сопровождаемаго чудесными знаменіями. Что-же касается Его матеріальнаго положенія въ жизни, то Онъ такъ былъ бѣденъ, что не имѣлъ мѣста, гдѣ-бы могъ главу поклонить. И умирая на Голгооскомъ крестѣ за грѣхи міра, Онъ поручилъ Свою Пречистую Матерь, Святую Дѣву Марію, заботамъ Своего любимаго ученика. Таково было Его вѣщное положеніе отъ рожденія до крестной смерти.

*) „Жизнь І. Христа“. Фаррара. Стр. 36.

Но не одно разсматриваемое искаженіе Флоберомъ исторіи младенчества Іисуса, непріятно поражающее религіозное чувство православнаго христіанина, еще больше неумѣстно сравненіе Іисуса съ отвратительнымъ прокаженнымъ, подъ образомъ котораго явился Юліану Христосъ. Наше религіозное и вмѣстѣ эстетическое чувства возмущаются при видѣ образа прокаженнаго, подъ которымъ мы должны признать нашего возлюбленнаго Спасителя, чистѣйшаго между сильными, сильнѣйшаго между чистыми, Который во время своей земной жизни явилъ въ день Преображенія богочеловѣческую славу Своего Божества въ такой степени, что одно созерцаніе ея наполнило душу апостоловъ неизъяснимымъ восторгомъ и блаженствомъ.

Вотъ то мѣсто, противъ котораго мы рѣшительно возстаемъ, какъ противъ оскорбляющаго безъ всякаго законнаго основанія наше религіозное и эстетическое чувство, — мѣсто, которое вовсе не мирится съ образомъ Христа Спасителя и догматическимъ ученіемъ объ Его богочеловѣческой личности и прославленіемъ тѣлѣ.

„Когда они (Юліанъ и прокаженный) вошли въ шалашъ, Юліанъ заперъ дверь и увидалъ, что его спутникъ уже сидитъ на скамьѣ. Съ него спустились прикрывавшія его лохмотья, обнажая костлявыя плечи, грудь и руки, покрытыя сплошными, гпойными струньями. Лобъ его былъ изборожденъ глубокими, крупными морщинами, а вмѣсто носа у него была дыра, какъ у скелета; его густое, какъ туманъ, дыханіе, издавало зловоніе.

— Я голоденъ, сказалъ прокаженный.

Юліанъ подалъ ему то, что у него нашлось: кусокъ стараго сала и сухую корку хлѣба. Когда прокаженный съѣлъ это все, къ чему онъ прикасался: чашка и ручка ножа, покрылись такими-же пятнами, какія покрывали его тѣло.

— Я пить хочу, сказалъ онъ.

Юліанъ пошелъ за своею кружкою, въ которой оказалось вино, и подалъ ее прокаженному.

Тотъ залпомъ выпилъ его *).

Къ чему эта тяжелая, удручающая картина? Чѣмъ она оп-

* Юл. М. стр. 46.

равдывается? Какая ея цѣль? Чтобы показать милосердіе Юліана, не погнушавшагося принять, напитать и обогрѣть прокаженнаго? Но его милосердія мы даже и въ этомъ случаѣ не видимъ: онъ *машинами*, не пророня ни одного слова, только дѣлаетъ то, что ему властно *приказываетъ* таинственный прокаженный; самъ-же по себѣ, по своему свободному побужденію, изъ стремленій своего сердца, онъ ничего не дѣлаетъ для прокаженнаго. Мы прямо утверждаемъ, что изображеніе Христа Спасителя подъ видомъ отвратительнаго прокаженнаго совершенно неумѣстно, незаконно и противно нашему религіозному чувству. Исусъ—Богъ, принявшій человѣческую природу, *кромя грѣха*, а слѣдовательно чуждый и болѣзней, ибо въ чистой богочеловѣческой природѣ, не зараженной ни первороднымъ, ни личнымъ грѣхомъ, не было мѣста ни болѣзни, ни смерти, хотя послѣднюю Онъ добровольно и по опредѣленію вѣчной Правды принялъ, какъ средство искупленія рода человѣческаго какъ отъ грѣха, такъ и отъ важнѣйшаго его послѣдствія — смерти. Еще болѣе не прилично представлять Исуса Христа въ видѣ человѣка, пораженнаго страшною и отвратительною болѣзнію послѣ славнаго Его воскресенія и вознесенія на небо съ прославленнымъ тѣломъ, не пуждавшимся ни въ пищѣ, ни въ питъѣ, не стѣсняемымъ ни пространствомъ, ни временемъ, не подверженнымъ ни болѣзни, никакому либо разстройству. Тѣло Спасителя, Господа нашего Исуса Христа, какъ учитъ объ этомъ Св. Писаніе и Св. Церковь, послѣ воскресенія стало „прославленнымъ“. Съ такимъ тѣломъ Онъ сѣдитъ и днесь одесную Бога-Отца, ибо человѣческое существо Онъ принялъ въ единеніе Своего Божества несліяпно, нераздѣльно, неизмѣнно и неразлучно, — съ такимъ-же тѣломъ, во славѣ Своей Онъ паки прійдетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ, — наконецъ съ такимъ-же славнымъ, а не безславнымъ тѣломъ Онъ прежде являлся (напримѣръ апостолу Павлу), и въ настоящее время можетъ являться нѣкоторымъ членамъ Своей Церкви, какъ верховный Глава ея и божественный Архіерей. Вотъ почему противно евангельской исторіи, догматическому ученію и христіанскому чувству, желающему представлять прослав-

леннаго Спасителя въ прославленномъ тѣлѣ, изображать Иисуса Христа въ такомъ видѣ, въ какомъ изобразилъ Его подъ образомъ отвратительнаго прокаженнаго французскій романистъ Флоберъ. И такое искаженное представленіе личности Христа у названнаго романиста объясняется сколько вліяніемъ на него католицизма, утратившаго истинное чутіе къ пониманію евангельской исторіи, столько-же и пристрастіемъ его къ фантастическому колориту средневѣковыхъ легендъ и ложно понятой свободой поэтическаго творчества, которое яко-бы позволяетъ съ предметами исторіи, религіи и чего угодно обходиться такъ, какъ желательно „поэтическому вдохновенію“. Нѣтъ, то не истинное искусство, которое создаетъ по произволу характеры, событія и образы, не справляясь ни съ исторіею, ни съ религіозными ученіями, ни даже съ воззрѣніями большинства людей. Поэзія есть творчество, но творчество въ области *возможнаго или дѣйствительнаго* и истиннаго, а отнюдь не въ области лжи и невѣроятности и несообразности *).

Но не только религіозное, а и нравственное чувство читателя не найдетъ себѣ надлежащаго удовлетворенія въ разсматриваемомъ нами разсказѣ Густава Флобера. Не питаетъ и назидаетъ, а ослабляетъ, соблазняетъ и даже убиваетъ нравственное чувство, чувство чести, добра, любви къ ближнему и всему окружающему описаніе картинъ преступленія, сценъ сатанинской жажды крови и убіенія сыномъ отца и матери. Къ чему описывать это? Развѣ въ самой жизни человѣка мало видимъ проявленій нравственной грязи, разнузданности дикихъ инстинктовъ, проявленія дурныхъ страстей, ужасныхъ пороковъ и преступленій? Дайте намъ болѣе свѣтлыя, идеальныя образы, соотвѣтствующіе лучшей сторонѣ нашей природы; освѣжите наши чувства образами истиннаго добра, христіанской святости, чистой красоты; удалите отъ насъ хотя

*) Иисусъ Христосъ называетъ въ Евангеліи бѣдныхъ, больныхъ и страждущихъ своею меньшею братіею (Мат. 25), но не потому, чтобы Онъ Самъ былъ по природѣ такимъ, т. е. носившимъ на Себѣ всѣ слѣды грѣха, а потому, что благоволилъ сострадать страждущимъ и пострадать для ихъ искупленія. Слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія изображать Его въ видѣ человѣка, обезображеннаго язвами, порожденными грѣхомъ. Онъ изображается у пророка Исаіи (Гл. 53 и пораженнымъ болѣзнями, но не отъ грѣха, а отъ распинателей.

въ книгахъ—въ этомъ источникѣ науки и образованія,—проявленіе злой человѣческой воли, со всѣми отталкивающими ея свойствами: черствымъ эгоизмомъ, ледянымъ безсердечіемъ къ несчастію ближнихъ, безчеловѣчною жестокостью сердца и т. п. Не оправдывайтесь мыслию: человѣкъ долженъ-же рано или поздно узнать жизнь со всѣми ея темными сторонами, со всѣми пороками и преступленіями; чѣмъ раньше онъ узнаетъ все это, тѣмъ лучше для него будетъ: онъ будетъ-де предупрежденъ, закаленъ и приготовленъ ко встрѣчѣ со всякой опасностью. Это гибельное заблужденіе. Оно основывается на незнаніи ни свойствъ нравственнаго зла, ни его страшной силы вліянія на волю формирующагося человѣка, ни природы самого человѣка въ настоящемъ его состояніи, столь склонной, вслѣдствіе нравственнаго поврежденія, ко грѣху. Окружите человѣка соблазнами, т. е. возбудите его дурные инстинкты, познакомьте его съ неизвѣстными еще ему видами порока, или преступными удовольствіями,—путемъ-ли совершенія самаго порока или преступленія предъ его глазами, путемъ-ли словеснаго или книжнаго ознакомленія его съ ними—и вы увидите, многіе-ли противостоятъ пороку и всѣ-ли выйдутъ чистыми изъ искушенія соблазномъ: только помощь Божія и нравственная опытность, всегда дорого достоящаяся, спасетъ немногихъ отъ уязвленія соблазномъ грѣха. Это говоритъ ежедневный опытъ, это-же подтверждаетъ постоянное наблюденіе, которое, напримѣръ, показываетъ, что отъ дурныхъ безнравственныхъ родителей по большей части являются и такія-же дѣти,—отъ дурнаго товарищества, находящаго себѣ удовольствіе въ пьянствѣ и безнравственныхъ оргіяхъ, выходятъ по большей части такіе-же дурные люди,—отъ дурнаго безнравственнаго чтенія и ложныхъ ученій выходятъ люди съ развращенною фантазією, съ испорченнымъ сердцемъ, съ задаткомъ дурныхъ инстинктовъ и съ вредными намѣреніями. Наконецъ въ этомъ-же убѣждаетъ и нравственная статистика: замѣчено, напримѣръ, что послѣ каждой войны увеличивается число преступленій, сопряженныхъ съ тяжелыми поврежденіями, потому что въ молодомъ поколѣніи болѣе грубыхъ классовъ общества, подъ вліяніемъ тяжелыхъ сценъ войны, притупляется отвращеніе къ пролитію кро-

ви, развивается охота драться. Такъ зло заразительно даже для взрослыхъ людей, которые имѣютъ возможность противопоставить ему опыты своей прежней нравственной жизни, вліяніе семьи, Церкви и тому подобныя опоры нравственно-доброй жизни. Но что сказать о дѣтяхъ, которыя еще не утверждены въ добрѣ, не составили себѣ идеаловъ лучшей жизни, не запаслись нравственной энергіей, не возгрѣли въ своемъ сердцѣ прочной любви къ добру и истинѣ? Вотъ почему здравая педагогія не признаетъ разумнымъ преждевременно знакомить молодыхъ людей, въ періодъ ихъ школьнаго развитія, съ мрачными и темными сторонами жизни при помощи изученія отрицательныхъ типовъ литературы, посредствомъ чтенія. Тоже должно сказать и относительно книгъ для народнаго чтенія, которое должно строго отличаться нравственно-назидательнымъ характеромъ. Впрочемъ, мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы во всѣхъ книгахъ педагогическаго характера, т. е. назначенныхъ для школы и народа, вовсе не было ознакомленія съ мрачными сторонами человѣческой жизни,—мы хотимъ только сказать, что такое ознакомленіе не должно быть преобладающимъ и совершаться во вредъ назиданію нравственнаго чувства. Лучшій приемъ въ этомъ отношеніи, какъ дѣлаетъ Библія, состоитъ въ томъ, чтобы описывать не самый порокъ, не преступныя удовольствія и выгоды, временно доставляемыя имъ, а *гибельныя слѣдствія* порока, преступленія или страсти, несчастіе какъ для самой жертвы ихъ, такъ и для окружающихъ ее лицъ, отъ ея порочной жизни, или преступленія. Такимъ приемомъ изображенія порока дѣйствительно можно поселить въ душѣ людей не только отвращеніе, но даже ужасъ къ нему. Всякій другой приемъ можетъ привести къ противоположной цѣли, т. е. къ подражанію пороку. Особенно на ложной дорогѣ въ этомъ отношеніи стоитъ французская беллетристика писателей-реалистовъ послѣдняго времени, которая своими романами только распространяетъ среди публики, читающей произведенія этого направленія, безнравственность, развращая воображеніе, искажая добрые инстинкты сердца и загрязняя эстетическій вкусъ. Представители этого несчастнаго направленія въ литературѣ рисуютъ порокъ во всей его

соблазнительной наготѣ и притомъ такими чертами, которыя раздражаютъ воображеніе и дѣйствуютъ губительно на нервную систему, давая ей, въ силу существующихъ психо-физическихъ законовъ жизни и тѣснаго общенія ихъ между собою въ человѣческомъ существѣ, импульсъ къ подражанію вычитанному порочному дѣйствию. Это не беллетристика, а губительный ядъ, отравляющій душу и тѣло читателей,—ядъ тѣмъ болѣе убійственный, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно, скрытно, постепенно, тонко и въ приличной формѣ—путемъ чтенія произведеній „изящной литературы“. Избави Богъ насъ отъ такого направленія въ литературѣ. Да, мы крѣпко стоимъ на той мысли, что изображеніе только *губительныхъ слѣдствій порока* способно поселить отвращеніе къ нему. Если вы, описывая пьянство, съ любовью останавливаетесь на пріятномъ процессѣ охмѣленія *), съ наслажденіемъ рисуете фантастическіе замки, которые создаетъ себѣ пьяная фантазія,—если вы съ удовольствіемъ рассказываете веселія похжденія пьяныхъ кутцль: то знайте и помните, что такимъ изображеніемъ порока вы только заставите вашихъ несчастныхъ читателей пожелать отвѣдать этого удовольствія и незамѣтно, мало-по-малу, порвете въ душѣ ихъ ту священную нить, которая привязываетъ ихъ къ нравственному закону, предписывающему умеренность и воздержность, трезвость духа, любовь къ чистой истинѣ, добру и красотѣ и серьезный трудъ. Нѣтъ, не такъ должно изображать этотъ порокъ, какъ изображаютъ его многіе веселые газетные фельетонисты и легкомысленные писатели французскаго реального пошва. Вотъ для образчика небольшая выдержка изъ проповѣди о пьянствѣ одного московскаго протоіеря (И. Н. Рождественскаго), которая можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ нужно говорить и писать о порокахъ въ родѣ пьянства, такъ губительно, такъ страшно распространенаго среди нашего общества.

„Порокъ пьянство самъ по себѣ гнусенъ: онъ унижаетъ достоинство человѣка, верѣдко низводитъ его ниже бесловеснаго

*) Какъ дѣлается это сплошь и рядомъ въ известной части нашей ежедневной прессы и въ юмористическихъ листкахъ.

животнаго, дѣлаетъ его лютѣ звѣря, искажаетъ и даже обезображиваетъ вѣшній его видъ, убиваетъ душевныя силы, губительно дѣйствуетъ на тѣлесное здоровье и нерѣдко завершаетъ свое дѣйствіе смертоносною и мучительною болѣзнію, или внезапною и постыдною смертію. Взгляните на тѣхъ несчастныхъ, которые нынѣ такъ часто на улицахъ встрѣчаются зимою безъ обуви, едва прикрытые по наготѣ нечистыми лохмотьями; всѣ они не старыхъ лѣтъ, но большею частію съ изможденнымъ здоровьемъ и тяжело страдаютъ отъ холода и голода. Есть между ними и такіе, которые вышли изъ достаточныхъ семействъ, или сами имѣли достатокъ. Что ихъ довело до такого жалкаго положенія? Невоздержаніе въ винѣ. Сперва гонясь за весельемъ, они стали убѣгать отъ труда, а потомъ когда неумѣренное веселье разслабило ихъ силы, трудъ сталъ убѣгать ихъ; сперва они стали злоупотреблять довѣріемъ къ себѣ другихъ, а потомъ другіе стали отказывать имъ въ довѣрїи, даже въ маломъ. Отъ того теперь иныя изъ нихъ и желали-бы трудиться; но трудъ имъ не дается, а безъ труда гибнутъ, не имѣя мѣста подклонить голову, доколѣ не приметъ ихъ сырая земля.

„Вотъ одно изъ бѣдствій, порождаемыхъ невоздержаніемъ. Но этимъ бѣдствіемъ не ограничиваются губельныя послѣдствія сей страсти: она есть мать распутства.

„О чемъ горько и неутѣшно плачетъ эта почтенная старушка? вѣрно схоронила кого-нибудь изъ ближнихъ сердцу? Нѣтъ; это было-бы ей много легче; слезы ея Богъ, посѣтившій ими, осушилъ-бы; а у нея сохнетъ душа, а слезы ручьями льются. Есть у нея сынъ; во вдовствѣ и въ нуждѣ она усиленными трудами вскормила и возрастила его, поставила на ноги, опредѣлила къ мѣсту, дающему достаточныя средства для прожитія и ему, и ей подъ старость. Прошло нѣсколько лѣтъ счастливой и довольной жизни, какою Господь наградилъ ее за повесенные ею труды и заботы въ воспитанїи сына. Но врагъ позавидовалъ ея счастію; сынъ ея, юноша добродушный отъ природы и воспитанный въ страхѣ Божіемъ, вовлеченъ сверстниками въ дурное общество, увлекся веселою, но не благою бесѣдою клеветовъ своихъ... Юноша постепенно прибли-

жался къ безднѣ; но страхъ Божій и почтеніе къ матери стояли еще на стражѣ юношеской души. Доколѣ они тутъ, душа безопасна отъ наденія. Къ несчастію худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы, говоритъ Апостоль. То лукавыя внушенія, то приманки удовольствій, то насмѣшки сотоварищей, давно уже утратившихъ страхъ Божій и уваженіе къ священной власти родительской, мало по-малу и въ немъ подавили сѣ спасительныя чувства—охрану и защиту отъ пороковъ: юноша бросился въ омутъ грубыхъ наслажденій, забылъ объ Отцѣ небесномъ и объ матери земной и сдѣлался блуднымъ сыномъ, осужденнымъ пасти свинія и питаться отъ рожець, яже ядаху свинія. Вотъ о чемъ неутѣшно плачетъ эта почтенная старушка!...

„На воротахъ одного монастыря,—сказалъ въ заключеніе своего слова проповѣдникъ,—я видѣлъ картину: юноша, покрытый рубищемъ, хочетъ броситься къ ногамъ идущаго къ нему старца, но старецъ не допускаетъ его, а обнявши прижимаетъ крѣпко къ груди своей, а тамъ изъ дома прислуга поспѣшно несетъ богатую одежду юношѣ. Это евангельская притча о блудномъ сынѣ. Итакъ, пусть знаютъ тѣ несчастные, о которыхъ теперь было наше слово, что эту притчу Господь І. Христосъ для нихъ сказалъ, что Отецъ небесный готовъ выйти къ нимъ на встрѣчу и обнять ихъ, лишь-бы первый изъ нихъ подумалъ и сказалъ: „оставь, иду къ Отцу моему!“

Такое слово, полное жизненной правды и искренняго, раствореннаго глубокимъ сожалѣніемъ и всепрощеніемъ, негодованія противъ гибельнаго порока, губящаго, къ глубокой, безотрадной скорби, наше отечество въ настоящее время, дѣйствительно способно поселить въ душѣ слушателей сѣмя отвращенія къ пороку и помочь несчастнымъ плѣшникамъ его, при помощи Божіей и доброй собственной воли стать на истинный путь. Кто владѣетъ умѣньемъ производить психологическій анализъ, кто способенъ заглянуть въ глубь души чело-вѣка, находящагося въ оковахъ какой-либо преступной страсти, у того въ распоряженіи сильное средство отклонить многихъ отъ увлеченія порочною жизнью: своимъ психологическимъ анализомъ такой писатель или ораторъ можетъ раскрыть предъ

своими читателями или слушателями всю бездну того душевнаго несчастія, граничащаго перѣдко съ безотрадно-мучительнымъ отчаяніемъ, которое весьма и весьма часто испытываютъ преступники и люди порочные. Изъ свѣтскихъ писателей здѣсь довольно указать на нашего Достоевскаго, подъ перомъ котораго душевный анализъ преступныхъ и порочныхъ людей достигъ замѣчательной степени совершенства. Такъ и видишь по прочтеніи его романовъ и повѣстей, что величайшее наказаніе для преступника—это внутреннее душевное мученіе, которое, какъ страшная болѣзнь, въ родѣ рака, терзаетъ жертву свою и мучительно, какъ страшный кровожадный звѣрь, держитъ въ своихъ страшныхъ когтяхъ тѣло и душу несчастной жертвы порока или преступленія, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью. Вотъ причина того душевнаго отчаянія, подъ вліяніемъ котораго такъ часто несчастные преступники налагаютъ на себя руки, или добровольно отдаютъ себя въ руки правосудія,—вотъ причина и той безумной, бѣшеной веселости, взрывомъ которой хотятъ хотя на время заглушить гнетущую скорбь души своей преступные люди *).

Указанные приемы въ изображеніи порока *должны быть хорошо известны всѣмъ тѣмъ*, кто хочетъ путемъ литературы послужить родной землѣ и сѣять разумно полезное, честное и умное слово. Больше-же всего они должны избѣгать приемовъ въ изображеніи порока французской школы.—Выше мы сказали, что рассказъ Гюстава Флобера отличается кромѣ указанныхъ недостатковъ и тѣмъ, что въ немъ проводятся совершенно чуждыя ученію православной Церкви воззрѣнія. Мы укажемъ прежде всего на то, что во всемъ рассказѣ проведена идея слѣпой судьбы, опредѣленія которой герой рассказа слѣпо выполняетъ вопреки всѣмъ обстоятельствамъ: и своимъ родителямъ, и воспитателямъ, и хорошимъ примѣрамъ жизни, и своей собственной волѣ. При внимательномъ чтеніи сразу видно, что Юліанъ Милостивый—это слѣпая жертва судьбы: вся его жизнь и всѣ его злодѣянія предсказаны были рапѣе и онъ, самъ не зная того, только

*) См. особенно романы Достоевскаго: „Братья Карамазовы“ и „Преступленіе и наказаніе“.

является рабскимъ исполнителемъ своего печальнаго предназначенія. Таинственный монахъ предсказалъ матери Юліана, что онъ будетъ нѣкогда святымъ, хотя признаться сказать, мы не видимъ, въ чемъ проявилась святость его; не менѣе таинственный цыганъ предрекъ его дальнѣйшую судьбу; черный олень, смертельно раненный имъ на охотѣ, трижды проклялъ его и назвалъ его убійцей своихъ родителей. Все это впоследствии, какъ мы видѣли, и исполнилось въ точности. Когда, терзаемый отчаяніемъ, Юліанъ хотѣлъ лишить себя жизни, невидимая сила не допускаетъ его до этого. Мы нигдѣ не замѣчаемъ, чтобы Юліанъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ *своей свободной воли*: она прямо у него отрицается. Мы находимъ, что такая идея ложная и совершенно чуждая православному міросозерцанію. Православная Церковь учитъ, что человекъ свободенъ, что онъ въ силу своей свободной воли способенъ какъ дѣлать зло, такъ и добро, какъ спастись, такъ и погибнуть. Божественная благодать только помогаетъ человеку достигать спасенія и избѣгать зла; но если человекъ всею силою своей эгоистической воли отдается нравственному злу и упорно не внемлетъ внутреннему голосу благодати Божіей: то Богъ противъ воли человека не можетъ *) спасти его, ибо въ этомъ случаѣ Богъ являлся-бы нарушителемъ свободы человѣческаго духа, которую Самъ-же даровалъ ему; къ тому-же насильственное спасеніе человека противорѣчило-бы свойствамъ нравственной жизни, которая всегда сопровождается идеею свободы, правды, святости и любви. Правда, и православная Церковь учитъ о предопредѣленіи Божіемъ, въ силу котораго одни назначаются къ вѣчной гибели, другіе къ вѣчному спасенію. Но это предопредѣленіе, по ученію православной Церкви, основывается не на *безпричинномъ рѣшеніи* воли Божіей (какъ это допускается по ученію, напримѣръ, Кальвинистовъ), а на *предвидѣніи* Божіемъ, по которому Богъ, какъ всевѣдущій, знаетъ отъ вѣчности, кто приметъ истину, кто ослѣпитъ свои глаза,

*) Само собой разумѣется, что прилагая къ существу Божію предикатъ „не можетъ“, мы имѣемъ въ виду возможность не онтологическую, а логическую, нравственную.

умъ и сердце для принятія ея,—кто спасется, кто погибнетъ *). Такое ученіе о предопредѣленіи Божиемъ весьма утѣшительно для человѣческой души; человѣкъ здѣсь видитъ, что вѣчное его спасеніе зависитъ отъ того, насколько онъ самъ воспользуется плодами искупительной жертвы Сына Божія, Его спасительнымъ ученіемъ и средствами Божественной благодати; онъ убѣжденъ, что Богъ хочетъ его спасенія; онъ знаетъ, что если онъ будетъ стараться о своемъ спасеніи, о томъ, чтобы его отношеніе къ Богу, ближнему и самому себѣ были нормальны и соотвѣтствовали ученію Іисуса Христа, онъ можетъ надѣяться, полагаясь на милосердіе и любовь Божию къ роду человѣческому, на спасеніе своей души; его энергія не обезсилена и не подавлена роковою, губительно вліяющею мыслию: чему быть, тому не миновать,—если Богъ опредѣлилъ мнѣ спастись, то я спасусь, хотя-бы предавался всѣмъ порокамъ,—если мнѣ не суждено погибнуть, то хотя-бы я шелъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ міра, я не погибну и т. п. Такое фаталистическое ученіе о предопредѣленіи, какъ о слѣпой судьбѣ, губительно дѣйствуетъ на волю человѣка, подрывая энергію ея, ослабляя всѣ нравственныя силы человѣка, отдавая его въ жертву безпечности, лѣни или слѣпому фанатизму. Эту-ли идею слѣпой судьбы хотятъ привить къ русскому народу (и безъ того много придающему значенія, къ великому вреду себѣ, слѣпой судьбѣ) издатели средневѣковой легенды съ средневѣковыми заблужденіями Густава Флобера. Все это свидѣтельствуешь лишь о томъ, какъ низко стоитъ у насъ на Руси дѣло изданія народныхъ книгъ, какая путаница въ воззрѣніяхъ на это дѣло существуетъ даже среди тѣхъ, кто считаетъ себя компетентнымъ избирать и издавать для народнаго чтенія тѣ или другія сочиненія, не разбирая того: избранное сочиненіе отличается-ли художественными и религіозно-нравственными достоинствами настолько, чтобы можно было предлагать его для народнаго чтенія, и не задумываясь много надъ тѣмъ, не принесетъ-ли такое чтеніе вмѣсто пользы—вредъ, вмѣсто

*) Апок. III, 20; Евр. III, 7; IV, 7; 2 Кор. V, 10; Рим. II, 6—8; Иоан. III, 36; VI, 47; Марк. XVI, 16; Мат. VII, 27; XXV, 34—36 и въ особенности Рим. VIII, 29—30.

врачеванія—болѣзнь? Кромѣ того, нельзя опустить и еще одно заблужденіе, встрѣчающееся въ разбираемомъ разсказѣ Флора. Мы желаемъ спросить: развѣ вѣрна та мысль, которая, хотя не прямо, но косвенно, несомнѣнно проводится въ разсказѣ,—мысль, что какъ-бы ни былъ грѣшникъ человекъ, какими-бы преступленіями онъ ни запятналъ себя, онъ можетъ, помимо средствъ, установленныхъ въ христіанской Церкви божественнымъ ея Основателемъ, найти полное прощеніе своихъ грѣховъ и примиреніе въ одной своей совѣсти? Если Юліанъ былъ членомъ христіанской Церкви, то онъ долженъ былъ въ дѣлѣ совѣсти прибѣгнуть къ покрову Церкви, которая чрезъ богоустановленное средство—разумѣемъ таинство покаянія—освобождаетъ грѣшника совѣсти отъ обременяющихъ ихъ грѣховъ и тѣмъ примиряетъ грѣшниковъ съ святымъ и правосуднымъ Богомъ. Но христіанскою исповѣдью отнюдь не исключаются, какъ извѣстно всякому христіанину, скорбь, сокрушеніе и великій духовный плачь о содѣянныхъ грѣхахъ,—напротивъ, эти чувства, какъ неотъемлемыя свойства истиннаго покаянія, всегда требовались и требуются Церковью отъ лицъ, приносящихъ истинное покаяніе. Спрашивается: къ чему свѣять въ умахъ простаго народа, и безъ того много страдающаго отъ разныхъ предразсудковъ, заблужденій и расколовъ,—крайне вредную мысль, что полное прощеніе грѣховъ человекъ можетъ получить и безъ содѣйствія Церкви? Конечно, если-бы извѣстное христіанское лицо, оскорбившее своими грѣхами правосудіе Божіе, жило въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, при всемъ желаніи его, оно не могло-бы найти законной церковной іерархіи и всего того, что составляетъ истинную Церковь,—мы, опираясь на личное раскаяніе согрѣшившаго христіанина, не имѣющаго, не по своей винѣ, возможности воспользоваться Богоустановленнымъ таинствомъ покаянія, могли-бы съ упованіемъ предать его милосердію Божію и молитвамъ Церкви предъ престоломъ вѣчной Правды за кающагося грѣшника. Но Юліанъ не находился, очевидно, въ такомъ положеніи, которое освобождало-бы его отъ христіанской обязанности искать разрѣшенія своихъ грѣховъ въ лошѣ Церкви.

Мы, кажется, разсмотрѣли по возможности обстоятельно из-

данный для народнаго чтенія разсказъ Густава Флобера „Юлианъ Милостивый“ и нашли, что ни съ художественной, ни съ религіозно-нравственной стороны онъ не заслуживаетъ того, чтобы, безъ опасеній большаго вреда, его можно было предлагать вниманію нашего русскаго народа. Развѣ то только можемъ мы сказать въ его пользу, что онъ составляетъ меньшее зло, чѣмъ тѣ народныя изданія Никольской улицы и Апраксина двора, которыя въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ расходятся среди народа, щедрою рукою сѣя между ними всякаго рода заблужденія и вредныя нелѣпности. Нѣкоторыя-же изданія „Народной бібліотеки“ положительно хороши и дѣлаютъ честь издателямъ ея, трудящимся, очевидно, на поприщѣ народнаго образованія безъ узкихъ спекулятивныхъ цѣлей. Такія изданія, особенно если они будутъ производиться болѣе опытными лицами и съ неослабною энергіею, вытѣснятъ, рано или поздно, массу нелѣпыхъ народныхъ книжекъ упомянутыхъ фирмъ, не дающихъ народу ничего кромѣ вреда, или пустой забавы. Здѣсь мы позволимъ себѣ назвать нѣкоторыя изъ такихъ изданій, чтобы обратить вниманіе на нихъ всѣхъ, для кого „книги“ и „народъ“ не пустыя слова, а полныя глубокаго значенія.

Вотъ напримѣръ заглавія нѣкоторыхъ книгъ упомянутой фабрикаціи: „Дамскій угодникъ. Практическіе уроки въ волокитствѣ и ухаживаньи за молодыми женщинами. Атака женскаго сердца. Тактика волокитъ. Что нравится женщинамъ въ повиликомъ и некрасивомъ мушкетѣ? Любовныя письма и записки. Практическія наставленія вступающимъ въ бракъ. Игрокъ на всѣ руки. Ловкій кавалеръ....“ Но нужно-ли называть эту подлую грязь и этотъ вреднѣйшій вздоръ? Къ сожалѣнію, очень и очень нужно, и не только называть подобныя адскія исчадія не литературы, ибо это слово здѣсь будетъ неумѣстно,—а печатнаго станка людей, забывшихъ Бога, совѣсть, спасеніе своей души и своихъ ближнихъ,—людей, не знающихъ и не признающихъ ничего кромѣ быстрой наживы и обогащенія, животнаго эгоизма и скотскихъ удовольствій,—а критически оцѣнивать, обличать и предавать всеобщему позору. Мы знаемъ и нисколько ни отъ кого не скрываемъ, что въ нашъ матері-

алистическій вѣкъ честный обличительный голосъ, особенно на страницахъ духовнаго журнала, имѣеть слишкомъ мало силы. Но мы не менѣе также знаемъ, что высказанная истина, упавшая на сердце хотя не менѣе добрыхъ и умныхъ христіанъ, подобно хорошему зерну, брошенному на воздѣланную почву, можетъ возбудить въ нихъ любовь къ своему отечеству и распространенію въ немъ истиннаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное негодованіе ко всякой лжи, обману, шарлатанству и нравственной порчѣ, которые разсѣваются безсовѣстными, безнравственными и безграмотными издателями. А для борьбы со зломъ и нужны такіе люди въ наше время....

Свящ. Гр. Дьяченко.

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

въ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

IV. Судьбы идеи о Богѣ въ послѣ-гомеровскомъ богословіи вообще и въ поэзии эпической въ частности.

Въ религіозномъ міросозерцаніи Гомера, Гезіода и орфиковъ даны были твердыя основоположенія для всего дальнѣйшаго движенія богословской мысли. Обходя частности, въ которыхъ Гомеръ, Гезіодъ и орфики соприкасаются между собою, какъ мы то видѣли, въ общемъ, мы находимъ эти основоположенія видоопредѣляемыми тройко: національно-поэтически, натуралистически-философски и восточно-мистически. Именно у Гомера въ живыхъ, поэтическихъ чертахъ изображаются народныя религіозныя вѣрованія, съ легкими лишь намеками на стремленіе къ философствованію съ одной и ко внесенію восточно-мистическихъ стихій въ область означенныхъ вѣрованій—съ другой стороны. У Гезіода тѣже вѣрованія подвергаются обработкѣ философической и износятся изъ сознанія поэта-философа въ систематическомъ видѣ съ натуралистически-философскимъ оттѣнкомъ. Не даромъ и эпосъ Гезіода носитъ названіе дидактическаго, въ отличіе отъ Гоме-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г. № 19.

рова эпоса героическаго. Но инымъ оттѣнкомъ окрашиваются орфическія представленія о Божествѣ. Теокосмогоническія воззрѣнія орфиковъ имѣютъ ближайшее сопркосновеніе съ восточными, между прочимъ съ финикійскою, а особенно съ египетскою теокосмогоніями. Въмѣстѣ съ тѣмъ орфическія представленія носятъ на себѣ характеръ таинственности (мистическій), отчасти потому и имѣвшій мѣсто въ орфикѣ, что онъ прикрывалъ ея связь съ восточными религіозно-философскими міросозерцаніями, которыя были чужды греческимъ народнымъ вѣрованіямъ. Возникши и развившись на почвѣ эллинизма, орфизмъ наложилъ свою печать на народное представленіе о Божествѣ: его представленіе о Божествѣ, какъ мы замѣчали въ свое время ¹⁾, отличается умѣреннымъ пантеизмомъ, который такъ свойственъ восточнымъ религіознымъ представленіямъ и который уничтожаетъ въ Божествѣ личность, сливая Его съ міромъ.

И вотъ всѣ эти основныя виды религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи, т. е. и національно-поэтическое Гомерово, и натуралистически-философское Гезіодово, и восточно-мистическое орфиковъ являются исходными точками отправленія въ дальнѣйшемъ развитіи того-же міросозерцанія какъ въ поэзи, такъ и въ прозѣ. Эпосъ кикликовъ ²⁾ и другихъ эпическихъ поэтовъ вращается въ области сюжетовъ и представленій Гомеровскихъ. Тоже замѣчается и въ отношеніи къ лирической и драматической поэзи, а равно къ логографіи. Дидактической эпосъ Гезіода возродился въ богословскомъ и философскомъ эпосѣ. Равно также и въ лирикѣ (Фокилидъ, Теогиридъ и др.) и въ драматургіи (хоры въ трагедіяхъ, общій тонъ трагедій Эврипида) онъ не остался безъ слѣдовъ своего вліянія. Къ орфизму-же примкнули отчасти богословы-эпики, а главнымъ образомъ такія философскія школы, какъ пифагорейская и неоплатоническая. Проникалъ онъ собою и другія области мысли. Начало развитія религіозно-философскаго міросозерцанія изъ вышеуказанныхъ основъ восходитъ къ началу

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 19 стран. 304 и дал. отд. филос.

²⁾ Это названіе усвоено тѣмъ изъ послѣ-гомеровскихъ поэтовъ, которые старались возстановитъ весь цѣль троянскихъ событій отъ свадьбы Тетида и Пеллея до смерти Одиссея по сѣгамъ, перешедшимъ отъ Гомера, а также изображали похождения боговъ и героев греческихъ по другимъ народнымъ сказаніямъ. *Ред.*

Олимпиадъ (776 г. до Р. Хр.), а наконецъ скрывается, согласно сейчасъ сказанному о неоплатонизмѣ, въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Но весь этотъ длинный періодъ времени разсѣкаетъ собою на двѣ половины одно роковое событіе въ жизни древне-греческой народности,—это утрата греками народной независимости въ IV в. до Р. Хр. Бывъ роковымъ для жизни народной, оно не осталось безъ вліянія и на характеръ раскрытія идеи Божества у грековъ. Оно по справедливости можетъ служить гранью не только въ политической, но и въ культурной исторіи древней Греціи. Утратилась политическая свобода греческаго народа, и вмѣстѣ съ нею утратилась производительность генія греческой народности, а такая утрата повлекла за собою неблагопріятныя послѣдствія и для раскрытія идеи Божества. На этой-то грани мы пока и остановимся своимъ изслѣдованіемъ настоящаго предмета, тѣмъ болѣе, что и время, протекшее до этой грани, было полво знаменательныхъ явленій и въ области жизни, и въ области мысли. Въ области жизни особеннаго вниманія заслуживаютъ: развитіе нѣкоторыхъ учрежденій, имѣвшихъ отчасти религіозный характеръ и объединявшихъ собою всѣ отдѣльныя греческія племена; затѣмъ персидскія войны и наконецъ пелопонезская война. Изъ упомянутыхъ учрежденій мы разумѣемъ по преимуществу амфиктіоніи ¹⁾ и общественныя игры. Тѣ и другія способствовали объединенію различныхъ греческихъ племенъ не только со стороны народнаго, но и со стороны религіознаго сознанія. Амфиктіоніи-же къ тому и сосредоточивались въ Дельфахъ съ ихъ знаменитымъ храмомъ и оракуломъ Аполлона Пифійскаго, имѣя главною цѣлію охрану этого храма и оракула, а затѣмъ—покровительство Пифійскимъ играмъ, которыя происходили также близъ Дельфъ. Кромѣ Пифійскихъ, общественными играми еще были: Олимпійскія, Исѳміскія и Немейскія. Важнѣйшими изъ нихъ были игры Олимпійскія, происходившія на Пелопонезскомъ полуостровѣ (въ Элидѣ). На общественныя игры стекались представители едва не всѣхъ греческихъ племенъ и колоній, и такъ какъ на нихъ, кромѣ гимнастическихъ упра-

¹⁾ Союзы греческихъ племенъ, имѣвшіе цѣлію поддержать общій религіозный культъ и взаимныя дружественныя отношенія.

жненій въ различныхъ видахъ, имѣли мѣсто и литературно-художественныя состязанія, то они служили наилучшею общенародною школою, въ которой совершался обмѣнъ мыслей и идей разнаго рода. Здѣсь рhapsоды воспѣвали героевъ сѣдой древности и передавали изъ устъ въ уста мифологическія сказанія о богахъ и полубогахъ; лирики воспѣвали славу героевъ современныхъ; драматурги читали свои произведенія, софисты, философы, историки, ораторы, художники и пр. обнаруживали свои таланты, мѣнялись своими идеями съ соплеменниками, прибывшими на игры изъ разныхъ концовъ обширной греческой территоріи и т. д.

Иное значеніе имѣли войны персидскія и пелопонезская. Персидскія войны поддерживали единеніе между греческими племенами и способствовали матеріальному ихъ обогащенію; но съ другой стороны онѣ познакомили грековъ съ восточною роскошью, съ привычками и наслажденіями, дотолѣ неизвѣданными, усилили охлократію, что все деморализующимъ образомъ дѣйствовало на религіозно-правственное чувство и сознаніе народа въ материковой Греціи. Сравненіе великаго дѣятеля время предшествовавшихъ пелопонезской войнѣ и время самой этой войны Перикла съ Олимпійскимъ Зевсомъ, а его гетеры Аспазинъ—съ Ирою было ходячимъ и высказывалось во всеуслышаніе не только среди людей образованныхъ, но и среди простаго народа въ Аѣнахъ. Самымъ сильнымъ вождемъ народа былъ тотъ, кто наиболѣе подкупалъ его деньгами и общественными удовольствіями. Неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, доставшихся отъ непріятелей во время персидскихъ войнъ, служило поводомъ къ возникновенію племенныхъ неудовольствій. Спарта съ завистію и нескрываемымъ неудовольствіемъ взирала на возрастающее могущество Аѣнъ и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы унижить Аѣны. Такъ возгорѣлась (въ 431 г. до Р. Хр.) пелопонезская война, послѣдствія которой для религіозно-правственнаго чувства и сознанія были еще печальнѣе, нежели послѣдствія персидскихъ войнъ. Если персидскія войны служили къ объединенію и усиленію греческихъ племенъ, увеличенію ихъ матеріальнаго благосостоянія и т. д., то пелопонез-

ская война, наоборотъ, служила къ разрушенію всего этого, къ усиленію вражды между отдѣльными племенами, къ разоренію, къ нарушенію всего священнаго для каждаго отдѣльнаго племени и пр. Духъ мельчалъ, страсти усиливались, теплота и искренность религіознаго чувства, древняя простота нравовъ отходили на задній планъ. Все вело къ ослабленію тѣхъ великихъ народныхъ силъ, которыя возвысили Грецію во время персидскихъ войнъ и которыя теперь не могли противостоятъ напору сравнительно меньшихъ силъ македонскихъ, положившихъ конецъ политической свободѣ древней Греціи.

Такимъ явленіямъ исторической жизни греческаго народа за рассматриваемый періодъ соответствовали и явленія мысли въ немъ, а въ связи съ тѣмъ и отношеніе къ идеѣ Божества. До начала персидскихъ войнъ, т. е. до начала пятаго вѣка, въ области духовной жизни грековъ вообще былъ полный просторъ для дальнѣйшаго развитія изъ данныхъ раньше и упомянутыхъ выше основъ. Амфибіотіи и общественныя игры съ одной стороны скрѣпляли эти основы, а съ другой—давали толчекъ къ дальнѣйшему развитію заключавшихся въ нихъ зародышей духовной жизни. Основанія народныхъ вѣрованій еще не колебались и господство вѣры въ религіозно-философскомъ созерцаніи было полное. Гомеровскій эпосъ, а вмѣстѣ съ нимъ и религіозное міровоззрѣніе древнѣйшаго пѣвца греческаго были преобладающею стихіею духовной производительности. Вся литература греческая до V вѣка и по содержанію и по формѣ носитъ на себѣ неотразимые слѣды вліянія Гомера. Этимъ именно объясняется то явленіе, что лирическая поэзія, не смотря на свою древность вообще, согласно высказанному нами раньше ¹⁾, въ литературной обработкѣ своей шла позади эпической поэзіи. Этимъ-же объясняется и то, что до Гераклита, процвѣтавшаго въ 500—480 гг. до Р. Хр., никто изъ писателей не осмѣливался излагать своихъ мыслей прозою. Этимъ-же, наконецъ, объясняется и господство іоническаго діалекта въ литературномъ употребленіи почти до самаго V вѣка у писателей греческихъ, къ ка-

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 18 отд. фил. стр. 255 и дал.

кому-бы племени они ни принадлежали по своему происхожденію. Только съ V вѣка, когда дѣятельность фантазіи стала болѣе прежнего уступать мѣсто дѣятельности разсудка, когда философія стала болѣе и болѣе отвоевывать себѣ правъ у гомерическаго міровоззрѣнія, стоявшаго на степени представленія, только тогда стали входить въ силу не имѣвшіе, какъ мы знаемъ, недостатка въ философской подкладкѣ дидактической эпосъ Гезіода и орфическое міровоззрѣніе; только съ этого времени стало замѣтнымъ ихъ болѣе сильное вліяніе въ области мысли, нежели вліяніе Гомеровскаго эпоса. вмѣстѣ съ тѣмъ и отчасти въ связи съ тѣмъ начинаются мало-по-малу подрываться основанія вѣры, разрушаются прежнія народныя вѣрованія. И это во всѣхъ сферахъ мысли и представленія. Уже Теогида въ VI—V вѣкахъ жалуется на упадокъ древняго благочестія въ его время. Онъ говоритъ въ своей элегій:

„Отошла отъ насъ вѣра, великій божественный даръ;
 „Отошло цѣломудріе; Хариты покинули землю;
 „Уже нѣтъ между людьми вѣрности въ клятвахъ;
 „Никто не чтитъ безсмертныхъ боговъ;
 „Родъ людей благочестивыхъ погнѣбъ, и не вѣдаютъ они
 „Ни правъ законныхъ, ни законныхъ порядковъ.
 „Остается для людей одна лишь надежда“¹⁾.

Еще болѣе оказалось причинъ жаловаться на это въ V вѣкѣ. Знаменитый трагикъ Софокль съ горечью говоритъ:

„Все уничтожаетъ время
 „Всевластное: земная гибнетъ сила,
 „И сила тѣла; умираетъ вѣра,
 „Растетъ невѣрность—и ни въ дружныхъ людяхъ,
 „Ни въ городахъ взаимно межъ собою
 „Не остается тотъ-же духъ любви.
 „Однимъ ужъ нынѣ, для другихъ поздне,
 „Что было сладкимъ—горько, и опять
 „Приятнымъ станетъ“²⁾.

Если древнѣйшій послѣ-гомеровскій эпосъ еще съ благоговѣніемъ относится къ мифологическимъ сказаніямъ, освященнымъ древностію и авторитетомъ Гомера, то позднѣйшіе эпикъ, вторя воззрѣніямъ нравственно разлагавшагося общества, обра-

¹⁾ Vergk. Poetae lyrici graeci. T. II, pag. 216—217. Lipsiae, 1882.

²⁾ „Идишь въ Колонъ“, ст. 609—615 по переводу *Водовозова*.

щуютъ эти сказанія въ романическія повѣствованія о любовныхъ походахъ боговъ. Если древнѣйшіе лирики, каковы: Архилогъ, Терпандръ и др. еще твердо стоятъ на почвѣ религіознаго міровоззрѣнія Гомера, то съ легкой руки, воспитавшагося на привычкахъ восточной роскоши, Анакреона (VI—V в. до Р. Хр.) греческая лирика обратилась къ предметамъ, вовсе не достойнымъ ея первоначальнаго и истиннаго предназначенія. Если болѣе древніе драматурги, особливо Эсхиль и Софокль высказываютъ непоколебимую увѣренность въ бытіи Божіемъ, то уже Еврипидъ не разъ обнаруживаетъ въ этомъ сомнѣніе, а комики, особенно позднѣйшіе, даже осмѣиваютъ часто боговъ народной религіи. Съ другой стороны, если древнѣйшіе любители мудрости (философы) не затрогиваютъ народныхъ вѣрованій, даже стараются нерѣдко согласоваться съ ними, поддержать ихъ, а такіе философы, какъ Пифагоръ, Эмпедокль и др. примыкаютъ еще и къ орфизму, столь глубоко созерцавшему тайны вѣры: то совсѣмъ иное въ позднѣйшемъ движеніи философской мысли. Колебаніе и разрушеніе народныхъ вѣрованій, по началу представлявшее лишь отдѣльныя явленія въ области философской мысли, потомъ мало-по-малу возводится въ систему, особенно-же подъ вліяніемъ софистики и реалистической философіи Аристотеля. Такое движеніе философской мысли въ отношеніи къ содержанію религіознаго сознанія отражается и на другихъ областяхъ духовной производительности. Если древніе логографы и отецъ исторіи Геродотъ еще твердо стоятъ за истину Божественнаго Промысла, то иначе мыслить уже современникъ пелопонезской войны и историкъ ея—Фукидидъ. Если ораторъ Исократъ крѣпко держится древнихъ народныхъ вѣрованій, то иначе относятся къ нимъ позднѣйшіе ораторы. Однако и не смотря на духовный мракъ, который началъ окутывать Грецію съ V вѣка, среди его появились тамъ и сямъ свѣтлыя точки, на которыхъ съ отрадою останавливается взоръ историка религіи греческой. Кромѣ того, что среди поэтовъ и прозаиковъ греческихъ даже въ это время появлялись такія свѣтила, какъ Пиндаръ, Эсхиль, Софокль, Сократъ, Платонъ и другіе,—особливо-же многіе изъ орфиковъ, не удовлетворявшихся ни грубою народною рели-

гією, ни философскимъ отрицаніемъ ея, но съ любовію враждавшихся въ мірѣ таинственныхъ явленій религіознаго характера,—въ самомъ народѣ хранились, при всей грубости его религіозныхъ представленій, драгоцѣнные задатки. Его вѣра въ Бога и за эту пору религіозно-правственнаго разложенія была непоколебима, а если и колебалась отчасти, то лишь въ такихъ центрахъ просвѣщенія, какъ Аѳины, Эфесъ и др. Да и здѣсь простой народъ возставалъ поголовно, коль скоро появлялись лица, прямо отрицавшія Божество и безчестившія Его, какъ напр. это было въ отношеніи къ Θεодору Киринейскому, извѣстному подъ именемъ безбожника (ἄθεος). И дивны дѣла Божіи!—Кромѣ означенныхъ свѣтилъ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія разсматриваемаго періода: Пиндара, Эсхила и др., которые по истинѣ были въ глазахъ народа какъ-бы пророками Божіими и свѣтилами, сіявшими въ темномъ мѣстѣ, Самъ Богъ по народнымъ вѣрованіямъ проявлялъ и особеннымъ образомъ свѣтъ свой, дабы тѣмъ засвидѣтельствовать, что тамъ, гдѣ хранится крѣпкая вѣра въ Него, на какой-бы ступени развитія религіознаго сознанія она ни стояла, Онъ и Самъ присутствуетъ съ особенною любовію, такъ какъ, повидимому, и такая вѣра болѣе угодна Ему, нежели полувѣра и полное невѣріе взимающагося на разумъ Божій разума человѣческаго. Во время персидскихъ и пелопонезской войнъ Аѳины, Фивы и другіе болѣе или менѣе значительные центры просвѣщенія и населенія греческаго не разъ были опустошаемы врагами и разрушаемы до основанія, а маленький городокъ въ Фокидѣ,—Дельфы, священные для всѣхъ грековъ своимъ храмомъ и оракуломъ Аполлона Пифійскаго, оставались цѣлы и невредимы при всѣхъ неблагопріятныхъ къ тому условіяхъ. А однажды, когда опасность для этого маленькаго городка была уже слишкомъ велика и когда истощились у защитниковъ его всѣ средства обороны, Самъ Богъ по народнымъ вѣрованіямъ вступился за него и защитилъ отъ гибели святыню народную. Именно, когда въ 480 г. до Р. Хр. персидскія войска, прорвавшись черезъ Термопилы, разрушительнымъ потокомъ разлились по всей средней Греціи, все опустошавъ на своемъ пути, они испытали страшную неудачу при

осуществленіи своего желанія—разрушить Дельфы и воспользоваться сокровищами храма, о цѣнности и обилии которыхъ они такъ много слышали. Жители города покинули свои жилища и удалились на высоты горы Парнаса, а храмовыя сокровища оставили въ храмѣ на попеченіи человѣкъ шестидесяти изъ гражданъ и главнаго жреца, записывавшаго изреченія оракула. Лишь только варвары вступили въ Дельфійскую долину, не встрѣчая ни откуда сопротивленія, и стали приближаться къ храму, стоявшему на этой долинѣ, какъ разразилась, по свидѣтельству Геродота, страшная буря, сопровождаемая раскатами грома и сверканіемъ молніи. Персы, которымъ не безызвѣстно было имя Зевса-громовержца, объятые паническимъ ужасомъ, убѣжали изъ долины, оставивъ въ покоѣ храмъ съ его святынею ¹⁾. Невольно припоминаются при этомъ раньше приведенныя нами слова св. Апостола Петра: *не на лица зрѣтъ Богъ: но во всякомъ языкѣ бояйся Ему и дѣлай правду пріятель Ему есть* (Дѣян. 10, 34, 35). Безъ сомнѣнія, не одна тысяча вѣрующихъ сердецъ обливалась кровью при видѣ близости оскорбленія святыни и при невозможности человѣческими усиліями воспрепятствовать этому оскорбленію. Безъ сомнѣнія, не одна горячая молитва возносима была къ Богу, съ надеждою отъ Него только получить помощь въ предотвращеніе угрожавшаго народной святынѣ оскорбленія. И эта надежда, какъ вѣровали язычники, не посрамила ихъ. По истинѣ не напрасно сказано, что *во всякомъ языкѣ бояйся Бога пріятель Ему есть*.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется общее состояніе религіи и богословія за разсматриваемое время. Нѣтъ сомнѣнія, что начавшее за это время проявляться отрицательное въ религіи и богословіи направленіе было прискорбнымъ явленіемъ. Тѣмъ не менѣе и оно принесло свою долю пользы. И во-первыхъ, къ чести большинства изъ представителей этого направленія должно сказать, что они руководились не тѣми началами въ этомъ отношеніи, какими многіе руководились послѣ упадка народной независимости Греціи и какими часто руководятся теперь атеисты и нигилисты, а руководились благо-

¹⁾ Геродота, VIII, 35—38.

роднымъ стремленіемъ возвысить, улучшить понятія своихъ современниковъ о Богѣ и вещахъ божественныхъ. Таковы напр. были философы: Ксенофанъ, Гераклитъ и др. А во-вторыхъ, благодаря нападкамъ представителей отрицательнаго направленія на грубыя стороны въ религін народной, эта религія мало-по-малу очищалась отъ грубыхъ наростовъ на ней и возвышалась въ своемъ достоинствѣ, по крайней мѣрѣ въ общемъ. Такъ уже Пиндаръ, Эсхилъ и Софоклъ, подъ вліяніемъ философской критики народныхъ религіозныхъ представленій, высказываютъ болѣе чистыя мысли о Богѣ, чуждаясь грубо-чувственныхъ народныхъ представленій о Немъ. Еще болѣе то же замѣтно у Сократа и особливо у Платона. А по силѣ вліянія такихъ гениальныхъ двигателей просвѣщенія, какъ эти и подобныя имъ поэты и философы, начинается очищеніе и самой народной религін. Изъ невсчисливаго множества божествъ этой послѣдней мало-по-малу выдвигаются на первый планъ лишь двѣнадцать главнѣйшихъ, о которыхъ мы упоминали въ свое время ¹⁾. Имъ придается полное значеніе въ космической и нравственной области, принадлежавшее прежде по частямъ то тому, то другому изъ боговъ и полубоговъ сбоего пола, такъ называемыхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ. Но не смотря на то, что въ числѣ этихъ двѣнадцати былъ и Зевсъ съ супругою своею Прою, собственно этотъ или лучше истинный Зевсъ, Богъ свѣта и мысли, былъ верховнымъ Божествомъ и среди двѣнадцати. Такое представленіе о Божествѣ къ концу V вѣка уже созрѣло и выразилось въ высоко-художественномъ произведеніи современника Периклова Фидія, — въ его изваяніи Зевса Олимпійскаго. Это изваяніе, какъ мы на то указывали мимоходомъ раньше ²⁾, представляло величественную фигуру Зевса на первомъ планѣ, а у подножія ея — малыя фигуры другихъ божествъ народной религін и между ними опять Зевса съ Прою. Это изваяніе находилось въ Олимпіи, т. е. тамъ именно, гдѣ совершались упомянутыя выше общественныя игры Олимпійскія, которыя были многолюднѣе и значительнѣе всѣхъ другихъ игръ, и было предметомъ всеобщаго удивленія и по-

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 9 отд. филос. стр. 477.

²⁾ См. Тамъ-же № 17 отд. фил. стр. 212—213.

читанія между греками. Уже это самое обстоятельство говоритъ въ пользу того, что и лежавшая въ основаніи изваянія Фидіева идея одобрялась всенародно. Идея-же эта, какъ объясняетъ ее у Діона Хризостома ¹⁾ самъ Фидій, заключается въ томъ, что собственно Зевсъ, и только онъ одинъ, въ его божественномъ и несравнимомъ величій, былъ истиннымъ Божествомъ народной греческой религіи, а всѣ остальные божества, со включеніемъ и самого Зевса, какъ супруга Иры и вообще по мнѳологически - человѣкообразному представленію о немъ, были только частичными выраженіями его силы и божества. Такимъ образомъ, этотъ истинный Зевсъ и былъ тотъ *невѣдомый Богъ*, котораго греки, не зная, чтили: — Господь неба и земли, дающій всему жизнь и дыханіе и все (срав. Дѣян. 17, 23—28).

Посмотримъ-же теперь, какъ выраженная въ Фидіевомъ произведеніи искусства идея выражалась въ литературныхъ произведеніяхъ разсматриваемаго времени. При этомъ, и въ видахъ сокращенія обзора всей литературы того времени, и въ видахъ большей ясности изложенія предмета и, наконецъ, въ видахъ устраненія необходимости повторяться, мы будемъ вести свое изслѣдованіе по группамъ родовъ литературы, по прежнему, въ хронологическомъ порядкѣ, и начнемъ съ поэзіи эпической, какъ ранѣе всѣхъ другихъ видовъ получившей литературную обработку.

Весь послѣ-гомеровскій эпосъ, въ виду вліянія на него прежде всего со стороны Гомера, а затѣмъ и Гезіода съ орфиною, можетъ быть разсматриваемъ въ тройномъ видѣ, и именно какъ эпосъ героическій, дидактическій и богословскій.

1. Героическій эпосъ Гомера съ одной стороны слишкомъ поражалъ своею грандіозностію и своими внутренними и внѣшними достоинствами, чтобы можно было что-либо въ томъ-же родѣ ставить послѣ того наравнѣ съ нимъ, а съ другой, глубоко интересуя всякаго грека и содержаніемъ и изложеніемъ своимъ, еще очень много оставлялъ открытымъ для дальнѣйшаго изображенія поэтамъ времени послѣдующихъ, намѣчая темы для этихъ послѣднихъ, но не развивая ихъ. И долго,

¹⁾ См. его λόγος ὀλυμπιακός.

долго эти поэты не могли оторваться отъ излюбленныхъ сюжетовъ Гомеровскаго эпоса. Такими сюжетами питалась мысль и фантазія ихъ не только во времена героическія, но и далеко послѣ того, когда жизнь современная опредѣлялась уже совершенно иными условіями, нежели какія представляла жизнь времянь Гомера. Извѣстно, что даже и Александръ Македонскій, бывшій виновникомъ утраты греками ихъ политической свободы, питалъ себя идеалами, представляемыми въ Иліадѣ Гомера. И вотъ, благодаря такому сильному вліянію Гомеровскаго эпоса, возникла прежде всего такъ называемая киклическая поэзія, начало которой восходитъ къ началу Олимпіадъ, т. е. къ 776 г. до Р. Хр., а мѣсто возникновенія относится къ Малой Азіи, т. е. къ той странѣ, въ которой возникъ и самый Гомеровскій эпосъ. Самыя названія эпическихъ произведеній древнихъ кикликовъ, каковы: „Разрушеніе Трои“ Арктина Милетскаго, „Малая Иліада“ Лесха Лесбосскаго и др. указываютъ на соприкосновеніе ихъ съ поэмзми Гомера, по своему содержанію. Даже еванскій циклъ этого рода поэтическихъ произведеній, разившійся позднѣе, именно въ среднюю исторію свободной Греціи, имѣлъ прямое отношеніе къ Гомеровскому героическому циклу, такъ какъ воспѣвалъ, въ топѣ Гомеровскаго эпоса, героевъ, бывшихъ предками, или потомками героевъ этого послѣдняго, воспѣвалъ съ полною вѣрою въ участіе тѣхъ-же божествъ при совершеніи драмы той или другой поэмы, какія изображаются и въ твореніяхъ Гомера и т. д. Мы не говоримъ уже о формѣ изложенія, которая была обязательно Гомеровскою. Но къ сожалѣнію и отъ древнихъ кикликовъ остались до насъ лишь ничтожныя отрывки, изъ которыхъ весьма немногое можно узнать для нашей главной цѣли. Тѣмъ не менѣе, безъ сомнѣнія, подаромъ даже изъ среднихъ кикликовъ, при которыхъ киклическая поэзія уже отживала свою лучшую пору, наприм. Антимахъ Колофонскій (V в. до Р. Х.) считался вторымъ послѣ Гомера по важности и достоинству своихъ эпическихъ произведеній. Ихъ произведенія не только читались, но и изучались съ глубокимъ вниманіемъ, и если не попали въ число классическихъ произведеній, то единственно по тому преобладающему значенію, ка-

кое упрочилось за поэмами Гомеровыми. А что произведенія кикликовъ читались и изучались внимательно, это можно видѣть изъ произведеній такихъ лириковъ, какъ Пиндаръ, такихъ драматурговъ, какъ Эсхиль, Софокль и Эврипидъ. Логографы и даже историки, особенно Геродотъ, также философы, не оставляли кикликовъ своимъ вниманіемъ. Все новое по сравненію съ тѣмъ, что находится у Гомера, Гезіода и древнѣйшихъ орфиковъ, со стороны мѣологическихъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ у этихъ поэтовъ и прозаиковъ, заимствовано ими главнымъ образомъ у кикликовъ.

Что-же мы находимъ у кикликовъ по отношенію къ раскрытію идеи Божества?—Слишкомъ немного. По дошедшимъ до насъ скуднымъ отрывкамъ ихъ произведеній можно замѣтить лишь то, что древніе киклики въ религіозномъ міросозерцаніи своемъ ближе примыкаютъ къ Гомеру, а средніе—уже къ Гезіоду. Такъ напримѣръ упомянутый Антимахъ называетъ боговъ „рожденными отъ земли“—*γηγενεις*, разумѣя при этомъ титановъ ¹⁾, очевидно въ силу того значенія, которое придано землѣ (Γῆ) въ теологіи Гезіода. А такъ какъ Антимахъ жилъ въ V вѣкѣ, то мы не можемъ не поставить этого въ связь съ упомянутымъ выше обстоятельствомъ особеннаго усиленія авторитетности Гезіодовыхъ твореній вмѣстѣ съ орфикою въ V вѣкѣ. Равнымъ образомъ Пизандръ называетъ Зевса „ратоборцемъ“ (*ἀεθλιος*) ²⁾, каковой эпитетъ, подобно эпитету *γηγενεις*, у Гомера не встрѣчается, а встрѣчается лишь у среднихъ-же кикликовъ. Все-же остальное, что мы находимъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ древнихъ и среднихъ кикликовъ относящагося къ раскрытію идеи Божества, съ одной стороны не представляетъ ничего новаго въ сравненіи съ Гомеромъ, Гезіодомъ и орфиками, а съ другой—такъ малозначительно для нашей цѣли, что не даетъ возможности сдѣлать изъ того хотя какіе-либо выводы.

2. Богословскій эпосъ развился раньше дидактическаго главнымъ образомъ благодаря интересу, возбужденному по-

¹⁾ См. отрывки изъ среднихъ кикликовъ, собраніе *Дюбнеромъ*, стр. 40. Paris, 1841.

²⁾ Ibid. pag. 10.

явившеюся въ теченіи первыхъ Олимпіадъ орфикою, къ которой онъ примыкалъ, тогда какъ дидактическій эпосъ Гезіода еще не успѣлъ пустить болѣе глубокихъ, нежели съ пятого вѣка, корней въ сознаниіи грековъ, за исключеніемъ того, что въ немъ было общаго съ одной стороны съ эпосомъ Гемеровскимъ, а съ другой—съ орфикою. Общее же въ немъ было то, что касалось миѳологій и теокосмогоній. Не пужно поэтому удивляться, если даже лучшіе изслѣдователи въ области исторіи греческой литературы относятъ однихъ и тѣхъ-же эпиковъ то къ числу представителей эпоса дидактическаго (Гезіодова), а то—богословскаго (орфическаго), какъ напр. Эпименида. Да и сами орфики, какъ мы видѣли въ свое время, не считали возможнымъ оставлять безъ вниманія теокосмогоніи Гезіодовой, какъ не всегда находили возможнымъ отрѣшиться и отъ эпической формы изложенія. Имъ слѣдовали въ этомъ и эпико-богословы. Представителями богословскаго эпоса были обыкновенно люди, которыхъ не удовлетворяла грубая внѣшность народной религіи и которые съ особеннымъ предпочтеніемъ отдавались таинственному культу (мистеріямъ), ища и находя въ немъ глубокой смыслъ. Но такъ какъ ихъ вѣрованія и убѣжденія въ значительной мѣрѣ расходились съ вѣрованіями общенародными, то они должны были по большей части скрывать свои имена за именами извѣстнѣйшихъ народныхъ поэтовъ древности, каковы: Музей, Линъ и др. Исключеніе составляютъ только Евмель Коринскій (776—736), Эпименидъ Критскій (VII—VI в.) и Аристей Проконнезскій (VI в.). Сочиненія эпиковъ-богослововъ предназначались по началу лишь для небольшого круга читателей и въ виду этого назывались *ἀπόδρα* или *ἀπόκρυφα ἔπη*. Но потомъ мало по малу они находили все большее и большее распространеніе среди образованнаго общества. Кромѣ того уже самая ближайшая задача богословскаго эпоса, состоявшая въ разрѣшеніи высшихъ вопросовъ религіи, предполагала и болѣе или менѣе значительное участіе разума, философствующаго мышленія въ такомъ разрѣшеніи. Иначе сказать, если не только у орфиковъ, но и у Гезіода мы находили слѣды философствованія при изложеніи теокосмогоніи, то тѣмъ болѣе этого пужно ожи-

дать отъ эпиковъ-богослововъ. Таково и дѣйствительно положеніе дѣла. Не даромъ многіе изъ эпиковъ-богослововъ и древними и новыми историками философіи ставятся въ разрядъ философовъ. Но къ сожалѣнію и отъ эпиковъ-богослововъ, какъ отъ кикликовъ, до насъ остались одни лишь скудные отрывки и голыя обозначенія ихъ произведеній. А между тѣмъ въ свое время эти произведенія не только читались, но и внимательно были изучаемы. Извѣстно напримѣръ, что изъ не дошедшаго до насъ сочиненія Эпименида: „Очистительные гимны“ (*καθαρμοί*) св. Апостоль Павелъ заимствовалъ изреченіе: *Критяне присно лживи, зли зѣтріе, утробы празднаы* (Тит. 1, 12), назвавъ при этомъ автора изреченія Критскимъ пророкомъ (*προφήτης*). Св. Отцы и учителя Церкви первыхъ вѣковъ также удостоивали эти сочиненія своимъ вниманіемъ и дѣлали выдержки изъ нихъ. Отчасти благодаря этому-то обстоятельству и осталось до насъ отрывковъ изъ сочиненій эпиковъ-богослововъ нѣсколько больше, нежели изъ сочиненій кикликовъ. Соотвѣтственно этому на основаніи ихъ можно составить и болѣе ясное представленіе о религіозно-философскомъ міросозерцаніи эпиковъ-богослововъ, нежели о міросозерцаніи кикликовъ. Менѣе всего впрочемъ, съ этой стороны извѣстно о воззрѣніяхъ Евмела Коринѳскаго, хотя его поэмы, отъ которыхъ до насъ дошли только незначительныя отрывки, именно: „Европея“, „Титаномахія“ и др., суть прямо религіознаго характера. Сообщаемыя въ нихъ міеологическія свѣдѣнія стоятъ вполне на почвѣ пародной въ томъ видѣ, какъ излагаются они въ поэмахъ Гомера и Гезіода. За то о другихъ эпикахъ богословахъ нѣсколько болѣе извѣстно съ интересующей насъ стороны. Такъ напримѣръ объ Эпименидѣ извѣстно, что онъ, въ своей еогоніи, признавалъ началомъ всего мірообразованія воздухъ и ночь, а отъ соединенія ихъ произшедшимъ Тартаръ, отъ Тартара-же—міровое яйцо ¹⁾. Далѣе слѣдуютъ имена эпиковъ-богослововъ, которыхъ историческая дѣйствительность скрывается въ такомъ-же мракѣ таинственности, какимъ облечено приписываемое имъ ученіе, еще ближе, нежели ученіе Эпименида, при-

¹⁾ См. Bergk. Griechische Literaturgeschichte, B. II, 77. Berlin, 1883. Vergl. Byk. Vorsokratische Philos. Th. I, 15. Leipzig, 1876.

мыкающее съ одной стороны къ таинственному ученію Орфи-ковъ, а съ другой—къ не менѣе того таинственному ученію пифагорейскому. Мы разумѣемъ имена Музея, Евмолпа, Лина и Авариса, упоминаемыя уже въ VI—V до-христіанскихъ вѣ-кахъ. Не даромъ Музей именуется то сыномъ, то ученикомъ Орфея, а Евмолпъ смѣшивается иногда съ Музеемъ. Съ дру-гой стороны не напрасно Линомъ такъ любили гордиться нео-пифагорейцы, какъ древнѣйшимъ представителемъ пифагореизма, а личность Авариса Пиндаръ облачаетъ такими-же достоин-ствами пророка, какими облакаема была у древнихъ личность Эпименида. Всѣмъ этимъ лицамъ приписываются разныя эпи-ческія сочиненія богословскаго характера, за подлинность ко-торыхъ нельзя ручаться, и въ обработкѣ которыхъ, какъ и въ обработкѣ многихъ частей литературы орфической, много по-трудился извѣстный собиратель литературныхъ произведеній времявъ Пизистрата и Пизистратидовъ (VI—V в. до Р. Хр.) Ономакрить. Изъ сохранившихся до насъ отрывковъ нѣкото-рыхъ сочиненій названныхъ сей-часъ эпиковъ-богослововъ можно извлечь кое-что для нашей ближайшей цѣли не мало-важное. Музей, напримѣръ, прежде всего утверждалъ, что „все изъ одного происходитъ и въ то-же самое разрѣшится“ ¹⁾, а затѣмъ началомъ всего полагалъ Тартаръ, произведшій изъ себя почъ ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Музей исповѣдывалъ, что и міромъ физическимъ и міромъ нравственнымъ управляютъ „бессмертные боги“ ³⁾ и въ частности признавалъ Гэю—боги-нею земли, Посидона—богомъ воднаго пространства и т. д. ⁴⁾. Лишь въ космогонической части своего міровозрѣнія примыкаетъ къ Гераклиту, Анаксагору и Пифагору съ Эмпедокломъ ⁵⁾; въ богословскомъ-же отношеніи высказываетъ такія возвышенныя мысли, которыя не постыдили-бы и христіанскаго богослова. Такъ приводятся напр. у Стобея замѣчательныя слова, приписываемыя Лину: „Богу (θεῷ) все легко совершить, и нѣтъ для Него

¹⁾ Diog. L. pag. 1. ed. cit.

²⁾ Bergk. gr. Liter. II, 80 ed. cit.

³⁾ Mullach. Fragm. phil. gr. pag. 161 ed. cit.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Bergk. Gr. Liter. II, 98.

ничего несовершеннаго“¹⁾). Косвенно указывая на единство Божества, эти слова прямо говорятъ о всемогуществѣ божественномъ и весьма живо напоминаютъ обращенное къ Богу изреченіе Іова: *вѣмъ, яко вся можеши, невозможно же Тебѣ ничтоже* (Іов. 42,2). А приводимыми у Діогена Лаэртія словами о происхожденіи міра въ семь дней и завершеніи всего міробытія въ седьмой день²⁾ Ливъ напоминаетъ даже христіанскій догматъ седмидневнаго міротворенія, каковаго напомниманія мы доселѣ еще не встрѣчали у языческихъ писателей древней Греціи. Не даромъ уже древніе христіанскіе писатели (напр. Евсевій Кесарійскій) указывали на эти слова язычника въ подтвержденіе истины христіанскаго ученія о седмидневномъ твореніи. Отъ Авариса, какъ и отъ Евмолпа, осталось лишь одно имя богослова-эпика, относящагося-же до раскрытія идеи Божества мы отъ него не имѣемъ ничего.

Къ VI-му до-христіанскому вѣку относятся несомнительно историческія личности эпиковъ-богослововъ: Акузилая и Аристея Прокопнезскаго. Ихъ эпическія произведенія, именно: „Генеалогія“ или „Родословія“ Акузилая и „Аримаспея“ Аристея дѣлаютъ собою переходъ уже къ историческимъ трудамъ, такъ что въ силу этого и сами названные эпика относятся иногда къ разряду первыхъ историковъ греческихъ, такъ называемыхъ логографовъ. Ихъ сочиненіями и дѣйствительно пользовались историки, начиная съ Геродота, для своей цѣли. Но чтобы понять, насколько такіе писатели, какъ Акузилай и Аристей, въ тоже время были и эпиками, достаточно сказать, что изъ „Аримаспей“ Аристея заимствовалъ и Геродотъ свои полуисторическія свѣдѣнія о гипербореяхъ и Пиндаръ— свои мифологическія свѣдѣнія о томъ-же народѣ. Насъ интересуетъ въ этихъ сочиненіяхъ богословское міровоззрѣніе ихъ авторовъ. Изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ названныхъ сочиненій, съ этой стороны, видно, что Акузилай въ своихъ „Родословіяхъ“, которыя онъ ведетъ отъ первыхъ началъ бытія, таковыми началами полагаетъ, вмѣстѣ съ Гезіодомъ, хаосъ,

1) Stobei, Florilegium sermo CIX pag. 569. Aureliae Allobrogum, 1609.

2) Prooemium apud Diog. L. Conf. Mullach. pag 157 ed. cit.

а затѣмъ—Эревь и Ночь; отъ Эрева и Ночи онъ полагаетъ происшедшимъ Ээиръ, а отъ Ээира и Ночи—Эрота ¹⁾. Приминая къ Гезіоду, онъ такимъ образомъ примыкаетъ и къ орфікамъ, какъ мы о томъ замѣчали въ свое время ²⁾. Аристей-же, не выдѣляясь изъ ряда другихъ эпиковъ-богослововъ въ своихъ мѣологическихъ представленіяхъ и не отторгаясь въ нихъ отъ общенародныхъ вѣрованій, примыкаетъ къ Пифагору лишь своимъ ученіемъ о переселеніи душъ ³⁾.

Теперь, что-же изъ всего этого вытекаетъ для нашей ближайшей цѣли?—Мы видимъ, что богословы-эпики какъ-бы въ какомъ заколдованномъ кругу вращаются въ теокосмогоническихъ представленіяхъ, раньше того выработанныхъ, возводя начала бытія болѣе къ мраку, нежели къ свѣту: то воздухъ и ночь, то тартаръ, то хаосъ являются у нихъ таковыми началами, благодаря теогоніи Гезіода и орфіковъ. Но за то едва лишь они выходятъ изъ области мрака, облегающаго первыя начала бытія, на свѣтъ Божій, какъ все для нихъ становится ясно, и рука Божія видится имъ повсюду. Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, озаряетъ тогда и ихъ сердца, дабы просвѣтитъ познаніемъ славы Божіей (срав. 2 Кор. 4, 6). „Всѣмъ въ мірѣ управляютъ безсмертные боги“, говоритъ одинъ изъ нихъ, внимая слуху вѣры и не вдумываясь глубоко въ то, что самъ-же раньше сказалъ о началѣ бытія. Другой не обинуясь говоритъ о единствѣ и всемогуществѣ Божіемъ и при этомъ забываетъ или не договариваетъ, что тому-же всемогуществу, коль скоро оно безгранично, легко привести все и изъ небытія въ бытіе. Но что такое, наконецъ, и самое это исканіе первопринципы бытія всего сущаго во мракѣ, какъ не исканіе свѣта во тьмѣ, столь естественное для человѣка, еще незарешнаго свѣтомъ сверхъестественнаго откровенія, впервые явившаго людямъ истиннаго Творца міра?—Хорошо и то, что естественный человѣкъ искалъ во тьмѣ свѣта, а не мрака, что исходя

¹⁾ См. отрывки сочиненія Акузилла у К. и Ф. Мюллеровъ въ ихъ *Fragm. histor. gr.* t. I. pag. 100. Parisiis, 1853. Таково ученіе Акузилла по свидѣтельству Платона, Дамасція и др.

²⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 18 отд. фил. стр. 268.

³⁾ Bergk. Gr. Liter. II, 100.

отъ темнаго, покрытаго мракомъ начала, эпичи-богословы переходятъ потомъ къ изображенію болѣе или менѣе свѣтлыхъ сторонъ существа Божественнаго, въ описаніи котораго мы имѣли-бы, безъ сомнѣнія, болѣе добрыхъ свидѣтельствъ въ пользу возвышенности ихъ ученія, еслибъ владѣли ихъ сочиненіями въ болѣе полномъ видѣ. Но и то, что мы имѣемъ отъ нихъ, свидѣтельствуесть о томъ, какъ неустанно работала мысль послѣ-гомеровскихъ богослововъ въ направленіи, данномъ Гезіодомъ и орфиною, и сколь великіе результаты уготовляла она для философствующаго мышленія своего и позднѣйшаго времени. И на самомъ мрачномъ фонѣ картины, изображающей первоначала бытія у эпиковъ-богослововъ, тѣмъ рельефнѣе выдѣляются тѣ немногія очертанія свѣтлыхъ сторонъ идеи Божества, которыя мы находимъ у нихъ. Если-же къ тому присоединить причастность эпиковъ-богослововъ таинственному культу орфиновъ, въ которомъ игралъ главную роль Діонисъ—Загрей, замѣнявшій собою, между прочимъ, Аполлона—бога солнца, то станетъ понятнымъ, съ одной стороны, то, почему общенародное греческое прорицалище Дельфійское, посвященное Аполлону Пифійскому, освятило орфическій культъ своимъ признаніемъ ¹⁾, а съ другой стороны—то, почему съ такимъ особеннымъ сочувствіемъ къ эпикамъ-богословамъ относились и христіанскіе писатели. Въ ихъ таинственномъ ученіи хранились сѣмена истины, уготовлявшія путь христіанству, какъ религіи свѣта Христова, всѣхъ просвѣщающаго.

3. Дидактическій эпосъ послѣ-гомеровскаго времени, исходя въ сущности изъ тѣхъ-же основъ, которыя служили точками отправленія и для эпоса героическаго и богословскаго, имѣлъ дальнѣйшею цѣлію своею научно-практическое наставленіе, лишь передаваемое въ поэтической формѣ. На этой почвѣ онъ прямо соприкасается съ древнѣйшею философіею, и вотъ почему въ числѣ представителей дидактическаго эпоса встрѣчаются имена философовъ: Ксенофана, Парменида и Эмпедокла изъ разсматриваемаго періода. И къ чести этихъ философовъ нужно сказать, что ихъ дидактическія поэмы, доставившія имъ

¹⁾ Магаффи, „Ист. греч. литер.“ II, 5 цит. изд.

славу философовъ, обладаютъ столь высокими поэтическими достоинствами, что превосходятъ въ этомъ отношеніи произведенія и записныхъ эпиковъ. Настоящимъ представителемъ дидактическаго эпоса за рассматриваемое время можно признать только одного Клеострата Тенедосскаго, съ его астрономическою поэмою: *Ἀστρολογία*—„Звѣздочетство“. Но отъ этой поэмы до насъ осталось только два стиха, ничего не говорящіе о томъ, чего мы ищемъ въ дидактическомъ эпосѣ. Болѣе содержательны въ этомъ отношеніи дошедшіе до насъ отрывки изъ поэмъ упомянутыхъ философовъ. Однако и съ этой стороны обстоятельное изложеніе міровоззрѣнія ихъ будетъ уместнѣе при изслѣдованіи философскаго ученія о Богѣ. Теперь-же мы скажемъ только, что то единое, которое Ксенофанъ и Парменидъ проповѣдывали, вмѣстѣ съ Элейскою школою, въ противоположность политеизму народной религіи, и тѣ основныя стихіи свѣта и мрака, къ союзу между которыми они возводили начало всѣхъ вещей, опять вводитъ насъ въ тайники орфизма съ его ученіемъ о единомъ Божествѣ и Фанитѣ—свѣтовомъ началѣ существа Божественнаго, равно какъ и о ближайшемъ порожденіи Фанита—Эхиднѣ, то есть, ночи, изъ которой уже потомъ, силою Фанита, произведено все существующее на небѣ и на землѣ (Уранъ и Гэя). Отличаясь отъ Ксенофана и Парменида подробностями философскаго міровоззрѣнія своего, Эмпедокль, въ своихъ поэмахъ: „О природѣ“ и „Очистительные гимны“ (*Καθάρμοι*), сходится съ нами относительно причастности ученію Гезіода и орфиковъ. Не говоря о томъ, что насколько Ксенофанъ, подобно Гомеру и Гезіоду, былъ странствующимъ рапсодомъ, на столько-же и Эмпедокль, подобно Эпимениду, былъ чудодѣемъ и очистителемъ, самое ученіе послѣдняго о любви и ненависти, благодаря которымъ произошелъ міръ изъ стихій, его составляющихъ, ставитъ его въ тѣсную связь съ Гезіодомъ и орфиками со стороны ихъ ученія объ Эротѣ и Эридѣ. Въ довершеніе своего сближенія съ поэтами времени предшествовавшихъ, Эмпедокль обыкновенно пользуется въ своемъ ученіи и образами, взятыми изъ народной мнѳологіи. Такъ напр. упомянутую любовь онъ часто называетъ не Эротомъ, но Афродитою.

О позднѣйшихъ представителяхъ дидактическаго эпоса мы скажемъ въ свое время, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію лирической и драматической поэзіи.

И. Юрсунскій.

(Продолженіе будстѣ).

ФИЛОСОФСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ. *)

Что-же такое эта сущность міра, какъ возможно опредѣлить ее?

Прежде всего понятво, что сущность міра (слѣдовательно и всѣхъ вещей) есть то, что имъ всѣмъ присуще, что составляетъ ихъ вѣчное, неизмѣнное свойство, поэтому для открытія ея имѣется, по моему мнѣнію, одинъ путь—наблюденіе явленій и выдѣленіе путемъ анализа изъ условій или свойствъ ихъ бытія—такого, которое обще всѣмъ имъ безусловно. Декартъ нашелъ два такихъ свойства: протяженіе для матеріи и мышленіе для духа; Лейбницъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и нашелъ, что эти два порядка въ свою очередь имѣютъ нѣчто общее, что и должно быть признано за предикатъ сущаго, а именно понятіе силы, которую онъ и заключилъ въ монаду. Наконецъ Шопенгауэръ опредѣлилъ эту силу какъ волю и міровой сущностью призналъ хотѣніе жить (Willen zum Leben), а Гартманъ назвалъ ее вообще безсознательной силой или безсознательнымъ.

Ни мало не думая входить здѣсь въ разсмотрѣніе вышеозначенныхъ опредѣленій, я однако замѣчу, что опредѣленіе Шопенгауэра не вполне вѣрно уже потому, что хотѣніе жить не можетъ быть признано неизмѣннымъ и постояннымъ стремленіемъ или свойствомъ всѣхъ вещей. Еслибъ это было такъ, то не только все обладало-бы имъ, но и не могло-бы ни при

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 1.

какихъ условіяхъ лишиться его и дѣйствовать въ противность этому началу. Правда, что законъ самосохраненія всѣмъ извѣстенъ, но этотъ законъ есть только болѣе или менѣе общее правило, вовсе не обладающее характеромъ необходимости и безусловности, что доказывается простымъ фактомъ самоубійства; хотѣніе жить есть только средство, необходимое для осуществленія другой высшей цѣли. Еслибъ оно было міровой сущностью, т. е. высшимъ принципомъ міроваго развитія, то произвольно лишиться себя жизни живому организму было-бы такъ же невысказуемо, какъ и отнять протяженность у своего тѣла, а послѣднее невозможно именно потому, что протяженность есть существенный признакъ тѣлесной вещи (хотя, конечно, не вещи вообще).

Однако наблюдая міръ явленій (какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ), дѣйствительно можно открыть нѣкоторое общее всѣмъ явленіямъ начало и притомъ такое, которое съ безусловною необходимостью господствуетъ надъ ними. Это именно начало или принципъ развитія или метаморфоза. Ни одно явленіе не можетъ возникнуть и пройти безъ того, чтобъ не вызвать собой къ бытію другаго явленія и въ непрерывной смѣнѣ окружающаго рождающаяся жизнь уже несетъ въ самой себѣ зачатки своей смерти, а смерть въ свою очередь есть лишь ступень, пройдя которую, жизнь развертывается съ новой силой. Отъ этого закона вѣчнаго развитія, постояннаго и неумолкающаго движенія, не останавливающагося въ природѣ ни на одно мгновеніе ока, не можетъ освободиться ни одно существо и ни одна вещь. Самоубійца можетъ лишиться себя жизни, можетъ заставить замолчать свое хотѣніе жить, но онъ не можетъ приказать, чтобъ его трупъ не далъ начала мириадѣ новыхъ жизней. Какъ я уже сказала, это обыкновенно называютъ развитіемъ, если рѣчь идетъ объ измѣненіяхъ живаго организма, и метаморфозомъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Но невозможно ни понять, ни объяснить этого непрестаннаго движенія безъ существованія силы, которая проявляется въ немъ: выраженія: „развитіе“, „метаморфозъ“ и т. п. нисколько не дѣлаютъ понятнымъ міроваго процесса, потому что они отвѣчаютъ лишь на вопросъ „какъ“, а не „что“, а безъ послѣд-

няго первое, очевидно, не можетъ удовлетворить человѣческаго разума, потому что способъ или образъ дѣйствій долженъ быть чѣмъ-либо и ничѣмъ быть не можетъ. Эту силу я называю творческой, и противъ такого названія можно возразить развѣ только потому, что слову „творчество“ придается обыкновенно слишкомъ узкое значеніе. Подъ твореніемъ я разумѣю не только произвожденіе чего-либо изъ ничего, но и произвожденіе одного изъ другаго, хотя къ послѣднему обыкновенно и прилагаются вышеупомянутыя названія: „развитіе“, „метаморфозъ“ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, трудно показать, почему возникновеніе жизни тамъ, гдѣ ее передъ тѣмъ не было (существовали лишь условія ея возникновенія), или даже обращеніе кислорода и водорода въ воду при извѣстныхъ условіяхъ, есть менѣе удивительный актъ творенія и болѣе понятно, чѣмъ сотвореніе „неба и земли“. Развѣ потому только, что послѣднее было безъ насъ и, согласно съ вѣрованіями людей, одинъ разъ, тогда какъ первое можетъ совершаться по желанію передъ нашими глазами, мы къ нему привыкли и потому воображаемъ, что его поняли. Если-же дать себѣ трудъ нѣсколько глубже выискнуть въ дѣло, то окажется, что для человѣческаго разума любой актъ развитія или метаморфоза такъ же непонятенъ, какъ и твореніе изъ ничего. И творчество и метаморфозъ по своей сущности стоятъ одинаково сверхъ познавательныхъ силъ разума и ставятся въ главѣ познанія лишь вѣрой, т. е. непосредственнымъ убѣжденіемъ въ ихъ необходимости, причемъ послѣдняя можетъ быть признана и разумомъ. Такимъ образомъ, называя міровую душу или сущность міра творческой силой, а не принципомъ развитія или чѣмъ-либо подобнымъ, я ничуть не грѣшу противъ разума болѣе, чѣмъ-бы это было въ послѣднемъ случаѣ, съ тѣмъ однако преимуществомъ, что творческая сила, какъ міроуправляющее начало, гораздо болѣе понятно, чѣмъ „развитіе“, ибо послѣднее есть только отношеніе.

Итакъ несомнѣнно, что непрестанное воспроизведеніе и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, сохраненіе бытія есть единственное начало, господствующее съ безусловною необходимостью надъ всѣмъ существующимъ. Все остальное имѣетъ значеніе лишь

относительной необходимости, поэтому-то верховный принципъ міра, его душу или сущность, я назвала творческой силой. Весь видимый міръ есть не что иное, какъ проявленіе этой силы и притомъ проявленіе ея самой себѣ, потому что если эта сила есть единственное міровое начало, то слѣдовательно нѣтъ никакого другаго начала или субъекта, для котораго совершалось-бы это проявленіе, кромѣ этой силы. Такимъ образомъ выраженіе „проявленіе“ не имѣетъ здѣсь обычнаго своего значенія—бытія для другаго, въ противоположность „бытію для себя“, и не должно быть понимаемо въ смыслѣ „отличенія себя отъ другаго“, такъ какъ въ міръ „другаго“, кромѣ самой силы, нѣтъ; поэтому міръ, какъ проявленіе силы самой себѣ, правильнѣе назвать саморазличеніемъ этой силы.

Итакъ міръ есть саморазличеніе сущности, но уже самое слово „саморазличеніе“ указываетъ на разнообразіе различающагося, ибо при безразличіи не можетъ быть различенія. Это положеніе такъ вѣрно, что можетъ быть названо тавтологическимъ.

Спрашивается теперь: какое-же разнообразіе, какіе, такъ сказать, элементы содержитъ въ себѣ сущность? Для разрѣшенія этого вопроса, нужно возвратиться къ данному уже нами опредѣленію сущности. Мы сказали именно, что сущность есть сила творческая; ясно, что если сущность содержитъ въ себѣ многообразіе, то это многообразіе можетъ быть найдено лишь въ понятіи силы, входящемъ, какъ субъектъ, въ приведенное опредѣленіе сущности. Такимъ образомъ вопросъ о многообразіи содержанія сущности сводится къ вопросу о многообразіи въ понятіи силы.

Наиболѣе правильное и философское опредѣленіе силы дано, по моему мнѣнію, Шопенгауэромъ, установившимъ, что всякая сила, всякое дѣйствующее въ мірѣ или активное начало есть въ концѣ концовъ воля и что кромѣ воли не существуетъ никакой силы. Я не буду здѣсь доказывать справедливости этого положенія, отсылая желающихъ къ самому Шопенгауэру, но прибавлю слѣдующее. Воля съ необходимостью предполагаетъ представленіе, ибо во-первыхъ, она всегда должна быть волей, т. е. хотѣніемъ чего-либо, что субъекту воли представляется жела-

тельнымъ и подлежащимъ исполненію, и во-вторыхъ воля при своей реализаціи должна дѣйствовать опредѣленнымъ, а не какимъ-бы то ни было образомъ. Этотъ образъ содержится тоже въ представленіи. Но если представленіе отражаетъ въ себѣ такимъ образомъ содержаніе воли и опредѣляетъ образъ ея дѣйствованія, то воля всегда должна сопровождаться представленіемъ и безъ него не мыслима.

Возвращаясь теперь къ упомянутому положенію Шопенгауэра: сила есть воля—я могу, въ виду указанной мною связи воли и представленія, видоизмѣнить его такъ: сила есть воля и представленіе, т. е. синтезъ ихъ.

Установленное такимъ образомъ понятіе силы даетъ возможность сдѣлать первый шагъ въ пониманіи сущности и прежде всего отвѣтить на поставленный мною выше вопросъ о многообразіи въ содержаніи ея. Въ самомъ дѣлѣ, если сущность есть сила (творческая) и если сила есть синтезъ воли и представленія, то очевидно, что сущность есть также синтезъ воли и представленія.

Представленіе здѣсь не должно понимать только въ смыслѣ психологическомъ, т. е. какъ элементъ сознанія, а въ смыслѣ формы вообще въ отличіе отъ ея содержанія, хотя конечно и психологическое представленіе здѣсь содержится, но лишь какъ часть. Говоря, что сущность содержитъ въ себѣ (какъ моментъ) представленіе, я хочу сказать, что въ сущности потенциально, т. е. идеально, содержатся всѣ формы бытія; вселенная-же есть осуществленіе этихъ формъ, т. е. переходъ идеаловъ изъ ихъ потенциальнаго или идеальнаго бытія въ дѣйствительное. Выраженіе мое: „сущность содержитъ въ себѣ идеально всѣ формы бытія“ не должно разумѣть въ томъ смыслѣ, что она, такъ сказать, наполнена зародышами всяческихъ формъ и сознаній. Говоря, что сущности имманентно представленіе или форма, я хочу сказать, что она обладаетъ способностью формъ. Когда на глазахъ ученаго безразличная масса аморфнаго *) сахара постепенно переходитъ въ кристаллическую, то конечно ему въ голову не придетъ сказать, что эти кристаллики были

*) Безформеннаго, некристаллизовавшагося.

гдѣ-то спрятаны въ аморфной массѣ: ихъ вовсе не было; но за то онъ имѣетъ право сказать, что аморфный сахаръ имѣетъ способность кристаллизоваться въ такую-то систему. Совершенно такъ-же должно понимать и меня, когда я говорю, что сущность идеально содержитъ въ себѣ всѣ формы бытія или представленіе.

Второй моментъ сущности, противоположный первому, есть стремленіе и именно стремленіе къ осуществленію формъ. Этому моменту (сущности) міръ обязанъ многообразіемъ существующихъ въ немъ формъ бытія, причемъ для осуществленія этого многообразія (цѣль и значеніе котораго для насъ пока закрыты), въ опредѣленномъ порядкѣ и послѣдовательности, вся неживая, неодушевленная часть природы одарена непроницаемостью, а одушевленная—такъ называемымъ и всѣмъ извѣстнымъ чувствомъ самосохраненія или хотѣніемъ жить, ошибочно припаятымъ Шопенгауэромъ за самую сущность. Ошибка его состояла, такимъ образомъ, въ томъ, что онъ принялъ часть за цѣлое.

На этомъ я пока оставлюсь и въ заключеніе этого письма укажу лишь на то, что моя творческая сила совпадаетъ съ бессознательнымъ Гартмана—послѣднимъ словомъ метафизической философіи. Но Гартманъ не избѣжалъ роковой ошибки новой философіи, о которой я уже говорила,—смѣшенія абсолютно-безусловнаго начала съ относительно-безусловнымъ, и поэтому поставилъ бессознательное альфой и омегой міра; это привело его къ нсутьпительному и въ дѣйствительности послѣдному положенію его предшественника Шопенгауэра: все вызывается къ бытію волей для того, чтобъ волей-же быть ввергнутымъ въ Nirvanу! Кромѣ того, съ точки зрѣнія бессознательнаго, какъ абсолютно-безусловнаго начала міра, остается совершенно непонятнымъ, почему „воля“ пришла въ движеніе и дѣятельное состояніе, а также и то темное разумное, къ которому бессознательное оказалось способнымъ по увѣренію и признанію его учителя (цѣли въ природѣ). По моему мнѣнію, ни primum movens, вопросъ о которомъ не утратитъ своего значенія, пока человѣческой разумъ будетъ мыслить,—ни разумность міроздавія не могутъ быть объяснены, если не признать,

что надъ сущностью, которая есть бессознательная, хотя и духовная сила, возвышается безконечный Разумъ. Нѣтъ надобности, чтобы этотъ Разумъ постоянно управлялъ этой силой и направлялъ ее, но онъ необходимъ, чтобы подвигнуть ее и дать цѣль ея движенію; поэтому сущность я понимаю не только, какъ творческую силу, но именно какъ силу Божію, и весь міръ явленій, какъ проявленіе этой силы. Такимъ образомъ съ принятой мной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія раздѣленія относительно и абсолютно-безусловнаго, я могу теперь построить слѣдующую общую схему: міръ явленій (или природный міръ), сущность (или творческая сила Божія) и Богъ. Само собой разумѣется, что одного установленія подобной схемы еще совершенно недостаточно для философскаго пониманія вселенной и прежде всего необходимо показать связь двухъ первыхъ ея (т. е. схемы) моментовъ между собою и съ источникомъ и началомъ всего, т. е. Богомъ. Исходной точкой при уразумѣніи этой связи мнѣ послужитъ опредѣленіе сущности, какъ силы Божіей и нѣкоторыя другія положенія, имѣющія второстепенное значеніе посредствующихъ звеньевъ при разрѣшеніи настоящаго вопроса. Пользенія эти слѣдующія: I) сила всегда имманентна своему проявленію, т. е. въ немъ заключается, не есть внѣшняя ему; II) проявленіе силы не есть ея расходованіе; это проявленіе есть только измѣненіе формы бытія силы, но не уменьшеніе этого бытія (это положеніе извѣстно въ точныхъ наукахъ подъ именемъ закона сохраненія силы). Теперь мнѣ осталось установить еще только одно положеніе, но непосредственное его установленіе затруднительно, а потому я считаю полезнымъ, развивая далѣе вышеупомянутое положеніе, предварительно замѣтить, въ III) проявленіе силы для ея даннаго отдѣльнаго субъекта есть расходованіе; но это положеніе не имѣетъ силы по отношенію къ единому субъекту, т. е. къ субъекту всего. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы допускаемъ всеобщаго субъекта, т. е. субъекта всего, то все есть его и ничьимъ другимъ быть не можетъ, ибо не-мое мыслимо только тогда, когда есть ты (твое), какъ моя противоположность. Поясню примѣромъ. Многоразличныя проявленія и работы силъ природы не уменьша-

ютъ и не увеличиваютъ ея силъ (упомянутый законъ сохраненія силъ), такъ какъ природа одна (едина), хотя отдѣльные (органическіе и неорганическіе) субъекты, существующіе въ этой природѣ и отъ нея зависящіе, могутъ терять или пріобрѣтать свои специфическія силы черезъ проявленіе оныхъ. Эти разсужденія даютъ намъ полную возможность установить слѣдующее, послѣднее положеніе: IV) проявленіе силы или силъ по отношенію къ единому ихъ субъекту имманентно послѣднему, ибо при противоположномъ допущеніи вышеупомянутый законъ (сохраненіе силы) былъ-бы и непонятенъ и невозможенъ.

Прилагая теперь все мною выраженное въ четырехъ предъидущихъ положеніяхъ къ разрѣшенію вышеставленнаго вопроса о связи или отношеніяхъ Бога, сущности и міра, я установлю: 1) сущность вещей (т. е. творческая сила Божія) имманентна міру *) (полож. I); 2) міръ имманентенъ Богу **) (полож. IV), слѣдовательно 3) Самъ Богъ трансцендентенъ міру, ибо это есть предъидущее-же положеніе, только въ иной формѣ выраженное; 4) сущность міра или сила Божія не увеличивается и не уменьшается (полож. II); акты творчества ежесекундно и теперь совершающіеся не меньше и не больше имѣвшихъ мѣсто напр. при происхожденіи небесныхъ тѣлъ и, наконецъ, 5) міръ, какъ проявленіе сущности или силы Божіей, не уменьшаетъ и не увеличиваетъ полноты бытія Божія (полож. III).

В. А. Болтина.

*) Но не Богъ.

**) Но не наоборотъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

4. ПИТТАКЪ МИТИЛЕНСКІЙ.

Питтакъ, сынъ Иррадія, митилеянинъ. Отецъ его, по словамъ Дуриса, былъ оракіецъ. Въѣстѣ съ братьями лирическаго поэта Алкея, Питтакъ способствовалъ низверженію и умерщвленію Лесбосскаго тирана Меланхра. Когда затѣмъ возгорѣлась война между митиленцами и аоніянцами изъ-за обладанія Лесбосомъ, Питтакъ предводительствовалъ митиленцами и въ единоборствѣ съ предводителемъ аоніянъ Фринопомъ побѣдилъ послѣдняго, не смотря на то, что этотъ послѣдній былъ извѣстнымъ борцомъ на Олимпійскихъ играхъ. Единоборство рѣшило вопросъ о преобладаніи на Лесбосѣ въ пользу митиленянъ, и эти послѣдніе, въ благодарность Питтаку, предоставили ему неограниченную власть надъ всею островомъ Лесбосомъ. Десять лѣтъ пользовался Питтакъ таковою властію и въ теченіе этого времени успѣлъ привести дѣла и въ Митилеѣ и на всемъ островѣ Лесбосѣ въ превосходное положеніе и порядокъ, составилъ и издалъ многіе законы и т. д. По истеченіи-же десяти лѣтъ управленія, Питтакъ добровольно сложилъ съ себя власть тирана, чтобы предаться занятіямъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 3.

науками, и въ этихъ занятіяхъ провелъ также около десяти лѣтъ. Плодомъ его занятій науками были съ одной стороны тѣ мудрыя изреченія, которыя будутъ приведены ниже, а съ другой—элегическія стихотворенія, отъ которыхъ до насъ остались однако лишь незначительныя отрывки. Подобно Θαλесеу, Солону и другимъ, Питтакъ, благодаря своей мудрости и извѣстности, былъ приглашаемъ ко двору Креза, царя Лидійскаго и даже отклонилъ послѣдняго отъ войны противъ греческихъ колонистовъ-островитянъ. Время процвѣтанія Питтака падаетъ на XLII олимпиаду (т. е. 612—608 гг. до Р. Хр.), а смерть, послѣдовавшая на 71 году его жизни, относится къ третьему году LI олимпиады, т. е. къ 570 году до Р. Хр. ¹⁾ Питтаку приписываются слѣдующія изреченія мудрости:

Когда благодарные Питтаку митленяне подарили ему участокъ земли, онъ посвятилъ его Богу. А когда Сосикратъ захѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ себѣ самому мало оставилъ земли, Питтакъ сказалъ: половина больше цѣлаго.

Когда Крезъ предлагалъ Питтаку деньги, то Питтакъ не принялъ, сказавъ, что имѣеть вдвое болѣе того, сколько желалъ имѣть, такъ какъ онъ получилъ наслѣдство послѣ скончавшагося бездѣтнымъ брата.

Когда сынъ Питтака Тиррей сидѣлъ въ цирюльнѣ ²⁾ въ Кумахъ ³⁾, какой-то мѣдникъ, ударивъ его сѣкирою, убилъ. Жители Кумы послали виновнаго къ Питтаку, который, узнавъ отъ него въ чемъ дѣло, отпустилъ его свободнымъ и сказалъ: прощеніе лучше раскаянія. А Гераклитъ утверждаетъ, что и когда Питтакъ взялъ въ плѣнъ Алкея ⁴⁾, то также отпустилъ его на свободу, сказавъ: прощеніе лучше мести.

¹⁾ Все наши свѣдѣнія о жизни Питтака заимствованы главнымъ образомъ у Диогена Лаэртія (I, 74—79). Срав. также Геродота I, 27.

²⁾ Въ цирюльню у древнихъ грековъ приходили не загѣть только, чтобы побриться или постричься, а и просто—чтобы поболтать о чемъ-либо, послушать новостей и т. п., также какъ у насъ ходятъ въ трактиры и т. п.

³⁾ Кумы—городъ въ Малой Азіи на берегу Средиземнаго моря, населенный, подобно Лесбосу, эолянами.

⁴⁾ Алкей былъ на сторонѣ демократической партіи, стремившейся къ низверженію тиранніи на островѣ Лесбосѣ и раньше Питтака и въ его время, но безуспѣшно.

Такъ какъ на островѣ Лесбосѣ было много винограднаго вина, то Питтакъ, въ предупрежденіе пьянства, постановилъ законъ, которымъ совершившему проступокъ въ пьяномъ видѣ опредѣлялось двойное наказаніе въ сравненіи съ совершившимъ тотъ-же проступокъ въ трезвомъ видѣ.

Питтакъ говорилъ, что трудно быть добрымъ, о чемъ и Симонидъ упоминаетъ, говоря: по изреченію Питтака быть истинно добрымъ человѣкомъ трудно¹⁾.

Платонъ въ „Протагорѣ“ припоминаетъ изреченія Питтака: Съ необходимостью и боги не борются²⁾.

Власть, которою облачается человѣкъ, показываетъ каковъ онъ есть.

Спрошенный нѣкогда о томъ, что лучше всего, Питтакъ отвѣтилъ: хорошо дѣлать то, что предлежитъ къ исполненію.

Когда Крезъ спросилъ его, какая власть есть самая великая, онъ сказалъ: разноцвѣтнаго дерева, указывая этимъ на законъ.

Совѣтовалъ онъ также пріобрѣтать побѣды безъ пролитія крови³⁾.

Когда Фоканкъ настаивалъ на томъ, чтобы для правительственныхъ дѣлъ искать человѣка отличнаго, Питтакъ сказалъ: если будешь слишкомъ усердно искать, то не найдешь.

На нѣкоторые вопросы Питтакъ давалъ слѣдующіе отвѣты:

На вопросъ: что есть самое благодарное?—онъ отвѣтилъ: время.

Что не ясно?—будущее.

Что вѣрно?—Земля.

Что невѣрно?—Море⁴⁾.

Онъ-же говоритъ, что людямъ благоразумнымъ свойственно предусматривать несчастія раньше, нежели онѣ случатся, и

¹⁾ См. *Симонида* Кеосскаго лирическаго произведенія, стр. 386, срав. 387 по изданію *Берка* въ его „*Poetae lyrici graeci*, t. III. Zipsiae, 1882.

²⁾ См. „*Протагоръ*“ Платона стр. 344 по изд. Стефани. Срав. также *Симонида* въ цит. мѣстѣ, стр. 389.

³⁾ Припомнимъ изъ жизни Питтака случай единоборства его съ Фринономъ, свидѣтельствующій о вежелавіи проливать кровь воиновъ.

⁴⁾ Не забудемъ, что не только Лесбосъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Питтакъ, но и большая часть остальной Греціи была окружена моремъ.

предупреждать ихъ, чтобы не случилось; а людямъ мужественнымъ—благодушно относиться къ несчастіямъ уже случившимся.

Что ты намѣренъ дѣлать, о томъ не говори напередъ,—внушалъ Питтакъ: ибо, въ случаѣ неудачи, будешь осмѣянъ.

Не укоряй другаго за его несчастіе, если боишься отмщенія отъ Бога.

Взятое въ залогъ ты долженъ возвратить.

Не злословь не только друга, но и врага.

Упражняйся въ дѣлахъ благочестія.

Люби цѣломудріе.

Держись истины, вѣрности, опытности, правости, дружбы, заботливости.

Изъ стихотвореній Питтака особенно прославило его слѣдующее:

„Кто имѣетъ лукъ и колчанъ со стрѣлами,
 „Тотъ долженъ преслѣдовать злаго человѣка:
 „Ибо ничего вѣрнаго не говоритъ устами
 „Языкъ человѣка, имѣющаго въ сердцѣ
 „Не искренній помыселъ“.

Ему же приписывается изреченіе: знай время.

Калимахъ въ одной изъ эпиграммъ своихъ передаетъ слѣдующій случай совѣта, даннаго Питтакомъ нѣкоторому юношѣ по вопросу о бракѣ. Нѣкто Атарнить, знакомый Питтака, спрашивалъ послѣдняго, съ какою изъ двухъ невѣстъ, предлагаемыхъ ему въ супруги, вступить ему въ бракъ: съ тою ли, которая и богатствомъ и происхожденіемъ превосходитъ его, или съ тою, которая и въ томъ и въ другомъ отношеніи равна ему. Питтакъ, поднявъ старческій жезлъ свой, указалъ симъ послѣднимъ на игравшихъ вблизи дѣтей, и сказалъ: вотъ они скажутъ тебѣ все, что нужно, и ты послѣдуй ихъ внушенію. Когда Атарнить подошелъ къ дѣтямъ, то они сказали ему: иди своей дорогой. Слыша это и внявъ изреченію дѣтей, знакомый Питтака оставилъ заботу о томъ, чтобы искать большаго дома. Онъ ввелъ въ свой домъ невѣсту столь же не богатую, какъ и самъ ¹⁾).

¹⁾ Diog. L. I, 75—80. Относительно послѣдняго совѣта Питтака Діогенъ Л. замѣчаетъ, что его далъ мудрецъ въ виду опыта собственной женитьбы на сестрѣ Дракона, гордо съ нимъ обращавшейся.

Юноши мегѣ всѣхъ сребролюбивы, такъ какъ еще не испытали нужды, по изреченію Питтака ¹⁾).

Самое злое изъ дикихъ животныхъ есть тираннъ,—говорилъ Питтакъ на обѣдѣ у Періандра,—а изъ домашнихъ—льстецъ.

Когда Мирсилъ спросилъ его, что наиболѣе страннаго находится онъ, Питтакъ отвѣчалъ: старика тиранномъ.

Однажды Питтакъ, пользовавшійся великою славою мужества, мудрости и справедливости, угощалъ знакомыхъ. Жена его, пришедши въ столовую разгнѣванная, опрокинула столъ. Гости были смущены. А Питтакъ сказалъ: у каждаго изъ насъ есть свое несчастіе; но у кого такое, какъ мое, тому еще хорошо:

„Онъ счастливымъ считается въ народѣ,
„А когда отворишь кому дверь, то является несчастнѣйшимъ:
„Жена всѣмъ правитъ, повелѣваетъ, постоянно ссорится,
„Многое огорчаетъ его; но меня—ничто ²⁾).

Спрошенный о томъ, скроется-ли отъ боговъ дѣлающій дурное, Питтакъ отвѣтилъ: не скроется даже и помышляющій дурное ³⁾).

Питтакъ устроилъ въ Митилепѣ при храмѣ лѣстницу, ни для чего не нужную, но просто въ даръ богамъ, дабы ея означить нѣкоторымъ образомъ перемѣну счастья, т. е. восхожденіе его и нисхожденіе, такъ какъ счастливые какъ-бы поднимаются вверхъ, а несчастливые спускаются внизъ ⁴⁾).

Онъ же увѣщевалъ Періандра Кориноскаго не предаваться пьянству и кутежу, чтобы, говорилъ онъ, не изблщить себя такимъ, каковъ есть, а не такимъ, какимъ кажется.

Мѣдь,—говорилъ Питтакъ, есть зеркало лица ⁵⁾, а вино—ума ⁶⁾).

Онъ-же спросилъ кого-то, почему тотъ не хочетъ жениться,

¹⁾ Aristotelis, Rhetor. II, 12.

²⁾ Plutarchi, Conviv. VII. sap.;—De animi tranquillitate, cap. II.

³⁾ Theon. Sophist. V apud Mullach. pag. 225.

⁴⁾ Aelian. Var. Hist. II, 29.

⁵⁾ Известно, что вмѣсто теперешнихъ обыкновенныхъ зеркалъ въ древности употреблялись металлическія (обыкновенно мѣдныя), отполированныя.

⁶⁾ Athenaei, lib. X.

и когда спрошенный отвѣтилъ: если я женюсь на красивой, то она будетъ приманкою для мужчинъ любострастныхъ, а если на безобразной, то она будетъ наказаніемъ для меня самого, Питтакъ сказалъ: вѣтъ, если ты женишься на красивой, то она не будетъ для тебя наказаніемъ, а если на безобразной, то она не будетъ приманкою для людей любострастныхъ.

Когда его брали въ посредники между отцомъ и сыномъ, то онъ говорилъ сыну: если ты будешь говорить болѣе несправедливое, нежели отецъ, то тебя осудятъ; если-же болѣе справедливое, нежели онъ, то за это самое будешь достоинъ осужденія.

Онъ-же говорилъ, что честное удовольствіе позволительно.

Оскорбленный кѣмъ-то и имѣя власть наказать оскорбителя, Питтакъ отпустилъ его, сказавъ: прощеніе лучше мести: ибо то свойственно кроткой натурѣ, а эта—звѣрообразной.

У Димитрія Фалерейскаго записаны были слѣдующія изреченія Питтака:

Друзьями пользуйся.

Не дѣлай самъ того, что порицаешь въ ближнемъ.

Несчастливыхъ не укоряй: ибо въ нихъ поселилась богиня-метительница.

Претерпѣвай отъ ближнихъ небольшія огорченія.

Люби ближняго, если онъ немного и утѣсняетъ тебя.

Не говори ни худаго другу, ни хорошаго врагу : ибо это несообразно съ здравымъ разумомъ.

Опасно звать будущее: прошедшее несомнѣнно, а будущее темно.

Корысть ненасытна.

Пріобрѣтай честность.

Услуживости нищи.

Люби науку, цѣломудріе, благоразуміе, истину, вѣрность, опытность, правость, дружбу, заботливость, попеченіе о домѣ, искусство, благочестіе ¹⁾).

Питтаку - же приписываются еще слѣдующія изреченія:

¹⁾ Stobei, Florilegium, serm. III, IX, XIX, LXVII, LXXVII.

Терпѣливо сноси, если ближніе немного и утѣсняють тебя.
Друга не злословь; но и врага не считай другомъ.

Женою управляй.

Что ты самъ сдѣлаешь для родителей своихъ, того-же ожидай и себѣ отъ дѣтей.

Не будь празденъ.

Не будь судьбою надъ друзьями.

Не спорь съ родителями, хотя-бы ты говорилъ и справедливое.

Не принимай начальства, прежде нежели не научишься повиноваться.

Надъ несчастливымъ не насмѣхайся.

Языкъ не долженъ забѣгать впередъ ума.

Не желай невозможнаго.

Когда говоришь, то не спѣши.

Закопамъ повинуйся.

Познай самого себя.

Ничего въ излишкѣ.

Прежде всего почитай Божество.

Родителей уважай.

Охотнѣе слушай (нежели говори).

Страсть къ удовольствіямъ обуздывай.

Вражду разрѣшай примиреніемъ.

Встунай въ бракъ съ равною тебѣ: ибо если женишься на той, которая изъ высшихъ тебя, то приобрѣтешь себѣ господъ, а не сродниковъ ¹⁾.

Всякаго благодари ²⁾.

¹⁾ Альдинское изданіе Теокрыта. V apud Mullach. pag. 215—216.

²⁾ Anecdota gr. ed. Boissonade. T. I, pag. 139. Какъ изъ записи Димитрія Фалерейскаго (у Стобея въ цит. соч. рѣчь III), такъ изъ Альдинскаго изданія и изданія Буассонада мы по прежнему приводили только тѣ изреченія, которыя не буквально сходны съ вышеприведенными изъ Діогена Лаэртія и Плутарха.

5. ВІАСЪ ПРИНЕЙСКІЙ.

Віасъ, сынъ Тевтама, изъ Приины ¹⁾. Время жизни его точно не опредѣляется древними; но въ виду того, что Геродотъ указываетъ на Віаса, какъ на одного изъ мудрецовъ, совѣтами которыхъ пользовался Крезъ, царь Лидійскій ²⁾, нужно полагать, что онъ былъ современникомъ какъ этого царя, такъ и остальныхъ изъ семи мудрецовъ. Нѣкоторые считали его даже первымъ изъ семи мудрецовъ. Ипсонакъ и Гераклитъ съ величайшею похвалою относятся къ его имени, какъ мудреца. Кромѣ того онъ считался краснорѣчивѣйшимъ изъ своихъ современниковъ. Но краснорѣчіе свое онъ употреблялъ въ дѣло не изъ-за корыстныхъ видовъ или въ виду доходовъ, какъ то дѣлали позднѣйшіе софисты и риторы, а для оказанія помощи людямъ, терпѣвшимъ какую-либо несправедливость и т. п. Такъ говоритъ о Віасѣ Діодоръ Сицилійскій. Тотъ-же Діодоръ передаетъ замѣчательный случай изъ жизни Віаса, свидѣтельствующій о великодушіи послѣдняго. Однажды морскіе разбойники похитили нѣсколько мессинскихъ ³⁾ дѣвицъ и привезли ихъ въ Приину. Віасъ выкупилъ этихъ дѣвицъ, принялъ ихъ въ свой домъ и содержалъ какъ дочерей до тѣхъ поръ, пока родственники ихъ, въ поискахъ за ними, не пришли въ Приину. Віасъ возвратилъ дѣвицъ роднымъ, не взявъ за нихъ ни выкупа, уплаченнаго разбойникамъ, ни платы за содержаніе, а напротивъ щедро одарилъ дѣвицъ, такъ что эти послѣднія почитали его за отца роднаго и, по возвращеніи на родину, никогда не забывали его благодѣянія къ нимъ. Случай къ выраженію благодарности за такое благодѣяніе представился скоро. Мессинскіе рыбаки достали изъ моря золотой треножникъ съ надписью: „мудрѣйшему“. Мессинцы рѣшили послать его Віасу; но Віасъ по скромности отказался отъ подарка, не считая себя достойнымъ его; онъ

¹⁾ Приины—городъ, населенный въ древности іонянами, на берегу Средиземнаго моря въ Малой Азіи, и именно въ Каріи.

²⁾ Герод. I, 27.

³⁾ Мессинія—область въ юго-западной части Пелопонеза, въ Греціи.

посвятиль его Аполлону, какъ мудрѣйшему ¹⁾. Какъ при жизни Віаса сограждане глубоко чтли его за его мудрые совѣты городу и за великія благодѣянія, такъ и по смерти они торжественно похоронили его и поставили ему надгробный памятникъ съ надписью: „этотъ камень скрываетъ подъ собою Віаса, великое украшеніе іовянь“. Они посвятили ему также особую роццу, назвавъ ее Гевтамейскою. Кромѣ изреченій мудрости Віасу была приписываема большая героическая поэма, которая однако не дошла до насъ. Въ ней воспѣвались славныя дѣла іовянь ²⁾. Изреченія-же приписываемы были Віасу слѣдующія:

Всѣмъ гражданамъ старайся нравиться, если желаешь оставаться въ городѣ: ибо это будетъ для тебя великимъ благомъ; а самолюбивый нравъ часто приноситъ великій вредъ.

Быть сильнымъ есть даръ природы; а быть въ силахъ говорить полезное отечеству есть принадлежность души и благо-разумія; обиліе-же денегъ многимъ достается и по случайному стеченію обстоятельствъ.

Несчастенъ тотъ, кто не переноситъ несчастія.

Онъ называлъ болѣзнію души то, когда имѣють вождельніе къ невозможному, а чужихъ бѣдствій не памятують.

Спрошенный о томъ, что трудно, онъ отвѣчалъ: благодушно переносить перемѣну дѣлъ къ худшему.

Плывя однажды на кораблѣ вмѣстѣ съ нечестивцами, когда корабль былъ обуреваемъ волнами, а они стали призывать боговъ на помощь, онъ сказалъ: молчите! они не услышатъ васъ здѣсь плывущихъ.

Спрошенный однимъ нечестивымъ человѣкомъ о томъ, что такое благочестіе, Віасъ молчалъ; а когда тотъ спросилъ его о причинѣ молчанія, онъ сказалъ: молчу потому, что ты спрашиваешь о томъ, что до тебя не касается.

Спрошенный о томъ, что для людей сладко, онъ сказалъ: надежда.

Пріятнѣе производить судъ между врагами, нежели между

¹⁾ Diod. Sic. IX, 21—23. Conf. Diog. L. I, 82.

²⁾ Diog. L. I, 82—85. 88.

друзьями, потому что иначе изъ друзей иной совсѣмъ можетъ быть врагомъ, а изъ враговъ иной можетъ быть и другомъ.

Спрошенный о томъ, какимъ дѣломъ человекъ услаждается, сказалъ: полученіемъ прибыли.

Онъ-же говорилъ, что жизнь должно соразмѣрять такъ, какъ будто-бы мы проживемъ и много и немного времени, и любить такъ, какъ-бы ненавидимъ: ибо очень много есть злыхъ людей.

Предлагалъ онъ также слѣдующіе совѣты:

Медленно приступай къ дѣлу, но взявшись за дѣло, твердо держись его.

Не спѣши говорить: ибо это обнаруживаетъ безуміе.

Люби благоразуміе.

О богахъ утверждай, что они существуютъ ¹⁾.

Недостойнаго мужа не восхваляй за его богатство.

Бери что-либо не съ насиліемъ, а по убѣжденію.

Если что дѣлаешь доброе, то относи къ богамъ.

Какъ запасъ на путь отъ юности къ старости бери мудрость: это есть самое прочное изъ всѣхъ другихъ приобрѣтеній.

Ему-же принадлежитъ изреченіе: бѣлая часть людей злы ²⁾.

Когда Приину, отечественный городъ Віаса, взяли непріятель, и многіе граждане выселились изъ города, взявъ съ собою имущество свое, то къ тому-же побуждаемъ былъ кѣмъ-то изъ гражданъ и Віасъ. Но мудрецъ сказалъ: я это самое и дѣлаю; ибо все свое имущество ношу съ собою ³⁾.

(Спросившему о томъ, какое изъ животныхъ есть самое опасное, онъ отвѣтилъ: изъ дикихъ — тирянь, а изъ домашнихъ лъстець ⁴⁾).

Получивъ приказаніе отъ Амазиса выслать ему такую часть мяса жертвеннаго животнаго, которая была-бы и самую полезною и вмѣстѣ самую дурною, онъ вырвалъ и послалъ ему языкъ животнаго, какъ имѣющій способность говорить и самое вредное и самое полезное.

¹⁾ Срав. Евр. 11, 6: *въровати подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть.*

²⁾ Diog. L. I. 85 -- 88. Conf. Stobei, Floril. serm. III, V.

³⁾ Omnia mea mecum porto. Ciceronis, Paradox. I, 1; Valer. Max. VII, 2.

⁴⁾ Тоже изреченіе, какъ мы видѣли, приписывается было и Платону.

Мнѣ кажется весьма славнымъ,—говорилъ онъ,—и царь и тираннъ, если и тотъ и другой сами прежде всѣхъ повинуются законамъ отечества.

Молча на одномъ пиру и осмѣиваемый какимъ-то болтуномъ за то, что молчитъ будто-бы по глупости, онъ сказалъ: какой глупецъ могъ-бы молчать выпивъ вина? ¹⁾

Сыну своему, отправлявшемуся въ Египеть и спрашивавшему, чѣмъ-бы онъ могъ его особенно порадовать, Вѣасъ сказалъ: пріобрѣтеніемъ путевого запаса на старость, разумѣя подъ путевымъ запасомъ добродѣтель.

Плавающій на кораблѣ,—говорилъ тотъ-же мудрецъ,— не находится ни въ числѣ живыхъ, ни въ числѣ мертвыхъ ²⁾.

Спрошенный о томъ, что въ жизни менѣе всего внушаетъ опасеній, онъ сказалъ: правая совѣсть.

Намѣреваясь осудить кого-то на смерть, онъ заплакалъ; когда-же нѣкто сказалъ ему: зачѣмъ-же ты плачешь, когда самъ осуждаешь?—онъ отвѣтилъ: затѣмъ, что необходимо и природѣ отдать долгъ состраданія, и закону—справедливое рѣшеніе.

Разсматривай какъ-бы въ зеркалѣ дѣянія твои,—говорилъ онъ,—чтобы добрыя украшать, а постыдныя прикрывать.

Добрые люди, говорилъ онъ также, легко бываютъ обманываемы.

Заятые суетумудріемъ подобны совѣ: какъ ея глаза ночью обладаютъ полною силою зрѣнія, а какъ скоро возсіяло солнце, омрачаются: такъ и ихъ разумъ весьма остръ на созерцаніе суетности, а при движеніи истиннаго свѣта помрачается.

Ему-же принадлежатъ слѣдующія изреченія, записанныя Димитріемъ Фалерейскимъ:

Ты долженъ какъ-бы смотрѣться въ зеркало, и если тебѣ кажется, что ты хорошъ, то дѣлай хорошее, а если безобразенъ, то старайся исправлять недостатки природы добронравіемъ.

¹⁾ Plutarchi. De adulat. et. amici discrim. cap. 28;—De auditione cap. 2; Conv. VII sap. cap. 7;—De garrulitate cap. 4. Conf. Stobei, Florilegium, serm. XLVI.

²⁾ S. Basilii Magni, De profan. Libr. lect. Conf. Stobei Floril. Serm. XCVI.

Избѣгай послѣдности въ разговорѣ, чтобы не ошибиться; ибо послѣ будешь раскаяваться.

Не будь ни простодушенъ, ни злонаравенъ ¹⁾.

Неблагоразумія не допускай.

Размышляй о томъ, что намѣреваешься дѣлать.

Больше слушай.

Говори благовременно.

Будучи бѣденъ, не порицай богатыхъ, если тѣмъ немного принесешь пользы.

Когда сдѣлаешь что-либо доброе, то вину сего приписывай не себѣ самому, а богамъ.

Старайся въ юности пріобрѣтать благоуспѣшность въ дѣлахъ, а для старости—мудрость.

Старайся имѣть въ дѣлѣ память, въ нужное время—предосторожность, въ образѣ жизни—прямодушіе, въ трудѣ—умѣренность, въ страхѣ—благочестіе, въ богатствѣ—дружбу, въ словѣ—убѣдительность, въ молчаніи—приличіе, въ мнѣніи справедливость, въ смѣлости—мужество, въ дѣйствіи—властность, въ славѣ—руководительство, въ природѣ—благородство ²⁾. О Богѣ не говори дурно, а что Онъ существуетъ, въ томъ будь увѣренъ. Говори меньше.

Подумай и потомъ дѣлай ³⁾.

Перемѣны мѣсть ни научаютъ благоразумію, ни избавляютъ отъ неразумія.

Благоразумные болѣе получаютъ пользы отъ неблагоразумныхъ, нежели неблагоразумные отъ благоразумныхъ: ибо первые остерегаются повторять ошибки послѣднихъ, а послѣдніе не подражаютъ дѣйствіямъ первыхъ.

Доброму человѣку должно памятовать о прошедшемъ, дѣлать настоящее и быть осторожнымъ въ отношеніи къ будущему.

Чтобы давать добрый совѣтъ, для этого главное—одно: звать,

¹⁾ Въ подлинникѣ игра словъ, не переводимая по-русски: εὐήθης—κακοήθης.

²⁾ Stobei, Florilegium, serm. III pag. 46 et. 51; serm. XXIV, XXXVII; XLIV; conf. Aldi Manutii ed. Theocriti apud Mullach. pag. 215; Anecdota graeca ed. Bionsonade, t. I pag. 139—140; Antonii et. Maximii serm. περὶ ἐλεημοσύνης; περὶ φρονήσεως.

³⁾ См. Альдическое издание и издание Буассонада.

о чемъ рѣчь; если же этого нѣтъ, то неизбѣжна ошибка во всемъ.

Спрошенный о томъ, кто наилучшій совѣтникъ, Віасъ отвѣтилъ: время.

Тѣхъ, которые просили отъ боговъ добрыхъ мыслей, а сами себя не воспитывали въ этомъ, онъ называлъ неразумными: ибо, говорилъ онъ, ни живописецъ, молясь богамъ о томъ, чтобы они дали ему способность выводить хорошо линіи и наводить на полотно краски, не получить того, о чемъ молится имъ, если не выучится искусству, ни музыкантъ не можетъ быть хорошимъ музыкантомъ въ силу одной молитвы, если не изучитъ музыкальнаго искусства. Подобно тому и благо-разумнымъ невозможно быть кому-либо по одной только молитвѣ, если онъ не постарается научиться тому, чтобы быть таковымъ.

Спрошенный о томъ, какая изъ смертей есть самая позорная, Віасъ отвѣчалъ: опредѣляемая законами.

Увидавъ брошенный на землю мечъ, онъ сказалъ: ты ли у кого пропалъ, или отъ тебя кто пропалъ?

Когда кто-то призывалъ смерть для погубленія дѣтей, Віасъ сказалъ: что ты призываешь ее, человѣкъ? Развѣ не придетъ она, если бы ты и не призывалъ ее?

Онъ-же говорилъ: блаженъ богатый и наслаждающійся всѣмъ, чего-бы ни пожелалъ; но еще блаженнѣе тотъ, кто и всѣмъ не имѣетъ желаній ¹⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Anton. Melissae et Maximi, serm. Περὶ σοφίας; — περὶ φρονήσεως; — περὶ προσευχῆς; — περὶ θανάτου; — περὶ ἀγρείας καὶ σωφροσύνης.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

28 Февраля № 4. 1885 года.

Содержаніе: Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподавать простое (уникоинное) церковное пѣніе въ церковно-приходскихъ школахъ.—Вѣдомость о средствахъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 января 1885 г.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи *Николай Сильванскій* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Кладбищенской Скорбященской церкви гор. Чугуева.

— Утверждены въ должности законоучителей народныхъ училищъ, Зміевского уѣзда: *Яковенковскаго*—священникъ села Яковенкова *Николай Суртневъ*, *Пришибскаго*—священникъ села Пришиба *Василій Ковилевскій* и Валковскаго уѣзда: *Черкопскаго*—священникъ села Перекопа *Николай Бласовъ*, 4 февраля 1885 года.

— Священникъ села Новаго, Валковскаго уѣзда, *Стефанъ Эвенховъ* утвержденъ въ должности законоучителя Новоселовскаго начальнаго народнаго училища.

— Окончившій курсъ ученія въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ *Миланъ Семейкинъ* опредѣленъ п. д. псаломщика къ Кладбищенской Скорбященской церкви г. Чугуева, 18 февраля 1885 года.

— П. д. псаломщика Покровской церкви села Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, *Іоанну Калашиникову*, дозволено носить рясу, за долговременную безпорочную службу, 12 февраля 1885 года.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты къ Екатерининской церкви села Полчковки, Богодуховскаго уѣзда, купецъ *Іванъ Калитаевъ*; Николаевской церкви с. Самогоевки, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Алексей Севастьяновъ Шевченко*.

— Церковный староста Иоанно-Богословской церкви села Низу, Сумскаго уѣзда, *Андрей Бойченко* 18 сего февраля уволенъ по прошенію отъ должности, а на его мѣсто утвержденъ того-же числа крестьянинъ *Игнатій Кисенко*.

— Настоятель Успенской церкви слоб. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, священникъ *Лука Федоровскій* 9 февраля н. г. умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ 18 февраля помощникъ настоятеля Николаевской церкви, села Подтѣсковки, Сумскаго уѣзда, священникъ *Антоній Червоонецкій*.

СПИСОКЪ

лицъ, коиъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено, съ утвержденія Его Преосвященства, право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ съ обозначеніемъ времени выдачи свидѣтельства на сіе право.

1) Сынъ діакона Иванъ Георгіевъ Базилевичъ, 2) окончившій курсъ Харьковскаго духовнаго училища Стефанъ Михайловъ Семейкинъ, 3) Изюмскаго уѣзда слободы Знаменской, исправляющій должность псаломщика Василій Агафоновъ Невпрягинъ, 4) Купянскаго уѣзда слободы Песчаной, исправляющій должность псаломщика Андрей Захарьевъ Сибѣивцевъ, 5) Богодуховскаго уѣзда слободы Большой Писаревки, исправляющій должность псаломщика Иванъ Александровъ Ястремскій, 6) Старобѣльскаго уѣзда слободы Голубовки, исправляющій должность псаломщика Иванъ Захарьевъ Кустовскій и 7) Волчанскаго уѣзда слободы Волоховки, исправляющій должность псаломщика Ѳедоръ Стефановъ Григоревичъ. Всѣмъ означеннымъ лицамъ выданы свидѣтельства 7-го февраля.

ВѢДОМОСТЬ

о средствахъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода на 1 января 1885 года.

Заводъ имѣетъ: деньгами: наличными 10433 р. $\frac{1}{2}$ к., билетами 100 р., итого 10533 р. $\frac{1}{2}$ к.; свѣчей простыхъ и золоченыхъ, бѣлыхъ и желтыхъ 2092 п. $29\frac{7}{8}$ ф., на 43936 р. 12 к., крестиковъ восковыхъ $19\frac{1}{2}$ ф. на 19 р. 50 к., воску бѣлаго 2245 п. $7\frac{1}{2}$ ф. на 45658 р. $98\frac{3}{4}$ коп., воску желтаго и огарочнаго 1861 п. 13 ф. на 34062 р. 25 к., огарковъ свѣчныхъ 111 п. $27\frac{7}{8}$ ф. на 1787 р. 15 к., обвощенныхъ остат-

ковъ 112 п. 27¹/₈ ф. на 901 р. 42¹/₂ к., золота 190 книжекъ на 119 руб. 70 коп., фятильной бумаги 23 п. 8 ф. на 343 р. 40 к., оберточной синей бумаги 7 п. 31 ф. на 40 р. 83 к., этикетовъ 25¹/₂ ф. на 51 р., масла деревяннаго 10 ф. на 2 р. 80 коп., масла купороснаго 10 ф. на 50 к., масла подсолнечнаго 1 п. 4 ф. на 10 р. 20 к., ящиковъ укупорочныхъ 1294 шт. на 647 р., оберточной сѣрой бумаги 1 п. ¹/₂ ф. на 3 р. 24 к., гвоздей угупорочныхъ 1 ф. на 10 к., керосину 2 п. 4 ф. на 3 р. 78 к., свѣчей стеариновыхъ 10 ф. на 3 р., кулей рогожныхъ годныхъ 1770 шт. на 389 р. 40 к., кулей рогожныхъ негодныхъ 1400 п. на 28 р., сѣна ¹/₄ стога на 10 р., овса 42 ч. 6 м. на 149 р. 62¹/₂ к., каменнаго угля 1400 п. на 217 р., дровъ 6¹/₃ саж. на 177 р. 33 к.; движимое имущество: машины, обозъ и лошади, обстановка лавокъ и канцеляріи и др. на 2615 руб.; недвижимое имущество: постройки, земля и лѣсъ на 30000 р.; числится за комисіонерами долгу за свѣчи, отпущенныя въ кредитъ на 50285 р. 77¹/₂ коп.; числится долгу за церквами и монастырями за свѣчи на 7288 р. 70³/₄ к.; выдано въ задатокъ за купленный воскъ на 1885 годъ на 1300 руб.; выдано впередъ за наемъ лавки по 1 іюня 1885 г. на 190 р. 67 к.; числится долгу за проданные хозяйственные предметы 16 р. 50 к. Всего 227,791 р. 99¹/₂ к.

Заводъ долженъ: по займамъ отъ церквей Харьковской епархіи 11225 р., ⁰/₁₀ на нихъ 991 р. 76¹/₂ к., итого 12216 р. 76¹/₂ к.; по займамъ отъ причтовъ и частныхъ лицъ 2558 р. 75 к., ⁰/₁₀ на нихъ 28 р. 85¹/₂ к., итого 2587 р. 60¹/₂ к.; по авансовому взносу отъ церквей за 144 п. 20 ф. свѣчей 3757 р., всего 18561 р. 37 к., а за исключеніемъ долга, заводъ имѣеть въ наличности всего 209,230 р. 62¹/₂ к. Кроме того въ теченіи 1884 года выдано на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній 9471 руб. и сложено долгу, числящагося за Харьковскимъ духовнымъ училищемъ 8000 руб., взятыхъ заимообразно для постройки зданій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: По поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтія кончины св. Меѳодія.—Вызовъ въ Петербургъ вилenskaго римско-католическаго епископа и ссылка его въ Ярославль.—Лютеранскій фанатизмъ.—Стремленіе латышей и эстовъ къ обращенію въ православіе.—Объемъ дѣятельности централнаго управленія при Св. Синодѣ по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ.—Отношеніе крестьянъ къ церковно-приходской школѣ.—Открытіе церковно-приходской школы въ с. Ворожбѣ.—Распространенность „Троицкихъ листковъ“, какъ назидательнаго чтенія.—Забота Астраханскаго архипастыря объ организаціи и развитіи народныхъ чтеній — Дешевое издавіе русскихъ писателей.—Живое церковное слово.—Состояніе Харьковскихъ городскихъ начальныхъ училищъ.—Харьковскій технологическій институтъ.—Возстановленіе приходовъ.—Слѣдствіе небрежнаго отношенія къ охраненію причтовыхъ капиталовъ.—По поводу правъ духовенства на поземельную собственность.—Евреи и ихъ отношеніе къ церковнымъ землямъ.—Открытіе отдѣленія крестьянскаго банка въ Харьковѣ.—Волостной судъ.—Некрологи.

14 февраля, какъ передаетъ „Нов. Время“, происходило въ Петербургѣ собраніе Славянскаго благотворительнаго общества. Собраніе отличалось многочисленностью и, какъ говоритъ газета, это была „не разношерстная, базарная публика, не толпа равнодушныхъ, не случайное сборище праздныхъ зѣвакъ; вы съ перваго-же взгляда замѣчаете, что всѣ эти люди сошлись сюда, движимые однимъ чувствомъ, одушевленные одной идеей и руководимые общей имъ всею любовью,—любовью къ славѣ и могуществу славянства. Здѣсь сплошь все русскія лица: священникъ, студентъ, офицеръ, чиновникъ, купецъ, почтенная мать семейства, молоденькая дѣвушка—все это чистокровные русскіе; вамъ это сразу бросается въ глаза. Ни семитовъ, ни азіатовъ, ни этихъ разноплеменныхъ окраинцевъ, столь гордыхъ своимъ отщепенствомъ, здѣсь нѣтъ“.

Въ этомъ засѣданіи были произнесены двѣ замѣчательныя рѣчи: профессоромъ Кояловичемъ о Грюнвальдской битвѣ 1410 г. и профессоромъ Пальмовымъ объ историческомъ значеніи Велеграда для славянъ. Профессоръ Кояловичъ напомнилъ слушателямъ впечатлѣніе отъ картины Матейки, гдѣ поляки исключительно окружены ореоломъ побѣды, и высказалъ мысль, что въ Грюнвальдской битвѣ славянъ съ прусскими рыцарями можно видѣть „отраженіе нравственной силы нашей Куликовской битвы“.

Оказывается, что честь побѣды должна быть приписана не полякамъ и литовцамъ, а русскому смоленскому отряду. Приводимъ изъ реферата „Нов. Времени“ рассказъ объ этой битвѣ, въ которой славянство боролось съ германствомъ: „15 іюля 1410 года собралось до 180,000 славянъ и образовали противъ позиціи прусскихъ рыцарей полукругъ, упиравшійся флангами въ болото, и черезъ который нѣмцамъ не было иного средства выйдти, какъ прорвавши середину. Съ перваго-же момента битвы начались какія-то недо-

разумѣнія, литовскій князь на правомъ крылѣ умолялъ польскаго короля на лѣвомъ воспользоваться удобнымъ моментомъ и разомъ вмѣстѣ скорѣе ударить, но польскій король Ягайло все медлилъ, подъ предлогомъ исповѣди уступая нетерпѣливому Витовту. Наконецъ онъ сѣлъ на лошадь, но и тутъ продолжалъ исповѣдываться, между тѣмъ литовцы ударили, не дождавшись общаго сигнала и, не поддержанные, были опрокинуты рыцарями, разбиты и бѣжали. Все славянское войско было въ опасности.

Тутъ-то оказалъ услугу нашъ русскій смоленскій отрядъ, стоявшій въ центрѣ и принявшій на себя всю силу нападенія прусскихъ рыцарей: уничтожена была его первая линія, уничтожена вторая, онъ все не сдавался и это дало возможность польскому отряду пойти въ обходъ къ Грюнвальду и напасть на рыцарей. Это могло быть только при стойкости смольнянъ. Но заслуги восточныхъ славянъ православныхъ никогда не признавались.

Когда Витовтъ ударилъ на прусскій Мариенбургъ, онъ потомъ остановился въ раздумьѣ: да лучше-ли будетъ, если на мѣстѣ рыцарей укрѣпится здѣсь Польша?—и въ раздумьѣ отошелъ отъ Мариенбурга. Фанатизмъ, деспотизмъ Польши косвенно спасли нѣмцевъ и дали имъ укрѣпиться.

А сколько разъ впоследствии, напр. при Сагайдачномъ, побѣдители православные, послѣ своей побѣды, были союзниками-поляками объявлены измѣнниками. Сколько гоненій терпѣли они за то только, что были православными. Такъ и донинѣ: вѣроисповѣдныя вопросы кладутъ рѣзкую границу между славянами.

Но народъ православный не могутъ никакія гоненія и никакая лезть сбить съ своего пути; онъ держится твердо и своею внутреннею правдивою силой и плодами трудовъ своихъ первоучителей". Ораторъ думаетъ, что „все славянство видитъ и сознаетъ уже, что мы, русскіе, являемся ближайшими преемниками наслѣдія св. Кирилла и Меѳодія, которое утвердили и приумножили, а русскій языкъ безспорно вѣрный и законный сынъ церковно-славянскаго".

Относительно Велеграда, въ которомъ западные славяне-католики предполагаютъ чествовать тысячелѣтіе первоучителей славянъ св. Кирилла и Меѳодія, профессоръ Пальмовъ сдѣлалъ сообщеніе, что „Велеградъ, въ которомъ католики собираются праздновать память св. Кирилла и Меѳодія, есть Новый Велеградъ, основанный маркграфомъ Владиславомъ Генрихомъ въ 1198 г., гдѣ первоучитель славянскій совсѣмъ не могъ быть погребенъ. Но суть не въ этомъ: Новый Велеградъ недалеко отъ стараго, а суть въ томъ,

что и монастырь тамошній и кампица—называемая кирилкой—происхожденія позднѣйшаго; тамъ хозяйничали французскіе монахи цисциціанцы, а со временъ Іосифа II—пѣмцы. Все стремленіе католиковъ было уничтожить въ этой мѣстности духъ ученія св. Кирилла и Меодія и вмѣстѣ и духъ славянства, такъ что нынѣшнее празднованіе памяти 1000-лѣтія Меодія со стороны латинянъ есть какъ-бы иронія судьбы.—Прочитавъ наставленія св. Кирилла и Меодія къ своей паствѣ и молитву ихъ, ораторъ изъ текста прочитаннаго доказалъ, что святые энергично возставали противъ того, что теперь признается латинской церковью, напр. противъ „трезычной ереси“ (т. е. ученія латинянъ, будто богослуженіе можетъ быть совершаемо только на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ, а потомъ даже признавался приличнымъ только одинъ латинскій языкъ), противъ ученія объ исхожденіи Святаго Духа и т. д. Латиняне, не могли уничтожить преданій кирилло-меодіевскихъ въ Велеградѣ, старались всѣми силами заманить ихъ къ латинскому культу. Такъ, св. Меодія они парочно соединяютъ съ св. Бернардомъ, патрономъ цисциціанцевъ; вмѣсто чествуемой народомъ памяти Яна Гуса, латиняне, чтобы сбить съ толку, выдвинули торжественное чествованіе памяти Яна Непомука, и все въ этомъ родѣ.

— Тотъ-же самый досточтимый г. профессоръ пишетъ въ „Церк. Вѣстн.“ (№ 5) по поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтія кончины св. Меодія: „Больше и больше уясняется, что ко дню тысячелѣтія кончины св. славянскаго апостола Меодія готовится такое торжество въ Велеградѣ, что будетъ искаженъ дѣйствительный смыслъ этого событія и развернется поражающая, недостойная картина глумленія надъ православіемъ и Россіей. Соберутся чествовать этотъ великій славянскій праздникъ прежде всего славяне, загубившіе у себя и вѣру и слово славянскихъ апостоловъ, и соберутся не съ признаніемъ своей славянской немощи, не со скорбію объ этомъ и желаніемъ возсоздать свое славянство въ духѣ св. Кирилла и Меодія, а съ гордостію и тщеславіемъ, которыхъ ничѣмъ нельзя оправдать и можно только объяснить жестокимъ порабощеніемъ западнаго славянства западной Европой, порабощеніемъ и въ религіозномъ и въ гражданскомъ смыслѣ. Папѣ нужно возсоздавать на новыхъ мѣстахъ свое могущество, падающее на старыхъ мѣстахъ. Австріи нужно строить свою силу въ славянствѣ послѣ передачи Пруссіи своего историческаго и фактическаго нѣмецкаго первенства. Обѣ политики—папская и австрій-

ская сходятся и обѣ объединяють свои пригодныя для этого средства,—одна іезуитовъ, изгнанныхъ изъ большей части западной Европы, другая поляковъ, потерявшихъ историческую почву государственности. Объединеніе это поражающимъ образомъ выражается въ отрасли іезуитства,—воскресенцахъ, которые всѣ—поляки. Неудивительно, что іезуиты и поляки оказываются главнѣйшими двигателями и западнославянскихъ приготовленій для мѣоодіевскаго торжества. Неудивительно и то, что эти историческіе союзники, больше всего враждебные истиннымъ пользамъ славянства, больше всего заботятся о шумѣ торжества. Нѣтъ истины и правды въ помышленіяхъ: хочется закрыть это внѣшнимъ блескомъ. Но неужели и теперь, въ нашъ вѣкъ, такъ хвальному уразумѣніемъ лучшихъ путей къ истинѣ, можетъ такъ легко совершаться величайшая славянская ложь; неужели и теперь возможно устроить такъ, чтобы загубившіе у себя дѣло св. Кирилла и Мѣоодія, оказались лучшими хранителями его и достойнѣйшими читателями, а мы русскіе, среди которыхъ святыя славянскіе апостолы, если-бы воскресли и явились къ намъ, нашли-бы все свое родное, неужели мы можемъ оказаться недостойными хранителями ихъ великаго дѣла и недостойными участниками въ ихъ прославленіи?“

Сказавъ далѣе о томъ, что „существующій смыслъ предстоящаго велеградскаго торжества, какъ оно до сихъ поръ подготавливается, состоитъ въ томъ, чтобы показать, что австрійское объединеніе славянъ—самое лучшее ихъ объединеніе и что уніа церквей, какъ она есть теперь, самое высшее и лучшее уразумѣніе славянской апостольской проповѣди св. братьевъ Кирилла и Мѣоодія“, г. Колювичъ указываетъ, между прочимъ, какіе практическіе результаты могли-бы получиться для насъ изъ этого торжества. „Но если ужъ нужно говорить о практическихъ результатахъ“, говоритъ онъ, „о надлежащемъ вразумленіи, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ и самыхъ надобдливыхъ нашихъ недоброжелателей, то вотъ теперь у насъ есть самое пригодное и законное средство. Чѣмъ больше будетъ у насъ это славянское торжество, чѣмъ яснѣе въ немъ выступитъ наша народная и религіозная сила, тѣмъ яснѣе всѣ увидятъ, что мы никого и ничего чужаго не думаемъ оскорблять и унижать, что у насъ всякій славянинъ, кто-бы онъ ни былъ, могъ бы спокойно и радостно быть на этомъ торжествѣ и вмѣстѣ съ нами славить великое славянское событіе. Или еще ближе къ практикѣ. Папа прославляетъ нашихъ славянскихъ апостоловъ на весь латинскій міръ: пусть папа почититъ дѣломъ этихъ святыхъ и воз-

становить славянскую литургію у западныхъ славянъ, у которыхъ она отнята. Но еще скромнѣе и ближе къ намъ вразумленіе. Было у насъ могущественное орудіе противъ папскихъ поползновеній въ предѣлахъ русскаго племени, завели мы было русское прибавочное богослуженіе въ русскихъ приходахъ латинскаго закона. По нашей совѣстливости мы не только не настояли на развитіи этого дѣла, но даже уступили его и почти совсѣмъ уничтожили, даже выдавъ на поруганіе фанатикамъ многихъ ксендзовъ, которые во-піали, что они русскіе и любятъ Россію, и они должны были большею частью идти съ этимъ воплемъ въ монастырское заключеніе. Теперь лучшее время и множество поводовъ опять поднять это дѣло и заговорить прямою рѣчью подготовителямъ будущей Польши на старинной русской землѣ: почтаете св. Кирилла и Меѳодія,—почтите ихъ тѣмъ самымъ словомъ, какимъ они вѣщали слово Христово, почтите хотя не всецѣло, а по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ вашей службы, которая допускаетъ на народномъ языкѣ вашу собственнѣйшій законъ!“

— Но едва-ли получатся желаемые результаты отъ устраиваемой Римомъ и поляками демонстраціи. Кажется, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе начинаетъ обнаруживаться это, какъ видно изъ статьи „Руси“ (№ 5): „Къ велеградскимъ торжествамъ“. „Не говори уже о томъ, что «мысль о политической *контръ*-демонстраціи въ Велеградѣ угасла въ Россіи и Болгаріи такъ-же быстро, какъ и народилась», и что «Сербія не сказала ни одного слова», не говори о всемъ этомъ, даже и «въ католическомъ славянствѣ показывается холодность, которой Римъ едва-ли могъ ожидать въ такихъ размѣрахъ» относительно велеградской демонстраціи. „Въ Чехіи агитируютъ и суетятся только старо-чехи, партія численно слабѣйшая младо-чеховъ, которые относятся къ велеградскимъ торжествамъ если не отрицательно, то далеко не благосклонно. Въ Хорватіи,—не смотря на замѣчательно выдрессированное духовенство съ такими талантливymi борцами во главѣ какъ Штрессмайеръ, котораго по справедливости слѣдуетъ считать инициаторомъ всего дѣла,—царитъ величайшая холодность. Ни одна изъ двухъ большихъ газетъ Хорватіи (Pozor и Sloboda) не обмолвилась въ теченіе послѣдняго мѣсяца ни единымъ словомъ по поводу велеградскихъ торжествъ; не печатали даже въ хроникѣ о дѣятельности чешскихъ и польскихъ комитетовъ. Словенцы и поляки хранятъ тоже мертвое молчаніе. Венгерскіе словаки относятся отрицательно уже потому, что статья въ ряды демонстрирующихъ противъ Россіи

для нихъ неудобно въ виду ихъ домашнихъ отношеній къ своимъ хозяевамъ-мадьярамъ. Остаются поляки, готовые одни представлять все западное славянство. Настоящими центрами политической агитациі остались: Львовъ, Краковъ да Познань.

Хотя такимъ образомъ, насколько опредѣлились обстоятельства, «грозная» демонстрація, подготовленная Римомъ, не только не собрала славянства противъ Россіи, но обѣщаетъ выйти жалкой пародіей,—въ нѣмецкой Австріи и въ особенности Венгрии она тѣмъ не менѣе вызвала сильную реакцію въ самой католической средѣ. Тамъ искренно испугались мысли о славянской сплоченной силѣ, хотя-бы даже и въ смыслѣ западнаго, католическаго панславизма. Инстинктъ самосохраненія взялъ свое, и вотъ съ нѣмецкой и венгерской стороны стали раздаваться голоса, предупреждающіе Австрію обь опасности“.

Прежде въ газетахъ толковали, что велеградское торжество устроится Римомъ при пособничествѣ Австріи; теперь-же пишутъ, что Австрія испугалась сплоченія австрійскихъ славянъ и очень будто-бы недовольна Римомъ, который, кромѣ усиленія славянства, вовлекаетъ ее еще въ неприятыя отношенія къ Россіи. Трудно разобратъся въ этихъ политическихъ махинаціяхъ, особенно что касается Австріи, издавна отличавшейся своею крайне-двусмысленною политикою.

— Надняхъ изъ Вильны „Голосу Москвы“ сообщали, что мѣстное общество крайне встревожено было внезапнымъ отозваніемъ въ Петербургъ виленскаго римско-католическаго епископа. Люди, болѣе посвященные въ тайны мѣстной администраціи, говорятъ, что это отозваніе находится въ прямой зависимости отъ недавняго столкновения епископа съ мѣстною властью по поводу противозаконныхъ дѣйствій, допущенныхъ при обнародованіи и разсылкѣ по епархіи рубрицеллѣ на 1885 годъ. Говорятъ, будто епископъ самовольно, безъ сношенія съ мѣстною властью, вычеркнулъ изъ рубрицеллѣ имена нѣкоторыхъ ксендзовъ и подѣлалъ на поляхъ несоотвѣтственныя примѣчанія; когда послѣдовали затѣмъ объясненія, онъ велъ себя несдержанно. Уѣхалъ епископъ 22-го января, вечеромъ. Не смотря на позднее ночное время, публики, собравшейся провожать его, было очень много и на улицахъ, и на вокзалѣ. При входѣ въ вагонъ епископъ благословилъ римско-католиковъ.

Теперь „Свѣтъ“ относительно того-же епископа говоритъ: „Виленскій римско-католическій епископъ Гриневецкій отрѣшенъ отъ управленія Виленскою и Гродненскою епархіею и ему указано, впредь,

жить въ Ярославль, подъ надзоромъ полиціи. Во вторникъ 29-го января онъ, сопровождаемый агентомъ власти, выѣхалъ по Московской дорогѣ къ мѣсту своего новаго жительства. Ему и при этомъ оказанъ особый почетъ, ибо онъ поѣхалъ въ особомъ вагонѣ, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, а на содержаніе изъ казны ему назначено въ годъ 2,000 рублей, что весьма достаточно для монаха“.

Между русскими публицистами не оказалось ни одного, который-бы нашелъ возразить что-нибудь противъ мѣры, принятой правительствомъ относительно этого епископа. Газеты вспоминаютъ, что Гриневецкаго сослали въ тотъ самый городъ (Ярославль), въ который высланъ былъ въ началѣ 60-хъ годовъ варшавскій архиепископъ Фелинскій и въ которомъ послѣдній пробылъ около 20 лѣтъ. Сравнивая провинность того и другаго, „Новое Время“ находитъ, что Гриневецкій виновнѣе Фелинскаго. Послѣдній епископствовалъ въ Варшавѣ, въ центрѣ польщизны; Гриневецкій — въ епархіи съ русскимъ населеніемъ, съ поверхностнымъ лишь слоемъ польскаго элемента. Первый еще могъ считать себя увлеченнымъ окружающимъ возбужденіемъ умовъ, послѣдній-же — безответенъ, такъ какъ онъ обнаружилъ враждебныя къ русской власти дѣйствія во время полнаго мира, вслѣдъ за состоявшимся соглашеніемъ съ Римомъ, когда въ предъидущіе годы уже начали появляться ксендзы съ русскимъ языкомъ въ добавочномъ католическомъ богослуженіи, — ксендзы, конечно исчезнувшіе подъ воздѣйствіемъ новыхъ епископовъ.

Если противъ чего газеты возражаютъ, такъ противъ пенсіи сосланному епископу въ 2,000 руб. (такова-же была и пенсія Фелинскаго). Одна газета замѣчаетъ, что при такой пенсіи „мученичество“ Гриневецкаго, какъ безъ сомнѣнія окреститъ его ссылка польская печать, — будетъ „довольно комфортабельнымъ“. Другая прямо спрашиваетъ: „за что-же это, за какія заслуги давать дерзкому архиепископу пенсію въ 2,000 рублей, какъ объ этомъ пишутъ? Онъ отрѣшенъ; поэтому низвести его въ первобытное состояніе, игнорируя его епископское званіе, которое можетъ имѣть значеніе для Рима или для фанатическихъ приверженцевъ его, но не для русскаго правительства. — Въ свое время мы уже ставили вопросъ: за что римско-католическіе іерархи пользуются правами, которыхъ лишены старообрядческіе? При всякомъ частномъ обнаруженіи противоправительственнаго отношенія слѣдовало-бы отнимать отъ католической іерархіи, по крайней мѣрѣ въ чисто русскихъ областяхъ,

покровительственную руку, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ католицизму, съ нарушеніемъ всякой справедливости, оказывается даже больше уваженія, нежели господствующему православному исповѣданію“. („Совр. Изв.“).

Напрасно газета припутываетъ къ этому дѣлу какихъ-то „старобрядческихъ“ епископовъ (?!), которыхъ правительство справедливо не признаетъ епископами и признать не можетъ. Другое дѣло напоминаніе газеты о правахъ православной іерархіи.

„С.-Петерб. Вѣд.“ сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ Гриневецкій, до своего епископства снискавшій полное довѣріе нашего правительства, до такой степени, что оно употребило особенныя хлопоты предъ Ватиканомъ о возведеніи его въ епископа, — какъ этотъ безукоризненный, повидимому, въ своемъ поведеніи съ русской точки зрѣнія человекъ, сразу-же по посвященіи его въ епископа сближается съ польскою аристократіей, не хочетъ сноситься съ римскою куріею чрезъ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, опредѣляетъ сосланныхъ за повстанье и потомъ помилованныхъ польскихъ ксендзовъ и т. п. Ватиканъ (замѣчаетъ газета), которому слѣдовало-бы снабжать своихъ ставленниковъ инструкціями о соблюденіи только религіозныхъ интересовъ и никакихъ другихъ, пусть пеняетъ на себя, а не на русское правительство, за сдѣланное послѣднимъ распоряженіе относительно виленскаго епископа. „Курія вольна находить, что „бракъ“ (matrimonium) епископа съ епархіею перасторжимъ, но это нисколько не мѣшаетъ русской государственной власти очищать епископскія кафедры внутри имперіи отъ лицъ безпокойныхъ. Въ такихъ случаяхъ, на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, капитулу предписывается избрать администратора на все время отсутствія изъ епархіи поставленнаго папою епископа. Намъ извѣстно, что соотвѣтствующее распоряженіе уже сдѣлано относительно Виленской епархіи.

— Проявленіе слѣднаго религіознаго фанатизма по отношенію къ православію вообще замѣчается иногда въ настроеніи прибалтійскаго лютеранскаго населенія. Изъ Риги въ „Нов. Вр.“ сообщаютъ напримѣръ о такомъ случаѣ:

„5 января наканунѣ Богоявленія, въ Куркундской православной церкви, Черновскаго уѣзда, Лифляндской губерніи, было совершено прибывшимъ изъ Пернова протоіереемъ Суйгусаромъ водосвятіе, послѣ чего по обыкновенію, духовенство вышло изъ церкви, чтобы вылить освященную воду въ колодезь, находящійся при храмѣ; изъ этого колодца не только православные прихожане, но и иновѣрцы

брали прежде всегда освященную воду и уносили домой. Это-то обстоятельство вѣроятно кой-кому и не понравилось, такъ какъ колодезь оказался облитымъ керосиномъ, которымъ была покрыта и поверхность воды. Это уже не первый случай; въ прошломъ году въ той-же церкви была сдѣлана подобная-же попытка, но она была своевременно предупреждена мѣстнымъ священникомъ о. Соме. Духовенству, нашедшему колодезь въ такомъ видѣ, оставалось только возвратиться въ церковь со святою водою, не исполнивъ установившагося обряда. Передаютъ, что о. Соме удалось уже напастъ на слѣдъ негодяевъ, совершившихъ это гнусное дѣло“.

— Хорошимъ комментариемъ къ причинамъ, объясняющимъ стремленіе эстовъ и латышей къ обращенію въ православіе, служатъ слѣдующіе факты, приводимые „Прав. Вѣст.“ и составляющіе извлеченіе изъ вновь вышедшаго сочиненія „Ливонія“.

Нынѣшніе латыши-лютеране, обитающіе въ мѣстностяхъ, составившихъ нѣкогда Герсикскую волость, а также Толову и Имеру, являются къ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресеніе въ нынѣшнія сельскія православныя церкви и, являясь въ церковь со свѣчами, считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ христосоваться съ самимъ священникомъ. Нынѣшніе латыши-лютеране весьма часто въ нынѣшнихъ сельскихъ православныхъ церквахъ служатъ заздравныя молебны, панихиды, обращаются къ священникамъ за святою водою, которою окропляютъ свои дома. Профессоръ Дерптскаго университета Розенбергъ положительно, какъ очевидецъ, свидѣтельствовалъ, что въ воскресные и праздничные дни, въ 30-хъ еще годахъ текущаго столѣтія, эсты приходили въ православную церковь, ставили передъ иконами свѣчи, молились, совершали поминовенія по усопшимъ, нѣкоторые даже соблюдали посты. Немудрено поэтому, что неконное населеніе прибалтійскаго края—эсты и латыши—стремится перейти въ православіе.

— Учрежденное при Св. Синодѣ центральное управленіе для заведыванія церковно-приходскими школами главною заботою своею будетъ имѣть, по газетнымъ свѣдѣніямъ, распредѣленіе денежнаго кредита между епархіями на мѣстныя церковно-приходскія школы. Сообразно развитію и распространенію послѣднихъ, и кредитъ съ каждымъ годомъ долженъ распредѣляться иначе. Церковно-приходскія школы раздѣлены нынѣ на разряды: 1) на домашнія крестьянскія школы грамотности съ однимъ учителемъ; 2) одноклассныя школы съ законоучителемъ и учителемъ и съ двухлѣтнимъ курсомъ, и 3) двухклассныя съ законоучителемъ и 2 учителями. Изъ числа

всѣхъ этихъ школъ, предположено содержать домашнія школы грамотности и, отчасти, одноклассныя церковно-приходскія школы исключительно на мѣстныхъ средства. Что же касается образцовыхъ одноклассныхъ и всѣхъ двухклассныхъ школъ, то содержаніе ихъ будетъ отнесено на средства казны, земства и частныхъ благотворителей. Вѣдомство Св. Синода, въ предѣлахъ своего ежегоднаго бюджета, можетъ стипендіровать нынѣ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ до 100,000 руб. въ годъ. Съ ожидаемымъ-же повсемѣстно учрежденіемъ этихъ школъ, предполагается испросить такую-же сумму на ежегодное содержаніе ихъ и изъ средствъ государственнаго казначейства.

— Съ какою радостью принята нашимъ народомъ правительственная мѣра о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ, показываетъ напечатанный въ „Вят. Епарх. Вѣд.“ приговоръ прихожанъ села Шалѣгова Орловскаго у. Съ благоговѣніемъ выслушавъ въ церкви драгоцѣнныя слова Монарха, обращенныя къ православному духовенству съ призывомъ его къ просвѣщенію народа на незыблемыхъ основахъ православной вѣры, правилъ благочестія и въ духѣ всецѣлой преданности Царю и Отечеству, прихожане этого села по единодушному желанію постановили:

1) Дѣтей своихъ пріучать къ постоянному и неуклонному хожденію въ церковь къ богослуженіямъ; 2) запретить навсегда во всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни работы, въ особенности устройство помочей; 3) запретить во всякое время производить на площадяхъ близъ церкви, училища и волостнаго правленія ссоры, драки, пьянство, пѣніе пѣсенъ, играіе на разныхъ инструментахъ, какъ-то скрипкахъ, гармоніяхъ, балалайкахъ, бубнахъ и т. п.; 4) нарушители сего постановленія (по 2 и 3 п.) должны быть подвергаемы штрафу отъ одного до трехъ рублей въ пользу приходскаго попечительства, съ употребленіемъ сихъ денегъ преимущественно на школу, а въ случаѣ упорства предавать таковыхъ лицъ суду; 5) наблюденіе за исполненіемъ сего постановленія возлагается на церковнаго старосту и его помощника, на предсѣдателя и членовъ приходскаго попечительства и на сельскую волостную администрацію, и 6) подлинный приговоръ хранить при дѣлахъ приходскаго попечительства.

— Изъ с. Ворожбы, Суджанскаго уѣзда въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ пишутъ:

„Стараніями нашего священника здѣсь открыта церковно-приходская школа, въ которую разомъ поступило 60 мальчиковъ. Для этой

школы на средства общества выстроены двухъ-этажный домъ и по инициативѣ того-же священника, который въ ней состоитъ единственнымъ преподавателемъ и которому одному занятія не подъ силу, онъ обратился къ земству, какъ уполномоченный отъ общества, съ ходатайствомъ о пособіи для приглашенія хоть одного учителя. Земская управа сдѣлала докладъ земскому собранію, которое и назначило единовременное пособіе въ 300 руб. Кроме того школа еще ожидаетъ пособія изъ суммъ Св. Синода по представленію нашего епархіального начальства, и только тогда усиленные хлопоты нашего священника увѣчатся полнымъ успѣхомъ. Въ открытую школу крестьянскіе мальчики поступаютъ не только изъ нашего села, въ которомъ не болѣе 85 дворовъ, но и изъ окрестныхъ деревень“.

— Какъ видно изъ отчетовъ нѣкоторыхъ братствъ, дѣятельность ихъ, между прочимъ, направляется къ распространенію духовно-назидательной литературы, запросъ на которую возрастаетъ вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности въ народѣ. Какъ велика уже эта потребность въ народѣ, можно судить по распространенности извѣстныхъ „Троицкихъ Листковъ“. Требованія на нихъ громадны. Съ начала изданія ихъ по настоящее время, какъ сообщаютъ „Моск. Ц. В.“, ихъ отпечатано *шесть милліоновъ* экземпляровъ. Ихъ требуютъ огромными массами.

Одинъ русскій, Пантелеймоновъ на Аѳонѣ, монастырь приобрѣлъ, по словамъ газеты, *около полутора милліона*. Другія болѣе значительныя требованія *листковъ* были: въ Одессу 150 тысячъ, въ Тулу 70 тысячъ, Саратовъ 35 тысячъ, Владиміръ 30 тысячъ и т. д. Въ самой Сергіевой лаврѣ ежегодно раздается бесплатно богомольцамъ до пятидесяти тысячъ.—Содержаніе этихъ *листковъ* большею частію заимствуется изъ твореній св. І. Златоуста, бл. Августина, преп. Ефрема Сирина, св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Задонскаго и т. д. Стоятъ они не дорого: 100 экзем. 75 коп., съ пересылкой одинъ рубль,—обстоятельство, которое вмѣстѣ съ серьезнымъ и прекраснымъ содержаніемъ ихъ не можетъ не сдѣлать ихъ вполне доступными и желательными простому народу. Но замѣчательно, не все нумера *листковъ* расходятся въ одинаковомъ количествѣ: требуются одни сотнями, другіе чуть не сотнями тысячъ. Вотъ перечень наиболѣе распространенныхъ изъ нихъ: „Къ чему ведутъ семейные раздоры“—88 тысячъ; „Не бѣгай встрѣчи со священникомъ“—88 тыс.; „Праздники—дни Божіи, а не наши“—86 тыс.; „Бесѣда о сквернословіи и о матерномъ словѣ“—80 тысячъ;

„Отъ совѣсти никуда не убѣжишь“—77 тыс.; „Помните, дѣти, пятую заповѣдь“—77 тыс.; „Добрые совѣты о памяти смертной“—72 тыс.; „Рай“—70 тыс.; „Адъ“—70 тыс.; „Снохи въ семьѣ“—67 тыс.; „Мудрые совѣты родителямъ“—66 тысячъ и т. д.

Отсюда можно видѣть, какое содержаніе по преимуществу интересуется нашъ народъ, что весьма важно имѣть въ виду не только при распространеніи религіозно-нравственной литературы, но и при виѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ, народныхъ чтеніяхъ и пр.

— Особенную заботливость объ организаціи и развитіи народныхъ чтеній проявляетъ преосвященный Евгеній астраханскій. Чтенія происходятъ въ особо устроенной епархіальной библіотекѣ, стоившей, какъ видно изъ дѣлъ консисторіи, 18,566 руб. 36 коп., изъ коихъ собственныхъ средствъ мѣстнаго преосвященнаго 5,483 руб. Кромѣ матеріальныхъ средствъ, преосвященный, по словамъ астраханской корреспонденціи въ „Ц. О. В.“, лично заботится и о правильной постановкѣ и веденіи самыхъ чтеній, очень часто лично присутствуя на чтеніяхъ и выбирая подходящій матеріалъ для болѣе лучшаго воздѣйствія на религіозно-нравственное состояніе слушателей. Народу набирается столько, что громаднѣйшій залъ часто не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на чтеніяхъ, такъ что приходится часто занимать мѣста на хорахъ, особенно приходящимъ послѣ начала чтеній. Въ самыхъ чтеніяхъ принимаетъ участіе духовенство города во главѣ съ о. ректоромъ семинаріи; въ минувшее-же лѣто постоянное участіе въ чтеніяхъ принимали и пріѣзжавшіе на каникулы студенты академій, привлекая самымъ выборомъ чтеній и своимъ чтеніемъ интеллигентную часть общества: чтенія одновременно привлекали къ себѣ какъ массу, такъ и средній классъ, весьма мало вообще отзывчивый на современные запросы духа и религіи вообще.—Съ начала года епархіальная библіотека открыла свою дѣятельность. Въ библіотекѣ, между прочимъ, получается 15 духовныхъ и 28 свѣтскихъ періодическихъ изданій. При ней-же открытъ складъ книгъ Св. Писанія, церковно-богослужебныхъ, религіозно-поучительныхъ и др., иконъ, крестиковъ, картинъ и пр. Складъ иконъ и картинъ вызванъ, можно сказать, существенною потребностью—огражденія простаго народа отъ эксплуатаціи его разными проходимцами, продающими иконы и картины, которыя, по офиціальному заявленію преосвященнаго Евгенія, „своею необычностью вообще, нескусною и даже безобразною живописью, безграмотными надписями не соотвѣтствуютъ не только требованіямъ благочестиваго и изящнаго

вкуса, но даже простаго благоприличія, и происхожденіе которыхъ довольно темное и, по всей вѣроятности, есть дѣло промышленниковъ, странствующихъ подъ именемъ грековъ отъ Гроба Господня“.

— На встрѣчу потребностямъ и интересамъ грамотныхъ и развитыхъ уже нѣсколько людей идутъ и нѣкоторыя издательскія фирмы. Такъ, извѣстный петербургскій журналистъ г. Суворинъ издаетъ „Дешевую Библіотеку“ изъ образцовыхъ, по большей части, русскихъ писателей. Въ этой „Библіотекѣ“ томикъ Грибоѣдова стоитъ всего 10 коп., Фонвизина 15 к., Хемницера 15 коп. и т. д. Въ Москвѣ недавно вышло общедоступное изданіе стихотвореній Жуковскаго. Появились еще слѣдующія общинтересныя изданія: „Сочиненія Баратынскаго“ (въ новомъ, 4-мъ изданіи), „Стихотворенія Тургенева“ и первый томъ „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Островскаго“. Объявлена подписка на „Полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго“, въ 10 томахъ. Наконецъ, 4-го февраля, разрѣшено протоіереемъ Московской Воскресенской, на Остоженкѣ, церкви Г. П. Смирнову-Платонову издавать въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, подъ его редакторствомъ, журналъ подъ названіемъ „Дѣтская Помощь“, органъ общества попеченія о немущихъ дѣтяхъ въ Москвѣ.

— Нашъ народъ любитъ живое церковное слово и уважаетъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые могутъ говорить проповѣди безъ книжки или тетрадки. Навыкъ такого произнесенія проповѣди легко пріобрѣтается практикой. Не лишень интереса въ этомъ отношеніи рапортъ духовника Смоленскаго архіерейскаго дома, крестоваго іеромонаха Авраамія, въ которомъ онъ говоритъ, что начавъ произносить въ Крестовой церкви проповѣди по одобреннымъ печатнымъ книгамъ, онъ постепенно перешелъ къ импровизаціи и черезъ три года практики уже не чувствуетъ никакого затрудненія въ этомъ отношеніи, хотя произноситъ по одному поученію въ каждую недѣлю. На рапортъ послѣдовала резолюція преосвященнаго Нестора смоленскаго, приглашающая сельскихъ священниковъ къ подражанію достопочтенному іеромонаху и предписывающая благочиннымъ отмѣчать въ клировыхъ вѣдомостяхъ, кто изъ священниковъ учитъ въ церкви прихожанъ живымъ словомъ каждый воскресный и праздничный день.

— Изъ „отчета о состояніи Харьковскихъ городскихъ начальныхъ училищъ за 1883—84 учебный годъ“, составленнаго членомъ Харьковскаго уѣзднаго училищнаго совѣта отъ города, П. О. Фесенко, заимствуемъ слѣдующія данныя. Въ отчетномъ году за счетъ

города содержалось 5 начальныхъ училищъ, а съ половины года учреждено шестое (Скобелевское); учащихся въ нихъ было 659, въ томъ числѣ мальчиковъ 543 и дѣвочекъ 116. Изъ нихъ дѣтей дворянъ 9, духовныхъ 2, купцовъ 4, мѣщанъ 253, цеховыхъ 35, нижнихъ чиновъ 80, крестьянъ 264; православныхъ 650, старообрядцевъ 3, католиковъ 3, лютеранъ 3, евреевъ 1.

По отзыву члена училищнаго совѣта, школьныя помѣщенія почти всѣ наемныя, за исключеніемъ одного училища и Клеменовской школы. Всѣ они представляютъ полное удобство и вполне приспособлены къ занятіямъ учениковъ. Санитарное состояніе школьныхъ помѣщеній удовлетворительно, при чемъ было обращено строгое вниманіе на появленіе среди учениковъ какихъ-либо эпидемическихъ болѣзней. Въ истекшемъ году наибольшее число учениковъ страдало осною и горловыми болѣзнями.

Что касается до обстановки школъ и до педагогическихъ пособій, то въ этомъ отношеніи наши школы обставлены удовлетворительно: всѣ необходимыя пособія находятся въ достаточномъ количествѣ и вполне удовлетворяютъ требованіямъ современной педагоги. Заботы попечителей нашихъ школъ въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полной благодарности; при первой необходимости какого-нибудь учебнаго пособія съ ихъ стороны всегда встрѣчалось полное согласіе на приобрѣтеніе такового. Благодаря такому лишь теплomu сочувствію къ дѣлу, возможно и объяснить то обстоятельство, что наши школы въ отношеніи количества учебныхъ пособій безспорно стоятъ первыми среди всѣхъ остальныхъ частныхъ школъ города.

Отчетъ содержитъ подробное изложеніе объема и метода преподаванія. Чтобы хотя приблизительно познаться съ тѣмъ, на какой ступени познаній стоитъ письмо учениковъ, въ отчетѣ приведены письменныя работы на одну и ту-же тему учениковъ школъ г. Харькова, Харьковскаго уѣзда и Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ., гдѣ современное состояніе школъ находится въ самомъ блестящемъ видѣ.

Сравнивая письменныя работы учениковъ, нельзя не признать, что наши городскія школы безусловно стоятъ выше школъ Харьковскаго уѣзда и наравнѣ со школами того уѣзда (Александровскаго), который въ организаціи школьнаго дѣла безспорно долженъ быть отнесенъ къ уѣздамъ образцовымъ. Какъ-бы, однако, ни были удовлетворительны успѣхи учениковъ въ этомъ отношеніи, но они все-таки, по мнѣнію члена училищнаго совѣта, не вполне доста-

точные и оставляютъ желать многаго и главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, чтобы познанія учениковъ были-бы по возможности закрѣплены путемъ болѣе или менѣе продолжительной практики, что возможно достигнуть вполне, установивъ обязательнымъ для нашихъ учениковъ четвертый годъ обученія.

Во всѣхъ нашихъ школахъ въ истекшемъ году было преподаваемо пѣніе, въ нѣкоторыхъ школахъ черченіе и, наконецъ, въ единственной школѣ (Клеменовской) рукодѣліе, которое въ этой послѣдней школѣ преподается съ 1877 года. Учительницы этой школы, сознавая крайне необходимымъ для дѣвочекъ занятіе рукодѣліемъ, порѣшили сами собой ввести рукодѣліе два раза въ недѣлю отъ 3 до 5 часовъ, такъ какъ по распредѣленію уроковъ въ дообѣденное время никакимъ образомъ нельзя удѣлить ни одного часа времени для этой работы.

Нечего и говорить, что подобное занятіе очень понравилось родителямъ, дѣти которыхъ начали обучаться шитью, вязанью и т. д.; что-же касается до дѣвочекъ, то онѣ съ большимъ удовольствіемъ остаются въ школѣ работать и готовы даже каждый день заниматься рукодѣліемъ. Благодаря этому, число дѣвочекъ въ этой школѣ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Въ заключеніе отчета членъ училищнаго совѣта считаетъ долгомъ просить Харьковскую думу выразить благодарность гг. попечителямъ нашихъ школъ (гг. Егорьеву, Грищенко, Кузину, Трепке, Моисеенко) за ихъ теплое и сердечное отношеніе къ дѣлу заботъ и попеченій о благосостояніи нашихъ городскихъ школъ.

Если наши школы заняли столь видное положеніе въ ряду другихъ частныхъ школъ города, то въ этомъ мы во многомъ обязаны гг. попечителямъ школъ съ одной, а съ другой стороны—тому добросовѣстному отношенію къ дѣлу нашихъ учителей и учительницъ, которое было наблюдаемо во всѣхъ городскихъ школахъ безъ исключенія.

— Въ послѣднихъ числахъ прошлаго января, по словамъ столичныхъ газетъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта разсмотрѣнъ былъ уставъ и штаты вновь учреждаемаго въ Харьковѣ практическаго технологическаго института. Назначеніе института ограничено спеціальностями—механическою и химическою, съ исключеніемъ горнозаводской, которая предполагалась прежде. Институтъ будетъ состоять въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и будетъ подчиненъ попечителю Харьковского учебнаго округа.

— Высшее церковное правительство озабочено вопросомъ о возстановленіи церковныхъ приходовъ и причтовъ, закрытыхъ въ силу извѣстнаго закона 1869 года. Практика уже въ значительной степени доказала неблагоотворное вліяніе этого закона, вызваннаго заботами о возвышеніи матеріальнаго благосостоянія духовенства, на церковно-религіонзую жизнь народа, такъ какъ при разбросанности населенія значительная часть его оказалась фактически внѣ всякаго церковнаго вліянія. Новою побудительною причиною для возстановленія церковныхъ приходовъ является нынѣ возрожденіе церковно-приходскихъ школъ, требующихъ усиленія духовнаго персонала, чтобы успѣшнѣе вести это дѣло. Въ этихъ видахъ прежде всего предполагается возстановить отмѣненную закономъ 1869 года должность сельскихъ діаконовъ, которымъ по несложности ихъ прямыхъ церковныхъ обязанностей удобнѣе всего принять на себя обязанности по преподаванію въ церковно-приходскихъ школахъ.

— Благочинный, Броницкаго уѣзда, села Морчуговъ свящ. Никаноръ Цвѣтковъ донесъ епархіальному начальству, что изъ Троицкой, села Троицкаго-Зотова, церкви, въ ночь на 14 августа 1884 г., посредствомъ взлома двухъ дверей и церковнаго комода, похищены всѣ церковныя и причтовыя деньги. Церковныхъ денегъ похищено 160 рублей, изъ коихъ 90 рублей въ именномъ (на имя церкви) государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ и 70 руб. наличными, а причтовыхъ семьсотъ (700) руб., заключавшихся въ безъименныхъ—шести облигаціяхъ Восточнаго займа, по сто рублей каждая, за №№ 365.029, 365.030, 365.031, 506.707, 269.987 и 224.265, и одномъ, во сто-же рублей, 5% банковомъ билетѣ за № 52.512. Почему опредѣленіемъ консисторіи положено: по настоящему дѣлу оказывается единственнымъ виновникомъ священникъ села Конобеева Петръ Стеблевъ, бывшій въ селѣ Троицкомъ-Зотовѣ съ 8 мая 1881 года по 21 марта 1884 года, почти три года, и въ продолженіи этого времени не позаботившійся, вопреки неоднократнымъ распоряженіямъ по духовному вѣдомству, обратить причтовый капиталъ въ именныя процентныя бумаги или положить на храненіе въ Московскую контору государственнаго банка, вслѣдствіе каковаго нерадѣнія его, священно-церковно-служители села Троицкаго-Зотова лишились процентовъ съ капитала въ 700 руб. Посему сумму эту взыскать съ священника Стеблева, давъ ему срокъ для внесенія оной въ церковь села Троицкаго-Зотова два года, съ тѣмъ, чтобы вносимая сумма, по надлежащемъ записаніи

въ приходной книгѣ и по накопленіи 50-ти рублей, непременно обращена была въ государственныя процентныя бумаги на имя церкви съ правомъ полученія процентовъ по онымъ причту, или было вносимо на храненіе въ Московскую контору государственнаго банка подъ росписки и на книжку тоже на имя церкви для пріобрѣтенія болѣе крупнои процентной бумаги. За всеѣмъ этимъ имѣть наблюденіе благочинному, которому и послать указъ, съ тѣмъ, чтобы онъ объ исполненіи сего опредѣленія со стороны священника Стеблева и причта села Троицкаго-Зотова по-полугодно доносить консисторіи. При чемъ объявить священнику Стеблеву, чрезъ того-же благочиннаго, что въ случаѣ уклоненія его отъ взноса денегъ онъ отрѣшенъ будетъ отъ мѣста. Въ виду очень частыхъ случаевъ похищенія изъ церквей Московской епархіи денегъ и вещей,—въ предотвращеніе крайняго нерадѣнія со стороны причтовъ и церковныхъ старостъ о сохраненіи церковнаго имущества и капиталовъ церковныхъ и причтовыхъ,—опубликовать по епархіи настоящее распоряженіе.

— „Новости“ сообщаютъ, что въ правительственныхъ сферахъ предполагается урегулировать права духовенства на поземельную собственность. Дѣло въ томъ, что права эти въ настоящее время много страдаютъ, вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ и точныхъ законоположеній и правилъ относительно правъ духовенства на владѣніе землею. Такъ, количество земли для приходскаго причта еще по положенію 1829 г., сохраняющему силу до настоящаго времени, опредѣляется богатствомъ поземельной собственности у крестьянъ или казеннаго вѣдомства. Но при этомъ разъ отмежеванное количество земли остается постоянною, неизмѣнною церковною собственностію и не обращается никакого вниманія на то, увеличиваются или уменьшаются со временемъ крестьянскіе надѣлы. Отсюда-то происходятъ постоянныя пререканія между крестьянами и священнослужителями относительно количества поземельной церковной собственности. По существующимъ законамъ, земля, отведенная для причта, остается собственностію послѣдняго и церкви даже въ томъ случаѣ, когда церковь упраздняется, т. е. земельная собственность переходитъ во владѣніе того причта, къ которому приписаны прихожане упраздненной церкви. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ духовенство получаетъ уже двойной земельный надѣлъ, въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ. Наконецъ, для церковнаго причта полагается только земля пахатная; лѣсомъ-же и выгонами сельское духовенство пользуется изъ общихъ крестьянскихъ дачъ. Въ

этихъ видахъ, въ Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ проектомъ восстановления церковныхъ приходовъ и причтовъ въ ихъ прежнемъ составѣ, до реформы 1869 года, будутъ выработаны особыя законоположенія, которыя имѣютъ урегулировать права духовенства на поземельную собственность.

— Евреи, завладѣвая мало-по-малу западнымъ краемъ, не исключаютъ изъ области своихъ попользовеній и земли православныхъ церквей и причтовъ. По крайней мѣрѣ „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“ рассказываютъ про Бѣльскій уѣздъ такіе случаи: имѣніемъ Подбѣлы завладѣлъ еврей, и едва только завладѣлъ, какъ завелъ дѣло за спорный кусокъ церковной земли съ мѣстнымъ священникомъ Кочановскимъ, и этотъ, видя невозможность бороться съ богатымъ евреемъ, вынужденъ былъ перейти на другое мѣсто. Другой случай: въ прошломъ году завладѣлъ имѣніемъ Жюки въ Коснянскомъ приходѣ еврей Мошка Гвинъ, и тотчасъ, обративъ свой хищническій взоръ на церковный фундушъ, отнялъ у причта пастбище, которымъ безспорно владѣлъ дѣдъ нынѣшняго настоятеля сорокъ лѣтъ, потомъ отецъ его тридцать шесть лѣтъ и самъ онъ двадцать три года. Правда, пастбища этого нѣтъ почему-то на планѣ. Это, впрочемъ, не удивительно: планы эти составлялись въ имѣніяхъ по указкѣ плановъ, а потому и не все отмѣчено въ нихъ. Завязалась переписка, но пока все напрасно. Теперь еврей-помѣщикъ совершенно запахалъ дорогу, идущую отъ приходской Коснянской церкви въ деревню, а новую дорогу проложилъ по болотамъ, чѣмъ страшно затруднилъ крестьянъ, доставляющихъ лѣсъ на постройку церковныхъ зданій. Еще больше будетъ, конечно, затрудненій при доставкѣ матеріаловъ на постройку новой каменной церкви. „Приславъ пріѣзжалъ“, продолжаетъ корреспондентъ, „съ планомъ уѣзднымъ, но это такой планъ, что на немъ указаны всѣ деревни и деревушки, всѣ даже корчмы, а Коснянской церкви нѣтъ, и еврей на этомъ основаніи можетъ, пожалуй, завладѣть всею причтовой усадьбой“. „Борьба трудная: евреи въ послѣднее время не мало агитируютъ противъ дѣятельныхъ священниковъ. Подаваемые епархіальному начальству клеветныя просьбы на священниковъ, яко-бы отъ прихожанъ, отзываются еврейскимъ складомъ рѣчи и еврейскою казуистикой въ доказательствахъ, а при возникающихъ слѣдствіяхъ еврейская водка — рѣшительница судьбы человѣка“... Такъ относятся евреи къ нашей Церкви и ея служителямъ.

— 12-го февраля произошло открытіе Харьковскаго отдѣленія Крестьянскаго банка, о чемъ состоялся протоколъ. Предсѣдатель

отдѣленія д. с. с. Есимонтовскій, члены отъ земства: гг. Нероновъ и Флота. Помѣщеніе отдѣленія въ д. Шигаева на Рымарской ул. еще не готово; въ него перейдетъ правленіе лишь 22 февраля.

— Вопросъ о волостномъ судѣ, стоявшій на очереди и въ Кахановской комиссіи, нынѣ разрѣшенъ ею. Волостные суды будутъ имѣть апелляціонною инстанціею волостной съѣздъ, т. е. съѣздъ очередныхъ волостныхъ судей и при томъ подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей. Компетенція волостнаго суда по гражданскимъ дѣламъ простирается до суммы въ 500 руб. Рѣшенія по искамъ не свыше 18 руб. должны быть окончательными. Изъ уголовныхъ дѣлъ разсмотрѣнію волостнаго суда будетъ подлежать только тѣ, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ. Вмѣстѣ съ свѣдѣніемъ о проектируемой Кахановскою комиссіею реформѣ волостнаго суда, въ печати появились свѣдѣнія и о томъ, что данный вопросъ рѣшенъ не безъ преній. Профессоръ Андреевскій и г. Вагаповъ протестовали противъ принятой комиссіею формы, основываясь на томъ, что волостной судъ, какъ обычный, не долженъ имѣть апелляціонной инстанціи. Но протестъ этотъ не оказалъ вліянія, по всей вѣроятности потому, что доводы явились слишкомъ теоретическими, не имѣющими ничего общаго съ требованіями жизни. Практика доказала уже, что рѣшенія волостныхъ судей далеко не идеальны и оставляютъ желать много лучшаго. Темная, необразованная, а подчасъ и безграмотная масса, изъ среды которой является составъ волостнаго суда, часто не вѣдаетъ, что творить. А если принять во вниманіе призывную, ближайшую дѣятельность и губительное вліяніе на судей со стороны волостныхъ писарей, то станетъ совершенно понятно, что апелляціонная инстанція необходима. Не говоря уже о томъ, что указанная реформа уничтожитъ систему поднаиванія и всякаго способа задабриванія волостныхъ судей, — систему, вытекшую изъ безапелляціонности суда, она укажетъ должное мѣсто и волостнымъ писарямъ, этимъ сельскимъ воротиламъ, держащимъ и власть и судей въ крѣпкихъ рукахъ. Кромѣ того съѣздъ волостныхъ судей будетъ отличной школой для нихъ самихъ, въ смыслѣ какъ ознакомленія ихъ другъ съ другомъ и съ дѣлами общества, такъ и по вліянію, которое долженъ оказать на нихъ образованный, развитой предсѣдатель. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторое уклоненіе Кахановской комиссіи отъ теоріи обычнаго права никоимъ образомъ не повредитъ дѣлу волостнаго суда. Кстати припомнимъ здѣсь и самую организацію волостнаго суда, такую, какъ она существовала и существуетъ. По дѣйствующему законо-

положенію, волостной судъ составляется изъ выборныхъ судей, въ числѣ 4—12 человекъ, избираемыхъ на волостномъ сходѣ. Судьи засѣдаютъ по очереди, если только ихъ не очень мало. По дѣламъ гражданскимъ судъ разбираетъ иски на сумму не свыше 100 руб. и при томъ только между крестьянами одной волости. По дѣламъ уголовнымъ въ кругъ вѣдѣнія волостнаго суда входятъ разные мало-важные проступки крестьянъ. Система наказаній ограничивается: приговорами къ общественнымъ работамъ до 6 дней, къ денежному штрафу до 3 р., къ аресту до 7 дней и къ наказанію розгами до 20 ударовъ (женщины и 70-ти-лѣтніе старики не могутъ быть наказываемы розгами). На рѣшенія волостнаго суда жалобы приносятся въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Предметомъ оживленныхъ преній въ комиссіи статсъ-секретаря Каханова служить въ настоящее время вопросъ объ устройствѣ уѣзнаго управленія. По этому вопросу, какъ и по всѣмъ донинѣ обсуждавшимся, весь составъ комиссіи дѣлится на двѣ группы—большинства и меньшинства. Большинство предлагаетъ, въ видахъ устраненія вредныхъ послѣдствій отъ существующаго нынѣ разъединенія дѣйствій всѣхъ установленій какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ, образовать въ каждомъ уѣздѣ смѣшанное по составу присутствіе уѣзнаго управленія, подчиненное присутствію губернскаго управленія. Присутствіе уѣзнаго управленія, представляя коллегіальное учрежденіе изъ представителей отдѣльныхъ отраслей мѣстнаго управленія и не завѣдывая непосредственно никакою отраслью управленія, по мнѣнію большинства, должно имѣть назначеніемъ: 1) ближайшее наблюденіе за ходомъ всѣхъ дѣлъ управленія; 2) обсужденіе дѣлъ, касающихся и затрогивающихъ интересы нѣсколькихъ вѣдомствъ; 3) наблюденіе за исполненіемъ постановленій отдѣльныхъ учреждений мѣстнаго управленія, и 4) приѣмъ жалобъ на распоряженія отдѣльныхъ должностныхъ лицъ и представленія въ присутствіе губернскаго управленія такихъ дѣлъ, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ компетенцію отдѣльнаго мѣстнаго установленія. Съ учрежденіемъ уѣзнаго управленія предполагается упразднить: а) общее присутствіе полицейскаго управленія; б) уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и должность непремѣннаго члена; в) уѣздное по воинскимъ дѣламъ присутствіе; г) распорядительный комитетъ, и д) училищный совѣтъ. Дѣла, ввѣренныя нынѣ завѣдыванію этихъ учреждений, будутъ распределены между присутствіемъ уѣзнаго управленія и отдѣльными мѣстными учрежденіями. Такъ наприм.,

изъ дѣлъ, нынѣ подлежащихъ вѣдѣнію уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и непремѣннаго члена, будутъ возложены на присутствіе уѣзднаго управленія: 1) наблюденіе за управленіемъ сельскихъ обществъ и крестьянскихъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій, утвержденіе приговоровъ сельскихъ обществъ, наложеніе дисциплинарныхъ взысканій и преданіе суду должностныхъ лицъ сельскаго общественнаго управленія; 2) разрѣшеніе продажи за недоимки движимаго имуществва крестьянъ и разсмотрѣніе проповъ о разрѣшеніи недвижимости крестьянъ за недоимки; 3) дѣла по удаленію изъ сельскихъ обществъ вредныхъ членовъ и непринятію тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ опорочены по суду.

Меньшинство членовъ комиссіи находитъ излишнимъ объединеніе мѣстныхъ учрежденій и предлагаетъ съ своей стороны учрежденіе должности участковаго начальника, съ назначеніемъ на нее лицъ исключительно дворянскаго происхожденія, съ тѣмъ, чтобы участковые начальники имѣли полное наблюденіе за всѣми крестьянскими учрежденіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняли-бы обязанности бывшихъ мировыхъ посредниковъ и завѣдывали-бы судебнопольцейскими дѣлами въ своемъ участкѣ, именно всѣми дѣлами о погровахъ, порубкахъ и по найму рабочихъ. Оба проекта, большинства и меньшинства, будутъ, какъ слышно, представлены въ государственнй совѣтъ. („Ц. О. В.“).

Н Е К Р О Л О Г И.

— Во вторникъ 5-го февраля скоростязно скончался преосвященный Феодосій, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій. Почившій (въ мѣртѣ назывался Александръ Макарьевскій) былъ сынъ діакона Черниговской епархіи, въ 1849 году окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенію магистра богословія и до 1853 года состоялъ преподавателемъ исторіи въ Смоленской духовной семинаріи. Съ 1853 по 1861 годъ, въ санѣ священника и протоіерея, былъ смотрителемъ Вяземскаго духовнаго училища и проходилъ разныя другія епархіальныя должности. Въ 1861 году по принятіи имъ монашества опредѣленъ инспекторомъ Смоленской духовной семинаріи; въ 1862 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1863 г. назначенъ ректоромъ Воронежской семинаріи; 28 января 1867 г. хиротонисанъ во епископа Острогожскаго, викарія Воронежскаго, а въ 1871 г. назначенъ епископомъ Екатеринославскимъ и Таганрогскимъ.

— 26 декабря прошлаго года скончался въ г. Черниговѣ, сдѣлавшійся хорошо извѣстнымъ нашему образованному обществу и духовенству, своими богословско-философскими произведеніями, на которыхъ никогда не выставлялъ своего имени, присяжный повѣренный А. Л. Савицкій. Заключительнымъ словомъ и, такъ сказать, лебединою пѣсню покойнаго были именно эти произведенія, носившія общее названіе „Опытъ Естественнаго Богословія“, каковыхъ онъ, начиная съ 1878 г., написалъ 20 книгъ. Произведенія эти раздѣляющіяся на 3 самостоятельныхъ отдѣла, подъ названіемъ „Современное Общество“, „Религія“, „Современное Знаніе“ и „Естественная Религія и Откровеніе“ *) изобличаютъ въ авторѣ ихъ человѣка глубоко вѣрующаго и просвѣщеннаго толкователя библейскихъ и евангельскихъ истинъ. Вся жизнь покойнаго была труженническимъ и христіанскимъ подвигомъ; а въ послѣдніе годы своей жизни онъ съ чисто юношескимъ увлеченіемъ, съ глубокою вѣрою въ правоту и пользу своего дѣла, предался своимъ научнымъ и литературнымъ трудамъ, изобличая современное невѣріе и стремленіе все объяснить, все оправдать лишь одними научными данными. Покойному было 73 года; трудное и многосложное его дѣло поддерживало уже слабѣющія силы; мысль же его была, какъ всегда, свѣтла и возвышенна. Покойному удалось окончить до смерти два дѣла, которыя были ему такъ дороги: онъ выполнилъ вполне задачу и программу своихъ произведеній, которыя такимъ образомъ явились законченнымъ цѣлымъ и совершили постройку и украшеніе придѣла съ престоломъ, устроеннаго въ церкви с. Лоски, Крелевецкаго уѣзда, Черниговской губ., надъ прахомъ его покойной жены.

Отпѣваніе въ Черниговѣ было совершено преосвященнымъ Веніаміномъ, епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ который любилъ покойнаго и высоко цѣнилъ его произведенія, въ сослуженіи многочисленнаго городского духовенства, а по отпѣваніи прахъ усопнаго А. Л. былъ отправленъ въ с. Лоску, гдѣ и погребенъ въ склепѣ рядомъ съ его женой, которую онъ пережилъ только двумя годами.

С. П—ъ.

*) Книги эти находятся и въ настоящее время въ продажѣ въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Товарищ. Общ. Пол. В. Подъяческая. № 39, а въ Харьковѣ у П. П. Куколевскаго (младшаго).

ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ,

въ Москвѣ на Никольской-улицѣ,

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЬ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ.

Трїодъ Постная или Трїодїонъ. Въ листь, съ кипов. въ пер. кож. 5 руб. 50 к. 10 ф., безъ пер. 4 р. 60 к. 8 ф., въ 4 д. безъ кни. въ пер. кож. 2 р. 70 к. 7 ф., кор. 2 р. 50 к. 7 ф., бум. 2 р. 35 к. 5 ф., въ 8 д. съ кип. въ пер. кож. 3 руб. 7 ф., кор. 2 р. 85 к. 7 ф., бум. 2 р. 75 к. 5 ф. Апостоль. Въ 8 д. л. съ кип. безъ пер. 1 р. 95 к. 3 ф., въ бум. 2 р. 3 ф., кор. 2 р. 15 к. 4 ф., кож. 2 р. 25 к. 4 ф. Служба на каждый день первыя седмицы Великаго поста. Въ 4 д. въ 2 кн. въ пер. кож. 4 р. 20 к. 5 ф., бум. 3 р. 50 к. 4 ф. Часословъ. Въ 8 д. съ кни. въ пер. кож. 55 коп. 2 ф., бум. 40 к. 1 ф., въ 32 д. съ кни. въ пер. кож. 40 к. 1 ф., колен. 65 к. 1 ф., бум. 25 к. 1 ф. Послѣдованїя, помѣщенные въ Часословъ, продающіяся отдѣльными книжками. Въ 8 д. безъ кни. въ пер. бум. Полнощница 3 к. 1 ф., утреня и первый часть 4 к. 1 ф., часы: третїй, шестїй и девятїй 5 к. 1 ф., вечера съ повечерїями, великимъ и малымъ 6 к. 1 ф., отпустительные тропари, воскресные и другїе 5 к. 1 ф. Часословъ учебный, въ 16 д. въ пер. кор. 30 к. 2 ф., печ. об. 20 к. 2 ф. Молитвы на сонъ грядущимъ и утренїя. Въ 8 д. съ кни. въ пер. бум. 7 к. 1 ф., въ 8 д. крупн. печ. въ печ. обол. 15 к. 1 ф., въ 8 д. крупн. печ. на лучшей бумагѣ въ печ. об. 20 к. 1 ф. Псалтирь Слѣдованная. Въ листь, съ кип. въ пер. кож. 5 р. 30 к. 8 ф., безъ пер. 4 р. 45 к. 7 ф., въ 8 д. съ кни. въ пер. кож. 2 р. 85 к. 6 ф., бум. 2 р. 65 к. 5 ф. Псалтирь Учебная. Въ 4 д. съ кни. крупн. печ. въ пер. кож. 2 р. 50 к. 6 ф., бум. 2 р. 10 к. 5 ф., обыкновен. печати въ пер. кож. 1 р. 4 ф., кор. 75 к. 5 ф., бум. 65 к. 3 ф., безъ кни. въ пер. кож. 80 к. 4 ф., кор. 60 к. 4 ф., бум. 45 к. 3 ф., въ 8 д. безъ кни. въ пер. кож. 50 к. 3 ф., бум. 22 к. 2 ф., въ 12 д. на велен. бум. съ хромолит. рисунками. въ печ. обол. 80 к. 3 ф. Канонъ великій св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенїя на 1-й недѣлѣ Великаго поста. Въ 16 д. въ пер. кож. 45 к. 1 ф., кор. 35 к. 1 ф., бум. 20 к. 1 ф., на 5-й недѣлѣ Великаго поста, въ пер. кож. 45 к. 1 ф., кор. 35 к. 1 ф., бум. 20 к. 1 ф. Канонникъ. Въ 8 д. съ кипов. въ пер. кож. 80 к. 2 ф., бум. 65 к. 1 ф., въ 32 д. съ кни. въ пер. шагрен. 1 р. 40 к. 1 ф., сафьян. 1 р. 1 ф., коленк. 50 к. 1 ф., бум. 25 к. 1 ф. Чинъ освященїя храма Христа Спасителя. въ Москвѣ, въ 4 д. съ кни. въ коленк. 1 р. 1 ф., печ. об. 50 к. 1 ф. Чинъ, Послѣдованїе, о неповѣданїи. Въ 8 д. съ кни. въ пер. бум. 25 коп. 1 ф. Чинъ неповѣданїя отрокомъ. Въ 8 д. съ кни. въ пер. бум. 10 к. 1 ф. Послѣдованїе ко Св. Причащенїю и по Св. Причащенїи. Въ 8 д. въ печ. обол. 5 к. 1 ф. Евангелїе. Въ 8 д. съ хромолит. изобр. на вел. бум. въ пер. бум. 4 р. 65 к. 3 ф., въ 8 д. съ кипов. въ доскахъ 1 р. 40 к. 4 ф., бум. 1 р. 5 к. 3 ф., въ 16 д. безъ кни. въ печ. обол. 20 к. 1 ф. Служба на каждый день страстныхъ седмицы. Въ 4 д. съ кни. въ 2-хъ кн. въ пер. кож. 3 р. 60 к. 5 ф., бум. 2 руб. 90 к. 4 ф. Евангелїя, чтомыя во Св. велик. Четвергокъ на литургїи, на умошенїи и по умошенїи погрь, и во Св. велик. Пятокъ, на утрени и вечерни. Въ листь, съ кипов. въ пер. бум. 45 к. 2 ф., въ 16 д. на велен. бум. въ печ. обол. 30 к. 1 ф., на бѣл. бум. въ печ. обол. 8 к. 1 ф., Г. П. въ печ. обол. 15 к. 1 ф. Послѣдованїе во Святую и великую недѣлю Пасхи и во всю Свѣтлую седмицу. Въ 12 д. съ кипов. въ пер. кож. 40 коп. 1 ф., кор. 30 к. 1 ф., бум. 25 к. 1 ф. Библия. Въ 4 д. съ параллельными мѣстами, на бѣл. бум. въ пер. кож. 2 р. 55 к. 6 ф., бум. 2 р. 5 ф., въ 8 д. на велен. бум. въ пер. бум. 2 р. 60 к. 5 ф., на бѣл. бум. въ пер. бум. 1 р. 90 к. 5 ф., въ 18 д. изданїе компактное, на велен. бум. въ пер. кож. 2 р. 10 к. 5 ф., кор. 1 р. 90 к. 5 ф., бум. 1 р. 50 к. 4 ф., на бѣл. бум. въ пер. кож. 1 р. 75 к. 4 ф., кор. 1 р. 50 к. 4 ф., бум. 1 р. 10 к. 3 ф. Алфавитъ духовный. Въ 12 д. въ пер. кож. 45 к. 2 ф., кор. 35 к. 2 ф., бум. 30 коп. 1 ф. Добротолубїе. Въ

8 д. въ 2-хъ кн. въ пер. кож. 3 р. 65 к. 7 ф., кор. 3 р. 15 к. 7 ф., бум. 2 р. 85 коп 6 ф. Иоанна Св. Златоустаго, Бесѣды о Покаяніи Въ 4 д. въ пер. кож. 2 р. 4 ф., кор. 1 р. 55 к. 3 ф., бум. 1 р. 35 к. 3 ф. Ивнокентія митрополита Московскаго. Указаніе пути въ царствіе небесное. Въ 12 д. въ печ. обол. 12 к. 1 ф. Молитвы при литургіи. Въ 24 д. съ кн. въ пер. бум. 10 к. 1 ф. Мелитвословъ полный. Въ 16 д. съ литогр. изобр. въ пер. кож. 2 р. 3 ф., бум. 1 руб. 40 к. 2 ф. Молитвословъ сокращенный. Въ 24 д. въ пер. колец. 22 к. 1 ф., кор. 17 к. 1 ф., печ. обол. 12 к. 1 ф. Мѣсяцесловъ-святцы. Въ 8 д. съ кн. въ пер. кож. 55 к. 2 ф., бум. 40 к. 1 ф. Миней-четви. Въ листь, въ 4-хъ кн. въ пер. кож. 25 р. 65 к. 40 ф., бум. 21 р. 10 к. 32 ф., въ 8 д. въ 12-ти кн. въ пер. кож. 18 р. 27 ф., кор. 15 р. 27 ф., бум. 12 р. 65 к. 23 ф. Прологъ, собраніе житій, страданій и чудотвореній Святыхъ. Въ листь, въ 2-хъ кн. въ пер. кож. 7 р. 70 к. 17 ф., бум. 6 р. 25 к. 15 ф. Правила Св. Апостоловъ съ алфавитохъ, кн. въ пер. кож. 80 к. 5 ф., кор. 70 к. 5 ф., бум. 60 к. 4 ф. Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 гг. Въ 8 д. въ пер. бум. 1 р. 3 ф. О клятвѣ Московскаго собора 1667 года. Въ печ. обол. 15 к. 1 ф. Увѣтъ Духовный Святѣйшаго Патріарха Іоакима, перепечатанный дословно съ изданія 1663 года. Въ пер. кож. 1 р. 25 к. 3 ф., кор. 1 р. 10 к. 3 ф., бум. 1 р. 2 ф.

(Окончаніе будетъ.)

Продолжается подписка на 1885 г. на ежедневную литературную
политическую газету

ВѢСТНИКЪ

Литературный, Политическій, Научный, Художественный.

годъ третій

„Вѣстникъ“ издается по слѣдующей программѣ:

1. Обзоръ внутреннихъ и вѣншихъ событій. Новости ученія и учебныя. Хроника московской жизни. Провинціальныя корреспонденціи. Отчеты о засѣданіяхъ въ думахъ и земствахъ. Судебная хроника.

2. Свѣдѣнія о публичныхъ диспутахъ, лекціяхъ, рефератахъ. Библиографическія свѣдѣнія объ авторахъ, композиторахъ, художникахъ и исполнителяхъ Сохраніе драматическихъ, музыкальныхъ и художественныхъ произведеній. Рецензіи на нпхъ. Театральныя, музыкальныя и литературныя новости, русскія и заграничныя.

3. Святцы и свѣдѣнія о храмовыхъ празднествахъ. Подробныя афиши и программы благотворительныхъ, ученыхъ, литературныхъ и иныхъ собраній, частныхъ театровъ, концертовъ, выставокъ, панорамъ, цирковъ, скачекъ и т. п. зрѣлищъ и увеселеній въ Москвѣ и провинціи. Подробныя программы обществъ конскаго бѣга. Свѣдѣнія о спектакляхъ въ московскихъ Императорскихъ театрахъ.

4. Указатель вѣнжнй, судебный, желѣзнодорожный, пароходныхъ обществъ. Прїѣзжаніе и выѣзжаніе. Биржа и рынки. Торговля телеграммы. Адресы. Справочный листокъ.

5. Разказы и повѣсти. Драматическія произведенія. Стихотворенія.

6. Частныя объявленія, рекламы, стороннія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городской . . . 12 м.—4 р.	6 м.—2 р. 50 к.	3 м.—1 р. 50 к.	1 м.—75 к.
Ипогородной . . 12 м.—5 р.	6 м.—3 р. 50 к.	3 м.—2 р. 50 к.	1 м.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1. Въ конторѣ редакціи: Москва, Поварская Борисоглѣбскій пер., домъ Писемской. 2. Въ типографіи М. П. Щепкина: Москва, Средняя Кисловка, домъ Волковыхъ. 3. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ, принимающихъ подписку на газеты.

Редакторъ-Издатель Ѳ. Гиляровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

II годъ издания.

„ВОЛНА“⁶⁶

издания годъ II.

Большое еженедельное русское издание съ роскошными рисунками въ краскахъ. 50 номеровъ въ годъ, 1,200 страницъ убористой печати. Журналь «Волна» издается при ближайшемъ участіи лучшихъ художниковъ и литературныхъ силъ.

ВЪ ЖУРНАЛЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПЕЧАТАЮТСЯ:

Правительственныя распоряженія. Вопросы и новости дня „обо всемъ и отовсюду“. Выдающіеся событія въ мірѣ политическомъ. Статьи историческаго содержания и иллюстрированныя историческія романы. Этнографическіе очерки (портреты и рассказы изъ русской жизни). Стихотворенія и поэмы, Мелочи, анекдоты и разнообразный отдѣлъ съѣдовъ. Фельетоны „обзоръ общественной жизни“. Театръ и музыка. Литературныя и искусства. Земское дѣло. Народное образованіе. Судебная хроника. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. Рассказы, очерки и описанія изъ путешествій. Почтовый ящикъ. Частныя объявленія и въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО приложения для годовыхъ подписчиковъ, четыре сезона картинныхъ модъ съ картинками и альбомомъ красивыхъ узоровъ въ 20 листовъ.

Редакція приобрѣла для помѣщенія въ 1885 году слѣдующія литературныя произведенія: „Драма въ стихомъ домикѣ“, „Сербскій колдунъ“ (историч. романъ), „Бѣлая олоуха“ (повѣсть изъ руско-польской жизни), „Въ лѣсной глуши“ (очеркъ), „Богатырь Чурманъ“ (поэма), „Насѣдство Вхшаго“ (повѣсть изъ быта трущобы), „Въ волгахъ разврата“, „Подъ медвяной плетей“ (психологическая новелла), „Въ глуши Соловь и Лѣва“ (романъ изъ быта тайныхъ сектантовъ), „Презиражъ“ (повѣсть изъ кувеческаго быта), „Брѣ хмѣль гулетъ“ (фантастическая народная поэма) и многіе другіе.

»» Художественный отдѣлъ. ««

На этотъ отдѣлъ редакція обращаетъ особое вниманіе и въ теченіи года будетъ помѣщено до 300 оригинальныхъ картинъ, большого формата исполненныхъ красками по заказу редакціи известными русскими художниками. Въ журналь „ВОЛНА“ будутъ помѣщаться: историческія картины, иллюстрація къ повѣстямъ и рассказамъ, картины изъ русской жизни, портреты выдающихся дѣятелей, копіи отъ известныхъ картинъ, виды мѣстностей, разнообразныя типы, множество вышивокъ и рисунковъ налѣбы для. Художниками журнала „ВОЛНА“ уже исполнены роскошные рисунки къ произведеніямъ: гр. Толстого, Григоровича, Тургенева, Некрасова, Гоголя и друг.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ НА 1885 ГОДЪ ПОЛУЧАТЪ:

замѣчательно богатую по сюжету и выполненію картину, роскошно отпечатанную масляными красками на золотѣ

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ“

въ XVI столѣтіи

(Большая историческая картина профессора А. Н. Саврасова)

На предлагаемой нами оригинальной картинѣ изображена одна изъ сценъ праздничнаго вечера на Ивану Купалу. Эта ночь, по народнымъ повѣртіямъ, полна волшебства и чаръ. Въ эту ночь исчезаютъ изъ озера и рѣкъ русалки и цѣлуетъ цыпочекъ. Въ XVI столѣтіи, когда еще языческіе обряды были въ полной силѣ, въ ночь на Купалу, толпа боярынь, въ живописныхъ костюмахъ собралась гулять въ обширномъ боярскомъ саду. Юньская ночь дышетъ свѣжестью надъ этимъ роемъ юныхъ красавицъ, а безмолвныя деревья, густо павшія надъ ними, точно подслушиваютъ ихъ сердечныя тайны. По подслушивають ихъ по одни деревья—нѣсколько лиловолистныхъ слытъ слѣдять за гадальщицами и долго будутъ поминать—и эту тихую ночь, и эту толпу пугливыхъ боярынь.

Кромѣ главной проимъ въ теченіи года будетъ дано гг. подписчикамъ двѣнадцать большихъ, роскошныхъ художественныхъ приложений исполненныхъ красками на волокозѣй бумагѣ.

Изъ числа 300 акварельныхъ рисунковъ, редакціею приобрѣтены уже слѣдующіе:

Вечеръ въ полусвѣтѣ Приѣздъ жениха Выборъ царской невесты Чумаки Въ заводчаномъ мѣстѣ Съ работы Бѣлени Слѣны (бродячій Русь) Троицкія дѣла Въ заброшенной усадьбѣ Смерть Сократа Привалъ охотниковъ Чичиковъ у Плавьякина Тереза царевни Максимъ и князь Серебрянный Кальпур и Именъ Плачь Ярославны и многіе другіе.

Лѣва ночь Свѣтлыя Новгородъ Посвященіе въ рыцари Осужденъ На Дусой горѣ Разбойники Русская мясницца Легенда о ворономъ конѣ Орлеанская дѣва Святочное преданіе Стенка и Грузя Полезна роза Кувеческая свадьба Капитанская дочка Деревенскіе поединки Выкханалія Гришка Отрепьевъ

Условія подписки На 1 мѣсяць—1 рубль, на 3 мѣсяца—2 рубля, на 6 мѣсяцевъ—3 рубля и на 1 годъ—8 рублей съ доставкою и пересылкою. Гг. служащимъ можетъ быть сдѣлана разсрочка за ручательствомъ казначействъ или начальниковъ. За разсылку и упаковку преміи годовые подписчики благоволятъ прилагать 21 коп.

Подписка принимается во всѣхъ бібліотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи. Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи: Уголъ Никитской и Лесотязскаго переулка, домъ баронессы Корфъ.

Редакторъ-Издатель Н. У. Руссіановъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархiи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначенiемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 в., за два раза 18 в., за три раза 24 в.